

И. ЯНСОН—БРАУН

РЕВОЛЮЦИЯ В ПРИБАЛТИКЕ

Перевод с латышского П. Свирис (Блумфельд)

Предисловие к русскому изданию

В. КНОРИНА

**ИЗД.
„ПРОМЕТЕЙ“
Москва—1924**

И. ЯНСОН—БРАУН.

РЕВОЛЮЦИЯ == == В ПРИБАЛТИКЕ.

Перевел с латышского П. Свирис — (Блумфельд).

Предисловие к русскому изданию.

Москва—1924 г.

Главлит № 23259. Тираж
4500 экз. 31-ая типография
==== М. С. Н. Х. ====
Москва, Никольская, 1—3.

К русскому изданию „Революция в Прибалтике“.

Предлагаемый вниманию русских товарищей очерк «Революции в Прибалтике» появился впервые на латышском языке в 1912 году в заграничном издании Центрального Комитета Социал-Демократии Латвии. Он составляет первую часть написанного И. Янсоном-Брауном труда, вторая часть которого, посвященная периоду карательных экспедиций, целиком погибла в типографии заграничного партийного издательства в Брюсселе во время вторжения германской армии в августе 1914 года.

И. Янсон-Браун — один из активнейших участников, организаторов и руководителей революционного движения в социал-демократической партии в Латвии в 1905 году. Он один из первых марксистов в Латвии. В начале 90-х годов прошлого века И. Янсон начал пропаганду революционного марксизма. Он громил латышскую буржуазию, мещанство, пережитки крестьянского патриархального быта и остатки феодализма во всех формах их проявления. Он писал по вопросам материалистической философии, художественной литературы, истории классовой борьбы и партийной тактики. Он выступал еще в 90-х годах, пользуясь всеми легальными возможностями, по всем вопросам, которые могли интересовать латышский рабочий класс и радикальную ин-

теллигенцию. Таким образом, он выполнил роль марксистского культуртрегера и пропагандиста в тот период, когда латышский рабочий только-что формировался в класс. С образованием первых социал-демократических организаций в Латвии, Янсон-Браун стал одним из их политических вождей. В октябре 1905 года он, может быть, был наиболее популярным руководителем латышского пролетариата. Но, хотя Янсон-Браун так же, как и вся социал-демократия Латвии, всегда оставались на стороне революционного марксизма, в годы реакции Янсон-Браун, переживал ряд колебаний между меньшевизмом и большевизмом, выражавшихся у него в форме лозунга единства партии во что бы то ни стало. Эти колебания несколько сказались и на тоне издаваемой нами книги. Но Янсон-Браун все-таки был далек от меньшевистского оппортунизма вообще, он по существу оставался верен «старой партии и старой тактике» 1905 года. Во время войны Янсон-Браун решительно выступал против социал-шовинистов. Эту борьбу против социал-шовинистов он продолжал, будучи в Англии до февраля 1917 г. Собрав в голове богатейший нелегальный материал против социал-предателей российской революции, он поспешил в Россию на первом отходящем в Ленинград товарном пароходе и погиб от мин германской подводной лодки, тогда, как в то же время Плеханов и другие социал-предатели, против которых вез свой обличительный материал Янсон-Браун, были отправлены из Англии на быстроходном пароходе, сопровождаемом английским крейсером.

Некролог, написанный в «Правде» под редакцией т. Ленина, дал лучшую оценку его революционной деятель-

ности военного периода, так не во время прерванной империалистической миною...

Издаваемая нами часть труда Янсона-Брауна о революции 1905 года содержит анализ пережитков феодализма и классовых взаимоотношений в Балтике до 1905 года, краткий очерк освободительного движения и революционных событий до сентября 1905 года и в дополнительной главе — очерк о волостных «комитетах действия». Здесь недостаточно охвачено рабочее движение как до 1905 года, так и в первую половину 1905 года, нет самых ярких моментов в истории революции Латвии, когда движение уже превратилось в открытое восстание, нет истории крестьянского аграрного террора (поджигание феодальных баронских замков и т. д.) и «крестьянской войны», когда тысячи латышских крестьян, вооруженных самодельными пистолетами, саблями и охотничьими ружьями, по всем правилам первобытного военного искусства осаждали средневековые феодальные замки, защищаемые казацкими и драгунскими отрядами, баронскими отрядами самообороны (зельбштютц) и наемною черкесскою стражею. Здесь нет достаточно яркой истории захвата власти, нет и истории правительственных военно-карательных экспедиций и их кровавой расправы с латышскими рабочими и крестьянами. Но тем не менее, мы полагаем, что эта книга — первая книга по истории революции 1905 года в Латвии, — будет полезна всем, кто занимается изучением революции 1905 года, всем, кто к приближающемуся двадцатилетию нашей первой революции хочет ознакомиться с ходом событий вне столиц, в наиболее самобытных и интересных районах, всем, кто хочет

ознакомиться с своеобразными условиями и сложнейшим национальным и классовым переплетом, который придавал событиям в Балтийском крае тот размах, который привел к вооруженному восстанию и захвату власти даже в деревне.

Первые две главы книги Янсона-Брауна, посвященные описанию балтийских феодальных порядков, которые юридически пережили 1905 год, но фактически стали отмирать сейчас после него, уступая место новым, чисто капиталистическим, отношениям, — в настоящее время целиком уже принадлежат истории. Знакомство с этим «старым режимом» необходимо для того, чтобы установить причины и характер Балтийской революции. Именно, удержавшиеся наперекор рассудку феодальные отношения в то самое время, когда в стране уже существует высоко развитая крупная промышленность и началась открытая классовая борьба рабочих против капитала, когда в самой деревне уже начался переход от зернового хозяйства к интенсивному промышленно-капиталистическому хозяйству, придали весь размах революции, силу крестьянским восстаниям, остроту революционным лозунгам социал-демократии, объединяющим вокруг себя абсолютное большинство всего народа.

Но, обращая особое внимание на остатки феодализма и их революционизирующую роль, Янсон-Браун слишком мало останавливается на революционизирующей роли молодого рижского и либавского капитализма, на революционизирующей роли новых капиталистических отношений в деревне, на самой революционной роли латышского пролетариата, которым не придать должного значения является крупной ошибкой. Он говорит:

«В революциях городскому пролетариату принадлежит решающая роль. Городские пролетарские массы, в первую голову, выступают со своими экономическими и политическими требованиями и, в первую голову, выходят на открытую борьбу с существующим порядком (государственным строем), и уже только потом переносятся искры революции из городов на тихие поселки и деревни. Не будь январьских генеральных забастовок в балтийских городах, не будь экономической и политической борьбы фабричных рабочих, не будь массовых митингов и демонстраций в городах, — мы не явились бы свидетелями забастовок батраков, их демонстраций в церквах и их открытой вооруженной борьбы с «самоохранниками» и казаками, а, равно, и «крестьянской войны» и изгнания помещиков в ноябре. Но, несмотря на это, приходится в данном случае констатировать, что *не борьба городского пролетариата наложила свой отпечаток на революцию 1905 года, а поход демократических масс деревни против помещиков*». В такой постановке вопроса, сделанной Янсоном-Брауном, кроется, однако, крупная доза неверной оценки, повидимому, навеянной ужасами контр-революции и некоторою отчужденностью эмиграции. Иначе непонятно, как в то время, как российские большевики выходили под лозунгом борьбы за демократическую диктатуру *пролетариата* и крестьянства, когда с.-д. рабочий города играет роль гегемона в революции, один из виднейших деятелей революции в Балтике приписывает этому гегемону лишь служебную роль. Нет, латышский городской пролетариат в 1905 году наложил свою печать на революционное движение в деревне. *Пылающие замки феодалов*

и башни захваченных революционерами церквей наиболее эффектные свидетели революции 1905 года в Балтике. Но эти замки с их имениями переходили в руки организованного пролетарата. А эта сторона вопроса в книге остается без достаточного освещения.

Янсон-Браун вышеприведенной цитатой дает свой ответ на вопрос о характере революции. В его трактовке, революция, в первую голову, направлена против пережитков феодализма в Балтике, все остальное дополнение, второстепенное. Отсюда — Янсон-Браун почти что не останавливается на характеристике капиталистических отношений в крае, указывая на них только время от времени общими словами. А между тем и здесь крестьянская революция была лишь привходящим моментом.

Несмотря на эти недостатки, объясняемые в значительной части тем, что работа Янсоном-Брауном выполнена в эмиграции, мы полагаем, что книга Янсона-Брауна может дать много ценнейшего материала для изучения революции 1905 года и необходима каждому — историку 1905 года до тех пор, пока мы не создадим более полной истории революционных схваток балтийских рабочих и крестьян.

В. Кнорин.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

История латышской революции еще не написана, не создан документальный памятник борьбе 1905 г. Мы должники своего прошедшего и будущего. И, притом, работа эта должна получить вид обширного и основательного труда: в ней, при критической проверке фактов, надлежит не только осветить детально события, но необходимо привести их во взаимную связь с внутренними и внешними катастрофами России, выдвинуть и выяснить, как общие, так и местные причины революции. Цель настоящей брошюры охватить не историю революции 1905 года, а дать обзор только одной части ее, правда, самой кровавой и потрясающей—части—об ужасах *контр-революции* в Прибалтийском крае, о созданных и руководимых балтийскими юнкерами *карательных экспедициях*. Притом, должен оговориться, что и эта часть будет недостаточно полна и в ней скажется отсутствие показаний и личных заметок тех, кто сами подвергались ужасам контр-революции, а также — отсутствие многих документов и материалов; нет в моем распоряжении даже комплектов «Düna Zeitung» и «Baltische Tages Zeitung» ¹⁾, где сами бароны порой даже

¹⁾ Выходившие в свое время в Прибалтике, на немецком языке, газеты, обслуживавшие нужды баронов и помещиков.—Переводчик.

дымящимися кровью руками засвидетельствовали и запечатлели свои действия.

Следовательно, эту брошюру приходится рассматривать, как предварительный набросок будущей истории революции; она (эта брошюра) должна послужить толчком к собиранию и накоплению материалов борьбы минувших дней, покуда ее не покрыла тень забвения.

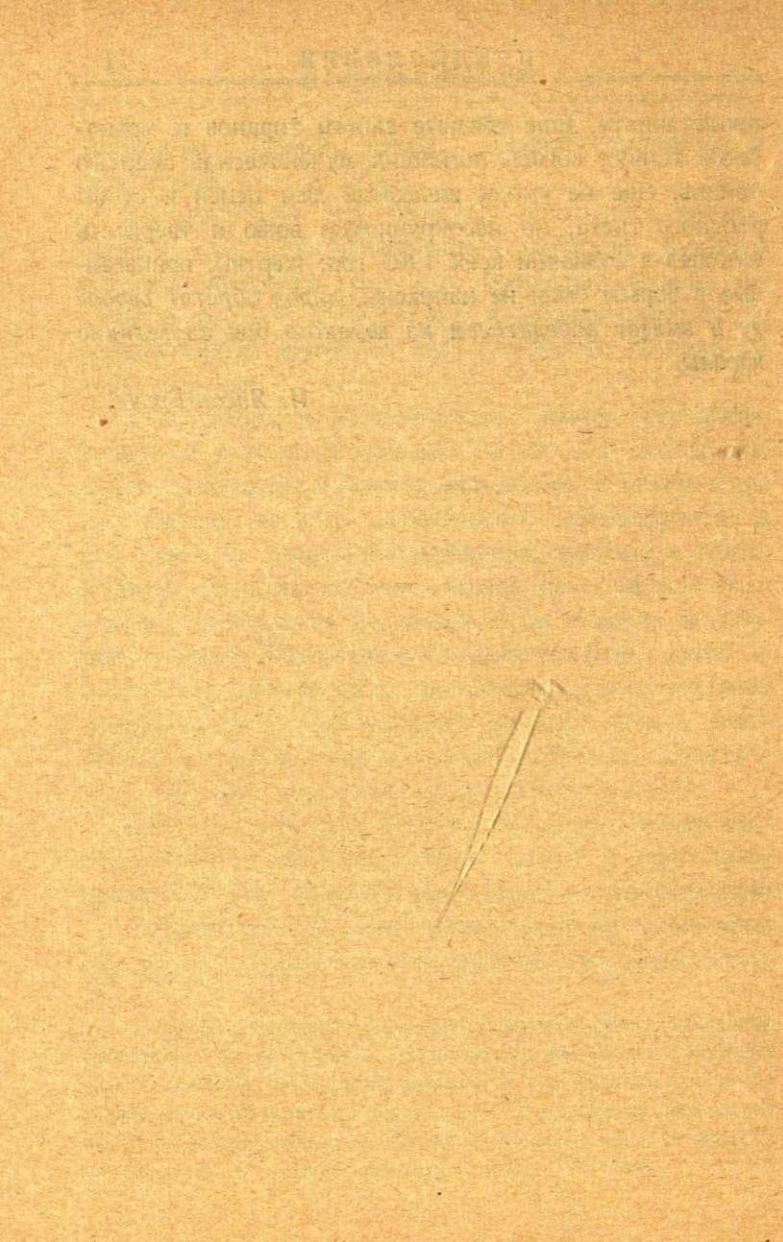
Давая набросок исторических линий, настоящее сочинение стремится выделить более или менее выпукло отдельные моменты революции, в особенности — осветить тактику деревенского пролетариата в его борьбе со свирепой помещичьей властью, а также вскрыть ту роль, которую играла наша мелкая буржуазия (деревенская и городская) до и после революции (недавно внесенная в Государственную Думу о балтийских карательных экспедициях *интерпелляция* и отношение к ней мелко-буржуазной прессы дают достаточно веский повод к тому, чтобы *остановиться на этом отношении* внимательнее и подробнее) ¹⁾.

Вместе с тем труд этот пусть будет свежим венком живых цветов на могиле павших в самоотверженной борьбе героев, а для живых — одновременно — напоминанием их долга перед лицом не оконченной еще битвы, стоившей много крови и слез латышскому

¹⁾ Слова — „недавно“ „теперь“ и другие, употребляемые автором в том же смысле обозначения, означают в сочинении Янсона не настоящий момент, а тот период, когда составлялась и писалась „Революция в Прибалтике“. Вообще же, те события, которые Янсон относит к „настоящему“, имели место в период времени с 1908—1911 год.

пролетариату. Еще грязные сапоги тиранов и мракобесов топчут могилы погибших мученической смертью бойцов, еще не умолк железный лязг цепей и стоны рабского гнета, но несокрушимую волю и твердость выковал в сознании всех 1905 год: жертвы, принесенные в борьбе были не напрасны, *народ обретет свободу и выйдет победителем из великого боя за великие идеалы.*

И. Янсон-Браун.

I.

Совершенно бесспорно, что Прибалтийские провинции в революционном движении 1905 года опередили не только все остальные окраины страны, но даже и центр самой России. Балтийские юнкера отнюдь не впадают в ошибку, когда они со злобной желчью вспоминают, что в 1905 году латыши находились в передовой цепи революционных борцов ¹⁾.

Объяснение, почему массовое революционное движение дало здесь такой глубокий и большой размах, заключается в том, что экономическое развитие страны уже достаточно подготовило почву для открытой и обостренной классовой борьбы. В местных промышленных и торговых центрах — Риге, Либаве, а также в Митаве и Виндаве — уже в 90-х г.г. капитал сконцентрировал широкую рабочую армию, заставил ее внутренне сплотиться и выступить на борьбу в целях облегчения условий существования. О числе рабочих, занятых в промышленных предприятиях Лифляндской

¹⁾ Мы надеемся, что л а т ы ш а м будет отведено почетное место среди российских революционеров“, пишет в злобной ненависти составитель небезызвестного памфлета под названием „Die lettische Revolution“.

И мы в этом уверены и—полны пожеланий, чтобы и в дальнейшей революционной массовой борьбе в России—латыши оказались не в последних рядах борцов за социализм.

и Курляндской губерний, мы узнаем из сводки сообщений за 1909 год фабричных инспекторов.

В г. Риге подлежало ведению фабричной инспекции 269 промышленных предприятий с 50.670 рабочими, во всей Лифляндии — 372 предприятия — 60.507 рабочих; в Курляндии — 159 промышленных предприятий с 14.095 рабочими. (Вышеприведенные числа касаются лишь подведомственных фабричным инспекторам промышленных предприятий и, следовательно, ни в коем случае не охватывают численности всей рабочей массы, занятой в промышленности). Об общественно-политической роли городов Прибалтики и, стало быть, пролетариата, свидетельствуют статистические данные 1897 года относительно общей численности народонаселения городов, а именно: по Лифляндии на города приходится 28%, по Курляндии—22% всего населения губернии, между тем, как, напр., в Польше на 100 чел. приходится 21,8% горожан, а в остальной России — лишь 12,6%.

Относительно деревенского пролетариата мы приведем соответствующие данные ниже, а также остановимся на общеизвестном факте о том, какие у нас сложились капиталистические отношения в области сельского хозяйства и какое подавляющее своим большинством число безземельных крестьян (батраков) было вовлечено в общепролетарскую классовую борьбу. Бесспорно, что в революции решающее слово принадлежит городскому пролетариату. Городские пролетарские массы проникаются классовым сознанием в первую очередь; они же в первую голову выступают со своими экономическими и политическими

требованиями и в первую голову выходят на открытую борьбу с существующим режимом (государственным строем) — и уже потом только переносятся искры революции из городов на мирные поселки и деревни.

Не будь январьских генеральных забастовок в городах Прибалтики, не будь экономической и политической борьбы фабричных рабочих, не будь массовых митингов и демонстраций в городах, — мы не явились-бы свидетелями забастовок батраков, их демонстраций в церквях и их открытой вооруженной борьбы с «самоохранниками» и казаками, а равно и «крестьянской войны» и изгнания помещиков в ноябре месяце. Но, несмотря на это, приходится в данном случае констатировать, *что не борьба городского пролетариата наложила свой отпечаток на революцию 1905 года, а поход демократических масс деревни против прибалтийских помещиков.*

Не извергающие дым фабричные трубы, а башни церквей и балтийских замков являются ее свидетелями. Историческая драма революции Латвии развернулась не на баррикадах улиц, а на дымящихся развалинах и пепелищах баронских гнезд...

Почему революционная борьба приняла у нас такой, а не другой оборот, мы уясним себе, если припомним к *экономическому и политическому* гнету балтийских помещиков, к их эксплуататорской и насильнической роли в отношении народных масс страны. Для этого мы должны будем обратиться к помощи статистических данных, но... предварительно отметив, что данные эти не отличаются свежестью (относятся к 1897 году) и не раз подвергались передержкам

со стороны услужливых статистиков, состоящих на жаловании у помещиков (напр., Тобиен). По этой «официальной» статистике выходит, что в Лифляндии помещичьих земель 1.664.315 десятин плюс 256.318 десятин так называемых «наделов» ¹⁾, крестьянских же земель—1.121.269 десятин.

Рыцарских поместий в Лифляндии—279 и, следовательно, на каждое из них, включая «наделы», приходится в среднем 2634,6 десятин земельной площади. Крестьянская земля в Лифляндии распределена между 25.456 усадьбами и, стало быть, земельная площадь усадьбы равна в среднем 44,73 десятинам. Из общей площади крестьянской земли было взято на выкуп крестьянами в период времени до 1905 года — 22.272 усадьбы с 1. 093.152 дес. земли. Следовательно, в руках помещиков оставалось, за вычетом проданных крестьянам помещичьих «наделов» и других участков —1.849.127 дес.

Присоединив сюда казенные и церковные земли, выходит, что на долю помещиков от общей площади, перешедшей в частную собственность, приходится

1) На основании земельного закона 1849 года, к помещичьей земле в Лифляндской губернии была присоединена известная часть (aliquoter Teil) земельной площади, ранее выделенной на основании законоположения 1804 года из „крестьянской площади“ и объявленной „неприкосновенной“. Настаивая на „необходимости“ округления своих полей и покосов, лифляндские юнкера, на основе закона 1849 г., получили полное удовлетворение и вместе с правом урезать крестьянскую землю—право также уничтожать усадьбы, находящиеся на угодьях, подпадающих под надел. Вот откуда — „надел“ лифляндских помещиков.

61%, а на долю крестьян — 39%, притом обремененной тяжелыми податями в пользу помещиков, земли.

Из общего количества рыцарских поместий Лифляндии 608 находились в руках 162 помещичьих семей, при чем одной только баронской семье фон-Вольф принадлежало 36 имений, с общей площадью в 200.000 десятин. Следовательно, на одной стороне оказалось 162 помещичьих семьи с $\frac{3}{5}$ (округленно) всей территории губернии, а на другой — 25.456 усадеб крестьян, находящихся в экономической зависимости от помещиков, и вся масса безземельных крестьян (батраков), число которых в 1897 году доходило до 650.000 человек.

В Курляндии, согласно тех же статистических данных, площадь помещичьей земли составляет 976.705, а крестьянской — 898.249 десятин (казенные и церковные земли в данном случае в расчет не приняты). Рыцарских поместий в Курляндской губернии — 648, и, следовательно, на каждое поместье в среднем приходится 1507,26 десятин земельной площади. К этим поместьям относится 12.864 крестьянских усадеб (кроме них в Курляндии имеется 7910 более крупных усадеб казенных крестьян, 6210 карликовых хозяйств и 1280 мелких солдатских участков¹⁾).

Из числа этих 12.864 крестьянских усадеб курляндские бароны успели продать уже до 1884 года — 10.188. В общей сложности, на долю помещиков Курляндии падает 53% всей земельной частной собственности,

¹⁾ Безземельных крестьян в Курляндии в 1897 году насчитывалось 377.000.

а во владении крестьян оказывается 47% всей площади. Здесь приходится отметить и то обстоятельство, что поместья Курляндской губернии носят характер латифундий в значительно большей степени, чем в Лифляндии. Так, напр., имение Донданген — 66.700 д., Попен — 46.500 дес., Пуссен — 19.500 дес. и т. д.¹⁾

Эти баронские поместья по своей земельной площади могут вполне сравняться с государственными владениями саксонских и тюрингенских графств и герцогств, но только с той разницей, что немецкие герцоги и графы не пользуются такой неограниченной властью и феодальными привилегиями, как помещики-бароны из Прибалтики.

Хотя язык вышеприведенных цифр сам по себе красноречив и убедителен, но он далеко не вскрывает тех преимуществ и привилегий, какими наделены были помещичьи владения, с одной стороны, и какие—с другой—повинности и подряды ложились на земли крестьянские. Из привилегий, в первую голову, приходится отметить лесную монополию, закрепленную всецело за поместьями. От крестьянских участков были отрезаны все лесные угодья и даже право на порубку рощ и кустарников на крестьянской земле сохраняли за собой помещики на определенные годы с момента продажи земли крестьянину! Стало быть, строевой и топливный материал

¹⁾ Приблизительно $\frac{2}{5}$ всей земли Курляндии (746.463 дес.), находящейся в частной собственности, принадлежит 28 помещичьим семьям, в том числе фон-Берам—105.227 дес. (Остен-Сакенам—91.481 дес., фон-Ганам—67.223 дес., Фирксам—59. 759 дес. и т. д.).

крестьянин вынужден был доставать на несоразмерно тяжелых условиях или у помещика, или в казенных лесах. И если не упустить из виду того факта, что, напр., в Курляндии, в Виндавском уезде, помещикам принадлежит 100.775 дес. леса, а площадь казенных лесов составляет лишь 26.868 дес., в Газенпотском — 46.993 дес. поместьям, а казне — 13.263 дес. (точно такое же соотношение помещичьих и казенных лесов в уездах Тальсенском и Туккумском), то станет ясным, в какой мере крестьяне упомянутых уездов зависели от «милости» помещиков в отношении строительного и топливного леса. Сколько именно наши бароны выручают от своих лесов — сказать трудно в виду полного отсутствия какого бы то ни было статистического материала, но если принять во внимание ту стремительность и алчность, с какой они вырубают свои леса, то выручка помещиков должна достигать по меньшей мере — миллионов. Ведь разряженным дамам Берлина деньги нужны, нужны они также и для игорных столов Монте-Карло! И неудивительна привязанность баронов к лесам, привязанность, доходящая до того, что многие из них собственноручно срывают с заходящих туда иногда крестьянок, собирающих ягоды, их косынки и отнимают кошелки!

Отсюда понятно, почему в резолюциях на митингах 1905 года всюду в деревнях выносились требования о приостановке хищнического истребления лесов и передаче их под общественный контроль местных волостных правлений.

Из других привилегий нужно отметить исключительное право баронов на торговые и промыш-

ленные предприятия в деревне. Крестьяне лишались помещиками этого права в порядке договора при сдаче ими на выкуп земли. Только помещики имеют право на открытие толевых фабрик, кирпичных и известковых заводов. Даже мукомолки и кузницы были помещичьей привилегией, так что и от таких необходимых для крестьянского обихода потребностей, как молотье и ковка лошадей, помещики ухищрялись извлекать себе непосредственную выгоду! О том, в какой мере при помощи вышеотмеченных экономических монополий, в особенности при сильном развитии промышленности и торговли в Прибалтике, увеличивалась экономическая мощь поместий и какие прибыли притекали в карманы баронов — излишне распространяться.

Однако, своей священной привилегией юнкера небезосновательно признают право на пивоварение и гонку спирта, а также торговлю спиртными напитками. И как раз баронские кабаки и трактиры приносили балтийскому крестьянину неопишемые бедствия: одно поколение за другим спаивалось в них и раззорялось, и как в засасывающем болоте крестьяне топили в них не только трудовые гроши свои, но и сознание и силу воли! Неудивительно после этого, что балтийские юнкера отстаивали свои кабаки с несравненно большим жаром, чем церковные «святыни»: после появления карательных экспедиций наши бароны ни на час не замедлили снова открыть места продажи спиртных напитков между тем, как церкви летом 1906 года во многих местах продолжали оставаться заколоченными. Миллионы рублей выкачали наши вы-

сокопочтенные бароны из распитых крестьянами полу-бутылок водки и баварского пива, поэтому неудивительно, что со введением казенной винной монополии в 1900 г. в Прибалтийском крае и значительным сокращением числа кабаков (по Лифляндии были закрыты 2/3 харчевень) помещики заявили протест по поводу ограничения их прав, почему и были «компенсированы» государством в размере 10.000.000 руб.¹⁾ между тем, как крестьяне внутренних губерний России, также имевшие право на продажу хмельных напитков, не удостоились и ломаного гроша!

Однако, число оставшихся незакрытыми кабаков было немалым: в 1903 году частных трактиров с вольной продажей спиртных напитков насчитывалось 762, в 1905 г. число их успело подняться до 798—а тогда грянул удар по помещикам—месяцы революции—и кабаки закрылись! Зато в период деятельности карательных экспедиций число их возросло до 904. А в настоящее время помещики Лифляндской губ. пришли к заключению, что крестьяне истомились от «жажды», и

¹⁾ Необходимо, между прочим, отметить, что после введения казенной монополии и закрытия кабаков доходы помещий от продажи спиртных напитков не только не сократились, но даже увеличились. Так, напр., Грос-Экауский барон имел раньше три харчевни, которые все вместе давали 1500 руб. арендной платы в год; после введения монополии осталась, правда, одна лишь харчевня, но с 2000 руб. арендной платы. В Ледебургском имении (Рижский уезд) были две корчмы с 1700 руб. арендной платы, после введения монополии осталась одна—в 3300 р. арендных и т.д.

юнкера во имя народного блага просят правительство о разрешении открыть еще 300 кабаков ¹⁾).

Так наши благородные трактирщики возвращали свои харчевни себе обратно. Мало того. Уже за однажды проданные права (см. стр. 15) они намерены снова взять откуп! После законопроекта государственной думы о том, что вопрос относительно открытия и закрытия трактиров решает местный волостной сход, балтийская (баронская) печать подняла невообразимо

1) „Везде и всюду балтийские юнкера проводят усиленную агитацию в пользу увеличения числа трактиров. Так, напр., из Перяновского уезда сообщают, что помещики добиваются открытия закрытых с введением винной монополии харчевен. То же наблюдается и в Курляндии. Между прочим, на основании ходатайства владельца курситенского пивоваренного завода 1 июля будет снова открыта уже забытая всеми Грезенская церковная корчма, якобы необходимая „для отдыха проезжих и молящихся“. Арендную плату местный барон определил в размере 3500 руб. в год. Против открытия корчмы ни со стороны волостного старшины, ни духовника, ни местного барона (еще-бы!) возражений не встречается“. Газ. „Дзимтенес Вестнесис“ № 91.

„В Гайкенском приходе делом возобновления торговли спиртными напитками в местной корчме очень заинтересовался также местный пастор (!), ибо до сих пор церковь посещали лишь обитатели богаделен и старухи, которые, само собой понятно, никаких доходов ни церкви, ни пастору не давали. Нужно полагать, что вместе с открытием корчмы возрастет число богомольцев, посещающих церковь“. Газ. „Дзиве“. № 46—1911 г.

Чтобы вы сказали, почтенные пастыри, на предложение перенести раз навсегда богослужение из церкви в кабак? Тогда жалобы на недостаток посетителей совершенно отпали бы.

бурные вопли о недопустимости ограничения имущественных прав и преимуществ балтийцев, и там же добавляла, что за «приемлемое» вознаграждение правительство, конечно, может эти баронские права «приобрести». При этом, нужно полагать, что сделка получила бы такой оборот, что после «вознаграждения» бароны все равно сохранили бы за собой кабаки...

Нельзя не отметить и других преимуществ и прав, направленных к тому, чтобы насыщать вечно-бездонные карманы помещиков. Так, напр., поселки и местечки могут строиться только на земле помещицей. При увеличении сети железнодорожного сообщения такие поселки, действительно, возникали там и сям, в особенности у железнодорожных станций, напр., Грос-Ауц, Стенден, Штокмансгоф, Смильтен и др. Они опять-таки давали солидные доходы помещикам¹⁾.

Также практикуемые ежегодно ярмарки могут быть устраиваемы только на помещицей земле. В последнее время при значительном увеличении в деревне торгового обмена во многих местах организуются еженедельные базары, из которых бароны извлекают различными способами доходы²⁾. Фураж вправе про-

1) Еще недавно писалось в газетах, что барон Вольф решил отвести для поселков площадь у Стамерсгофской ж.-д. станции; выделено 64 земельных участка размером в $\frac{1}{6}$ дес., которые почти все уже распроданы.

2) Недавно писалось в газетах, что устраивать еженедельные базары разрешено по четвергам тирзенскому барону-Альфреду Цеймерну на участке, смежном с его корчмой. „Базар местному населению необходим, но не у порога корчмы“, мелонхалически добавляет местный корреспондент.

давать только помещики; также строевой лес и строительные материалы (глина, гравий, камни и т. д.). Сюда приходится добавить еще чисто-феодалные права и преимущества помещиков—их право на рыбную ловлю и охоту по всей территории, в том числе и крестьянской, при чем в целях сохранения священной для баронов породы грызунов (зайцев) они присваивают себе также право истреблять крестьянских собак и кошек. По мнению баронов, не существует преступления более тяжкого, чем то, если кто-либо решится убить в баронском лесу зайца или тетерева. За неуважение к этой баронской привилегии в период деятельности карательных экспедиций многие из крестьян расплатились головой¹⁾...

Умение и способность балтийских помещиков обеспечивать себе доходы и приходы, их алчность и жад-

1) Даже после завершения действий карательных экспедиций время от времени бароны устраивают охоту на людей. Так, напр., газета „Дзиве“ повествует следующий кошунственный факт, имевший место в Крутене: „За убитых собак и кошек барон выдает известные премии. Так как собаки и кошки в лесах встречаются редко, то баронские лесничие употребляют свое искусство стрельбы для других целей—охоты за людьми, которые случайно заходят в лес. Так, два года тому назад, лесничий Тобиан тяжело ранил дробью некоего Г., который зашел в баронский лес за прутьями. Теперь, 4 мая, все шесть лесничих организовали охоту на двух „лесных братьев“, зашедших в лес с целью охоты. Не будучи в силах угнаться за охотниками, лесничие убили из ружья одного из них—И. В. е. ц. в. а. г. а. р. а, крестьянина Бартенской вол. Выпущенными в спину зарядами у несчастного повреждены плечи и раздроблен череп“.

ность, простирающаяся даже до не могущих не вызывать улыбки мелочей, характеризуются составленными самими баронами договорами и арендными контрактами и купчими крепостями на земельные участки и усадьбы, продаваемые крестьянам в последнее время. Так, напр., в арендном контракте по сдаче Зегевольда мы читаем:

«Арендатор не имеет права открывать и содержать в своих зданиях трактиры, гостиницы, фабрики, торговые, промышленные и т. п. заведения; точно также он не вправе сдавать в аренду помещений для вышеуказанных целей, а также сдавать в аренду правительственным учреждениям под казенные винные склады и торговлю, под аптеки; сдавать в аренду под жилье врачам, жандармам и полицейским чиновникам, железнодорожным буфетчикам и, вообще, служащим казенных учреждений».

Или еще такая статья из контракта Грос-Экау-ского графа фон-Палена: «Без письменного разрешения владельца арендатор не имеет права ни клевера, ни соломы, ни сена, ни навоза (даже в навоз не гнушается совать свой нос господин барон!) кому бы то ни было продавать или вывозить. За вывоз или продажу находящихся на территории усадьбы камня, гравия, глины, торфа—арендатор подлежит ответственности, как за расхищение усадьбы. Ни арендатор, ни люди, живущие с ним, не вправе охотиться на усадебной земле или предоставлять это право кому-либо другому, кроме господина, сдающего усадьбу в аренду» и т. д.

Владелец Беренсгофского имения, барон Раутенфельд, в своих договорных контрактах объявляет следующее: «Арендатор обязывается не допускать у себя никаких открытых собраний и не предоставлять помещений общественным организациям на арендуемой территории, хотя бы один только раз». И не только на самих крестьян распространяется баронское попечение в целях ограждения их от «открытых собраний», но баронов занимает и крестьянский скот, почему в контрактах Зегевольдского замка строго оговорено: «арендатор обязывается держать свою скотину (лошадей, коров, овец, свиней) исключительно в закрытом помещении; за каждый случай нарушения сего, арендатор платит сдававшему в аренду штраф в размере 5 руб. ¹⁾». Ничего не поделаешь. «У каждого барона—своя фантазия».

Мы могли бы бесконечно продолжать перечень подобных пунктов арендных контрактов, но, нам кажется, что и приведенных достаточно, чтобы убедиться — что ни параграф, то все новый и новый способ насилия и кабалы для крестьянина, новая угроза штрафа и взыскания, не исключая угрозы отмены самого контракта. Баронские контракты латышский крестьянин должен соблюдать также свято, как десять заповедей Моисея, и недаром бароны заканчивают свои контракты sacramentalной формулой: «Кроме нанимателя или арендатора, также и его жена обязывается нести ответственность за выполнение параграфов контракта и вместе с мужем дает в этом письменное заверение с припи-

¹⁾ Гэз. „Дзимтенес Вестнесис“, № 23—1911 года.

ской известных слов присяги: «Яко милует меня Бог и хранит! Аминь!».

И, действительно, новый арендатор баронской земли должен был вздыхать—«яко милует меня Бог и хранит», когда он подписывал эти контракты, взваливая на себя непомерно высокие выкупные или арендные платежи. Земля, которую латышские крестьяне возделывали и поили своим потом сотни лет, в царствование Александра I пресловутым правительственным актом «освобождения крестьян» в 1817—1819 г.г. была отнята у них и с неограниченным имущественным правом на нее передана помещикам. И когда после 60-х годов, крестьяне начали брать на выкуп эту отобранную у них землю, помещики до того взвинтили цены, что выкуп, подобно привязанному на шее жернсу, тянул арендатора-выкупщика в пропасть нищеты. Так, напр., в Рижском, Jakobstadtском и Фридрихштадтском уездах выкупаемая крестьянами земля сплошь да рядом оценивалась в 5 раз дороже таксации помещичьих и церковных земель; стоит только заглянуть в контракты Грос-Экауского барона фон-Палена, о которых уже была речь выше, чтобы видеть, как быстро, невероятно быстро с каждым годом повышается арендная плата.

В продолжение 12 лет до 1909 года бароны повысили цену на $44\frac{1}{2}\%$ по сравнению с той, которую взимали в 1897 году. В Лифляндской губернии одиночками хозяевами-крестьянами взято на выкуп 23.778 усадеб, на сумму 77.329.000 руб. В Курляндии, таким же образом, за двадцатилетие с 1864—1884 г. бароны успели содрать с крестьян за 10.188 усадеб 38.529.000

рублей. Следовательно, бароны прикарманили за крестьянскую землю свыше 116 миллионов рублей. Еще бы не похвастаться им своей «гуманностью» и «бескорыстием» в деле урегулирования аграрного вопроса в Прибалтике ¹⁾.

Беря на выкуп землю, крестьяне, конечно, не имели в кармане причитающуюся с них миллионную сумму и здесь заботливо приходили им на помощь посредниками помещичьи кредитные т-ва, ссужавшие за % % деньги, так что крестьянину из рода в род приходилось со скрежетом зубным и слезами гасить долг, легший на его усадьбу. И работали они с зари до зари, чтобы отстоять «свой уголок и землицы клочок», но большая часть их, надломив силы, не достигла и полпути.

В одной Лифляндии было продано с молотка в 1894 г. — 1350 усадеб, в 1895 г. — 1464, в 1896 г. — 1112, т.-е. на протяжении трех лет — 3926 дворов ²⁾.

Эти сухие цифры говорят нам о том, сколько крестьянских семей разорено помещичьими выкупными контрактами и какими слезами и кровью орошены уплачиваемые крестьянами рубли.

Контракты и обслуживаемые ими выкупы формально возлагались на арендатора, но фактически они

¹⁾ „Помещикам удалось сорвать солидный куш“ (der Adel hat ein gutes geschäft gemacht)—невзначай сорвалось с уст ландрата Самсона фон Гиммельстерна относительно прославляемого акта гуманности освобождения крестьян. Необходимо отметить, что все вообще реформы в пользу крестьян балтийские юнкера сумели обратить в „солидные“ для себя сделки.

²⁾ Цифры взяты из брошюры Фр. Розина „Латвешу земнекс“ (Латышский крестьянин) 2 исправленное изд., Рига, 1906 года.

ложились на рабочих-батраков, трудом которых хозяин-арендатор выколачивал для помещика арендную плату. За исключением немногих местностей, где превалируют так наз. «серые бароны»¹⁾ (Митавский округ) крестьяне работают на земле сами, привлекая и членов своей семьи; но, неся непосильное рабское ярмо, в то же время они доводят эксплуатацию наемных рабочих (без них все же не обойтись) до пределов крайности. Чтобы как-нибудь сократить расходы, они берутся возделывать свои поля с крайне недостаточным числом рабочих и привлекают к работе подростков и стариков, не давая людям необходимого отдыха и гоняя их с раннего утра до поздней ночи²⁾. Они стремятся сберечь копейку на каждом куске хлеба, каждой ложке супа, лишают самого необходимого себя и своих рабочих.

Высокие выкупные платежи крестьян, а также барщина являлись серьезным препятствием в борьбе деревенского пролетариата (наемных рабочих) за повышение заработной платы и улучшение быта. И если в резолюциях 1905 года выставлялись требования о понижении или отмене выкупных платежей и об отмене экономических и политических привилегий, присвоенных поместьям, то это вполне совпадало не только с интересами крестьян-землевладельцев, но и батраков.

Нами еще далеко не исчерпан список привилегий, которыми пользовались помещики: балтийские юнкера

1) Зажиточные крестьяне с крупной относительно земельной площадью от 50—100 десятин, крестьяне-кулаки. — Переводчик.

2) 18—20 часов в сутки!

были бы недостойны своего имени, если бы они не присвоили себе всех прав, а на крестьян не сложили бы всех обязанностей. И здесь нельзя пройти мимо, так называемых, натуральных повинностей, в том числе повинности гужевой на прокладку и поддержание дорог, на чем особенно подчеркивается баронскими приказчиками принцип взаимности помещиков, с одной, и крестьян — с другой стороны, а именно: помещиком, якобы, дается в таких случаях нужный материал, а крестьяне доставляют только рабочую силу. Однако, тот же баронский статистик Тобиен, о котором мы не раз упоминали, несмотря на все препирательства, вынужден признать, что стоимость рабочей силы для устройства и поддержания дорог, выраженная в деньгах, в одной только Лифляндии составляет 287.270 руб. в год. Но что Тобиен значительно уменьшил (как всегда—в пользу помещиков) эту цифру, доказательством этому служит то, что небезызвестный покровитель юнкеров, бывший Лифляндский губернатор Зиновьев, «ни в коем случае не преувеличивая цифры», определяет сумму на тот же предмет в 400.000 руб. в год. Напротив, Земцев, основываясь на материалах сенатора Манасеина, выражает эту цифру в 1.106.393 руб. Между тем, представляемый помещиками материал не превышает каких-нибудь смешных 15.192 рубликов! Содержание дорог 1 и 2 разрядов по Курляндской губернии составляет, по официальным данным, 326.548 руб.; Земцев их определяет в сумме 677.535 руб. Стоимость материала по Курляндской губ. помещики замалчивают, ибо сумма оказалась бы совершенно смехотворной.

К этой гужевой повинности по содержанию дорог прибавляются так называемые «наряды». В Лифляндской губ. на крестьян возложена повинность по доставке для почтовых станций соломы, а также предоставление лошадей для подвоза строительных материалов и т. п. Эта натуральная повинность, после проведения железной дороги, переведена уже на деньги. По данным Тобиена с этими повинностями в 1905 г. дело обстояло следующим образом: на долю крестьян приходилось 55.416 руб., а на долю поместий — 25.490 руб. в год, следовательно, на крестьян падает 68%, а на помещиков лишь 31,9%¹⁾.

Мы видим, каким тяжелым бременем являлось содержание дорог и связанная с ним гужевая повинность и как умело помещики сваливали всю тяжесть этого бремени на крестьянские плечи, хотя дорогами пользовались преимущественно помещичьи экипажи и обозы. Эта картина ничуть не изменяется, когда дело доходит до земских податей и повинностей. В то время, как помещики всюду извлекают для себя пользу, проливать свой пот и расплачиваться деньгами — неотъемлемая доля крестьянина. Уполномоченные имений чуть ли не на каждом заседании волостного суда тягались

¹⁾ Эти наряды тяжелой ношей ложились на крестьян в период карательных экспедиций: они принуждены были возить юнкеров и их служак-палачей от одного места кровавой расправы на другое. Имели место и такие случаи, как убийство волостных старшин (Вергаленская волость Курляндской губ. — убит Бальбард) за то, что своевременно не позаботились о доставке затребованных подвод. („Düna Zeitung“ № 7-1906).

с крестьянами-земледельцами; дети рабочих и служащих имений обучались в волостных школах, потерявшие трудоспособность и искалеченные в помещичьем ярме рабочие водворялись в волостные богадельни, а между тем, имения, на основе своего феодального господства, освобождались совершенно от волостных податей. А во что обходилось содержание всего этого, можно увидеть из чисел, выражающих ежегодные расходы волости. По цифрам господина Тобиена волостные бюджеты по Лифляндской губ. (не включая острова Эзеля) составляли 1.629.694 р. 29 к.

Эта сумма распределялась по следующим расходным статьям:

Содержание волостных правлений	388.022 р. 23 к.—	24 ⁰ / ₀
" " судов	139.273 р. 13 к.—	9 ⁰ / ₀
" " школ	486.144 р. 12 к.—	30 ⁰ / ₀
Медицинская помощь	16.886 р. 59 к.—	1 ⁰ / ₀
Обеспеч. нетрудоспособн. и больных	304.153 р. 60 к.—	19 ⁰ / ₀
Погашение дефицита	103.179 р. 42 к.—	6 ⁰ / ₀
Невзысканные подати за предыдущее время	48.436 р. — —	3 ⁰ / ₀
Разные расходы	143.589 р. 20 к.—	8 ⁰ / ₀
	<hr/>	
Итого	1629.694 р. 29 к.—	100 ⁰ / ₀

Львиная доля волостных расходов — в Лифляндской губ. 1.333.733 р. 66 к.—погашается из поступлений «подушной подати», которая взимается со всех мужчин от 14 до 60 лет без какого-либо соразмерного ограничения по признаку имущественного и социального положения плательщика (в последние годы в отдельных волостях замечаются попытки устранения

этой вопиющей социальной несправедливости). В 1904 году, например, по Лифляндской губернии из общего числа 294.313 плательщиков, дворохозяев и мелких крестьян насчитывалось не свыше 40.000 (т.-е. неполные 14%) человек, и весь податной налог — свыше 1 миллиона рублей—обрушивался на головы безземельных крестьян, в среднем 4 р. 53 к. с «души»¹⁾.

Несоразмерно высокие подати и ограничения прав рабочих и батраков в делах волостного самоуправления («безземельники» все еще продолжали оставаться на положении 1/10 человека) послужили одной из причин свержения старых волостных правлений осенью 1905 года и выбора новых «комитетов действия», в обязанности которых, между прочим, входило правильное распределение податей и возложение платежей также на обширные земельные площади имений и торгово-промышленные предприятия помещиков. Как правило—поместья совершенно освобождались от всяких волостных налогов, а если помещик и оказывал где поддержку школе (кочек земли, несколько сажень дров и др.), то эту помощь, в сравнении с доходами имения, можно сравнить разве только с полуфунтом конфет, которыми сердобольные барыни иногда

1) Здесь необходимо указать, что вплоть до последнего времени все волостные и сиротские деньги должны были обязательно вкладываться в сберегательные кассы Кредитных о-в и на волостные капиталы нужно было приобретать „закладные обязательства“ (Pfandbriefe), чем достигалось непосредственное поднятие курса этих „обязательств“ и привлечение крестьянских капиталов с целью увеличения оборота Кредитных о-в, находящихся в руках помещиков, и, стало быть, увеличение помещичьих доходов.

наделяли на рождественские праздники батрацких детей.

Наряду с волостными бюджетами Лифляндской губернии следует упомянуть и приходские бюджеты, хотя они, сравнительно, ничтожны и особого значения им придавать не приходится. Так, по данным 1897 года, приходами отпущено для разных общественных нужд (приходские школы, врачебная помощь, почтовые расходы) всего лишь 68.013 руб., из которых крестьянские волости покрывали 29.542 р. 91 к., а поместья — 38.470 р. 18 к. Стало быть, эти 38.470 р. 18 к.—единственная лепта, которую вносили поместья против 1.333.733 р., уплачиваемых в виде подушной подати остальным населением. Но здесь нельзя забывать и то, что и эту сумму помещики уплачивали не сами, а ухитрились вваливать на своих крестьян-арендаторов и новоселов. Это был бы настоящий «социал-демократический» порядок, если бы наших баронов-агариив (а их владения исчислялись в миллионах) стали просить о взятии на себя соответственной их доходам доли налогов для покрытия местных коммунальных нужд. Однако, быть может, помещики, увиливая от местных (волостных) податей, все же не отказываются от всеобщих налогов в пользу населения губернии в целом?

После «освобождения» крестьян установился и продолжал существовать порядок, что нужные для губернского земства хозяйственные суммы (Praestanden) взимались только с крестьянской земли в то время, как помещичьи земли, согласно старых феодальных традиций, этими податями не облагались вовсе; и только специальные учреждения помещиков несли на себе

тяготы... управления этими суммами и их... распределения, само собой понятно—без какого-либо вмешательства и участия со стороны крестьян. Но, начиная с 1889 года, лифляндское баронство вынуждается отказаться от этих привилегий и принять участие в общем несении губернских платежей. Однако, губернское и уездное земские управления продолжали оставаться помещичьими сословными учреждениями (ландтаг) и губернской бюрократией.

Земский бюджет по Лифляндской губернии в 1908 году содержал следующие расходные статьи:

Поддержка правительствен. учреждений	154.599 р.	26 к.
Содержание органов местного самоуправ.	214.125 „	—
„ тюрем и арестных домов.	91.188 „	78 „
„ дорог.	75.485 „	30 „
Обеспечение нетрудоспособных.	700 „	—
Врачебная помощь.	86.027 „	85 „
Ветеринария.	16.700 „	— „
Погашение долгов.	5.721 „	01 „
Создание разных фондов.	35.696 „	77 „
<hr/>		
Итого.	683 246 р.	97 к. ¹⁾

Большая часть этих расходов покрывалась суммами от налогов на недвижимое имущество (в 1908 году они составляли 321.539 р. 25 к.). Этот налог (так называемые «рыцарские деньги») по отдельным категориям земельной собственности распределялся следующим образом: на землю казенных крестьян падало 29.269 р., на землю поместий 99.260 руб., на «наделы» ²⁾ —

¹⁾ См. брошюру анонимного автора „Земское хозяйство Прибалтийского края“—1908 г.

²⁾ см. стр. 10.

35.970 руб. и, наконец, на крестьянскую землю — 157.540 руб.

Следовательно, несмотря на то, что в руках помещиков находился 61% земельной площади,—размер прямых налогов на эту площадь составлял лишь 30%, а остальная сумма ложилась опять-таки на долю крестьян. Нам не представляется здесь возможным остановиться на детальном разборе метода земельной таксации, обращенной на несомненную пользу помещиков, которые, совершенно освободив от налогов лесные площади, луга и выгоны и в отношении возделываемой земельной площади повернули дело так, что оценили ее в два слишком раза ниже земли крестьянской. Поместья платят с каждой десятины пахотной земли 5,3 коп., а крестьяне — 13,9 коп.¹⁾

Да, знания наших помещиков в математике бесспорны, при этом они имеют к своим услугам искусных писак, которые все их числа и расчеты освещают так, что балтийские юнкера оказываются в роли «бескорыстных», «благородных» добродетелей. Бесспорно, хорошо быть «защитником» и «покровителем» крестьян, если это ни во что не обходится, а крестьяне, вздыхая и кряхтя, собирают богатства для поместий и не только несут все коммунальные повинности, но также оплачивают налоги поместий, дают средства для квартир уездной полиции и тюрем, где, в случае надобности—и весьма нередко—сами плательщики водворяются за прегрешения против «священных» и «непри-

1) См. „Петербургас Латвешу Таутас Календарс“. 1909 г — „Латышское земское хозяйство“.

косновенных» прав, присвоенных помещикам. Однако, в пользу справедливости необходимо засвидетельствовать, что наши юнкера отнюдь не неисправимые скопидомы и стяжатели, когда дело касается не общих, а их сословных и личных интересов: они ассигновали и ассигнуют из помещичьей кассы относительно крупные суммы для содержания школ и учреждений различных немецких ассоциаций; они не скупились средствами и в 1905 году, выписывая себе телохранителей и черкесов, не говоря уже о размещенных по имениям казаках и драгунах, в особенности их офицерах, которым и в голову не приходило жаловаться на отсутствие любовной заботливости помещиков...

Брать на себя повинности, обращенные на общественную пользу, попросту не сходится с феодальными принципами балтийских помещиков; зато они захватили и держат в своих цепких руках местное самоуправление и присвоили себе исключительное право распоряжаться судьбой местных провинций и населения. Мы не будем долго останавливаться на таких пережитках феодального строя, как помещичьи ландтаги, которых насчитывалось всего четыре: Лифляндский, Курляндский, Эстляндский и Эзельский ландтаги. Правом участия в ландтагах пользовались только урожденные помещики, которые имеют рыцарские имения; заседания ландтага происходят при закрытых дверях и принятые на них постановления сохраняются в глубокой тайне; ландтаг имеет право на обсуждение всех вопросов, «касающихся права, пользы и учреждений помещиков, а также пользы провинций». Все законопроекты о местных нуждах всегда направля-

лись на предварительное обсуждение ландтага, и ландтаги, в свою очередь, имели право возбуждать ходатайства об изменении существующих законоположений. Латышский крестьянин прекрасно осознал, что означала для него деятельность ландтага в последнее столетие: здесь высиживались все проекты, направленные к защите и закреплению власти и гегемонии феодального баронства; здесь выковывались те средства, при помощи которых предполагалось удержание в бесправном рабстве и зависимости крестьян. Каждый законопроект, который под давлением исторических условий проводился в жизнь русским правительством и мог быть иногда обращен на пользу латышского и эстонского крестьянина, до того извращался и уродовался в этом помещичьем гнезде, что от него помещики всегда лишь выгадывали, и в лучшем только случае рабские цепи крестьян бывали спущены на толику свободнее. Стоит лишь припомнить широко афишированное и прославленное «освобождение крестьян» в 1817—1819 г.г., когда как раз помещичьи ландтаги повернули дело так, что крестьяне были совершенно лишены земли, целиком присвоенной помещиками. С помещиков сняты были всякие обязанности по отношению к крестьянам, и последние попали в более угнетенное положение, чем когда-либо. То же было проделано с реформами 40-х и 60-х годов, хотя на этот раз помещикам не удалось осуществить такой выгодной сделки, как с «гуманным» актом освобождения крестьян. Что и русская реформа 60-х годов не перешла феодальных окопов Прибалтики и что у нас до сих пор не удается установить такой узкой и без-

винной формы самоуправления, какая уже давно присвоена земским губерниям России—благодарить за это приходится исключительно ландтаги помещиков. Отсюда и понятны требования о сейме местного самоуправления, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, громко раздававшегося в период борьбы 1905 года. Эта форма самоуправления сломала бы насилие и власть помещиков, освободила бы от феодального гнета экономическую и политическую жизнь Прибалтики и сумела бы открыть доступ к удовлетворению социал-политических и культурных нужд местного населения.

1905 год до того расшатал основы этой феодальной крепости, что благородных доспехов рыцари сочли целесообразным сделать несколько новых окопчиков и пригласить себе на помощь новоиспеченное «серое баронство», чтобы, согласно решения Лифляндского ландтага,—«укрепиться в будущем против социалистов и низвергателей». Для осуществления этого, летом 1907 года в особом совещании под председательством палача и вешателя Меллер-Закомельского был разработан какой-то смехотворный и уродливый проект, по которому принцип местного самоуправления характеризовался тем, что от участия в нем (самоуправлении) были совершенно отстранены массы безземельных крестьян, решающий перевес обеспечивался помещикам земельным магнатам, а в третью курию милостиво допускались просеянные и отобранные представители дворохозяев-крестьян из более крупных. Наши «серые бароны» обрадовались было, что им теперь придется бывать в одном помещении с урожденными юнкерами.

но лета проходят, а об этом проекте «самоуправления» ничего более не стало слышно¹⁾.

Этот законопроект, очевидно, не пришелся по вкусу нашим феодалам и потому он не увидел света божьего. Так всегда было в Прибалтике: если настала очередь проведения хотя бы самой убогой реформы, она десятки лет оставалась без движения; наоборот, когда баронам понадобилась «усиленная охрана» или военное положение, то это осуществлялось поездкою в Петербург дворянского ландмаршала в недельный срок.

Таким же отжившим свое время учреждением, как рыцарский ландтаг, является помещичий патронат, т. е. право помещиков назначать священнослужителей приходов. Мы знаем, какая роль в народной жизни принадлежит выбираемым помещиками и назначаемым ими церковным служителям: по воскресеньям, с церковного амвона, им приходилось с проклятьями и угрозами продолжать то же самое дело, которое в будни выполнялось надзирателями и приказчиками помещиков при помощи дубинок. С них требовалось внедрить в сознание народа рабское повиновение и покорность господам.

Сто слишком лет тому назад против церковного входа виднелись орудия пытки, где в свое время истяз-

1) „Назад! Нам необходимо вернуть себе, что у нас украдено“, проповедывал при открытии лифляндского ландтага в 1907 году в церкви Иакова генерал-суперинтендент Газтген.

Уважаемый генерал-суперинтендент, очевидно, здесь грубо ошибся: все, что можно было украсть у крестьянина, помещиками уже было украдено, и трудно вообразить, что бы могли юнкера еще „украсть“ у него.

зались и мучились крестьяне за те или иные проступки против всемогущих своих господ; затем, в период барщины (до 1860-х годов) по воскресным дням к церквям сгонялся крестьянский люд для распределения на работы на ближайшую неделю; в период карательных экспедиций церковные площади нередко превращались в лобные места. Так, напр., в Дростенгофе 11 августа 1906 года без суда и следствия были расстреляны ни в чем неповинные народный учитель Широн и крестьянин Шульмейстер со своим 15-тилетним сыном, причем последний — согласно текста интерpellации—еще с признаками жизни был брошен в вырытую под церковным порогом (!) яму.

Евангелие Христово, проповедываемое с церковного амвона духовными пастырями, содержало в себе известные, взятые из псалтыря Банкау'а слова: «покоряйся своему господину, слушайся его госпожи, и если ты этого делать не захочешь, учение о послушании будет написано на твоей собственной спине». И напуганные евангельскими проповедниками геенной огненной, адскими жаровнями и дьявольскими кочергами крестьяне творили крестное знамение и возносили мольбы о «господах, священниках и повелителях»; униженно, дрожащим голосом они пели известный мотив из духовного песенника:

Послушен буду я
От всей души своей—
Господское добро
Множить, беречь верней“ и т. д.

Наши духовники всегда отличались своей ненавистью к угнетенным классам, их нуждам и чаяниям (не-

многие исключения среди лютеранских священников только подтверждают правило); они всегда предавали анафеме и порицали каждое начинание, направленное к облегчению жизни крестьянина и прогрессу, они подвергали самой жестокой денунциации каждого, кто проявлял желание и попытки к улучшению положения угнетенных и продолжают то же по сей час. Когда в 1902 году в Мариенбургский приход против воли всего населения был навязан всеми ненавидимый «духовный пастырь» и приход в целом заявил протест против него, тогда владелец Мариенбургского имения фон-Фитингоф-Шель, ссылаясь на свои патронатские права, откровенно заявил: «как моих овец не должно интересоваться, какую я им даю овчарку, точно также и крестьянин не должен рассуждать о том, какого я даю ему священника». Глупые, беззастенчивые слова этого юнкера, однако, в высокой степени характерны как для церковных патронов, так и для назначаемых ими священников, которые вполне сознательно брали на себя все обязанности баронской «овчарки». Лютеранские священники в Прибалтике не удовлетворялись одной только обязанностью пастырей своих овец,—они не только пасли их, но и стригли, как кто умел. После прохода помещика, сдирающего с латышского и эстонского крестьянина все, что только можно, следом за ним шел духовный пастырь и выворачивал святой своей рукой карманы паствы—не затаилась ли там случайно скрытая от помещика монета. Во-первых, наши лютеранские священники в пределах своих имений в отношении обирания крестьян не уступают в жадности помещикам: арендные контракты на земле

священнических поместий в своей суровости, ни в коем случае не уступают контрактам выкупным¹⁾.

По Лифляндии насчитывается всего 102 пасторских имения с 49.665 десятинами земельной площади; в Курляндии всего 90 имений с 24.000 десятинами земли. Правом продажи земли пасторы не пользуются, но сдавать землю в аренду крестьянам—они могут. Необходимо отметить, что по сравнению с баронскими, доходы наших служителей Христа с их имений относительно невелики, но зато они обеспечены заботой их покровителей иными путями. Почти во всех приходах Прибалтийского края сохранены со времен феодализма, так называемые «регулятивы», согласно которых крестьяне обязаны производить в пользу пастора поборы натурой (зерно, яйца, рыба, дичь и т. п.) или выполнять трудовую повинность (строение зданий, обработка земли и т. д.). Все прегрешения против 10 заповедей они согласны прощать по христианской своей кротости, но ни в коем случае не простят нарушение одиннадцатой по счету заповеди — «невыполнение» кем-либо регулятивов. Сюда же приходится отнести и другие доходы священнослужителей, так, напр., за крестины, обручение, похороны и т. п., при чем цена на

¹⁾ На одном из заседаний „Научной комиссии“ бывший издатель журнала „Ауструм“ и теперешний фетельнский пастор рассказывал слезливым голосом о том, как трудно уплачивать аренду крестьянам (числом 1⁰) его имения. „Что за добрый пастор!“ подумали про себя один-другой наивные слушатели. Понизить же арендную плату Андрей Недра, оказывается, никак не в состоянии, а пустить слезу — вспоминая о тяжелом положении своих крестьян—он всегда считал своей святой обязанностью.

сопровождающие их сакраменты не может считаться низкой. К тому же она взимается без промедления и оговорок—наличными.

Еще не так давно наши просвещенные лютеранские пасторы эксплуатировали суеверие крестьян при помощи молебнов (совершенно похоже на католические мессы): за сумму 1—5 руб. они возносили соответственную размеру платы «молитву Господу-Богу» за земное благоденствие живых и небесное—мертвых, за больных и здоровых, по случаю вновь выстроенного амбара и скотного двора и т. д.

Годовые доходы отдельных священников в Прибалтике не одинаковы, но за сумму ниже 2000—3000 руб. никто из них евангельского учения не проповедует. Есть иные такие доходные приходы, которые дают до 10.000 р. в год. И как раз в этих приходах промотавшиеся в свое время дерптские теологи стараются как можно больше произносить евангельских наставлений в угоду своим патронам-помещикам.

Против духовенства в Прибалтийском крае давно назрела в народе глубокая ненависть, и право патроната являлось, поэтому, камнем постоянного преткновения между владельцами имений и приходскими крестьянами. Одно время у нас, среди деревенского населения, замечалось усиленное течение в пользу ввода в церковь кандидатов самих приходов — урожденных латышей; в этом нашла свое выражение крестьянская оппозиция помещикам, причем эти устремления разогревали теологи «националистических корпораций» (Вилис Плуте, Недра и др.), которым и днем и ночью мерещились богатые церковные имения. Но бароны упрямо не

пускали из своих рук патронатские права и в священнический талар одевали, попрежнему, своих любимцев; это порождало иногда острые столкновения (особенно в эстонской части Лифляндии) в моменты введения в церковь навязанных помещиками священников, и нередко они занимали алтарь в сопровождении вооруженной полиции. Но ради церковного имени отцы духовные не страшились никакого позора. Они согласны были совершать церковные обряды хоть под охраной вооруженных сил, как это нередко имело место в 1905 году¹⁾.

Одну незаменимую пользу все же принес пасторский институт: назначаемые помещиками церковники произвели со временем такое отчуждение церкви от народа и настолько основательно рассеяли все иллюзии веры народных масс, какого ни в коем случае не удалось бы достичь никакой антиклерикальной пропагандой. В этом безусловная заслуга наших духовников, что латышские крестьянские массы освободились от религиозных предрассудков, как ни в одной из европейских стран (ни демократическая Финляндия, ни протестантская Швеция, ни Норвегия, не говоря уже о

¹⁾ Отметим только один пример. В газете „Денас Лапа“ в № 225 - 1905 г. читаем буквально следующее: Шрунденский приходский пастор фон-Фенинген не только поносил каждое воскресенье с амвона революционную борьбу народа, он распорядился даже доставить из лесу подводу дубин, которые сложил в алтаре церкви (!), чтобы ему с церковными служителями в случае появления „социалистов“ было бы чем обороняться. Идеальнейший проповедник Христа с дубиной в руке.

европейских католических странах, не могут сравниться в этом отношении с Прибалтикой).

Об этом спохватились после 1905 года и наши близорукие юнкера и начали изыскивать способы продажи за деньги уже совершенно потерявшей всякую ценность патронатской ветоши (подобные вопросы нередко поднимались в прессе балтийцев), но покупателей на это феодальное тряпье не нашлось, и здесь лишний раз подтвердилось бесспорное историческое положение о том, что привилегии не выкупаются, а попросту отменяются¹⁾.

1) В переживаемый нами период реакции юнкера снова приходят к заключению, что курс этой их привилегии начинает почему то подниматься, и они уже заводят песнь обратного порядка. Так, напр., „небезызвестный депутат 3-й Государственной Думы барон Мейендорф, перед которым ради его „свободных“ взглядов благоговеют наши „Дзимтенес Вестнесис“ (орган крупнейших дворохозяев и аграриев-латышей.—Пер.) и „Латвия“ (орган реакционной интеллигенции—Пер.), теперь определенно подчеркивает, что лифляндские помещики могут отказаться от института патроната только в том случае, если будут гарантированы „беспартийные и нормальные“ выборы священников, т. е. при условии оставления всей полноты власти по данному вопросу в руках консистории и помещиков. В общем—чтобы все оставалось по старому.—Отметим здесь также, между прочим, и то, что упомянутый барон Мейендорф считается врагом и поборником алкоголя, но сокращения числа харчевен в Прибалтике этого его „совесть“ д. пустить не в состоянии, ибо этим были бы затронуты священные права „частной собственности именов“. Ни для кого не секрет, что наши бароны являются иногда исключительными акробатами: за чужой счет они могут прикинуться даже „либе

Заодно с церковью, во власти поместий находится и школа: точно также, как церковь, и школа должна воспитывать покорных и послушных слуг, или, как это формулировано в утвержденных в 1875 году циркулярных предписаниях евангелическо-лютеранским школам в деревне,—«закрепить у местного населения религиозные и нравственные убеждения». Еще в апреле 1905 года лифляндское рыцарство обращается к председателю Совета министров—гр. Витте с предложением о том, чтобы школы были обращены в «церковные учреждения» (*kirchliche Einrichtung*), в управлении которыми решающее слово принадлежало бы местным помещикам и духовенству. Никогда не составляло интереса для наших баронов и духовных отцов дело поднятия народного образования, они всегда оказывали противодействие, когда поднимался вопрос о расширении программы или обеспечении школ учебными пособиями. Для них предпочтительнее было определить на место народного учителя—приходского кистера, лишь бы он раболепствовал перед господином и вколачивал при помощи нагайки или линейки в головы своих питомцев как можно больше материала из «священного писания», катехизиса и духовного песенника. Так, в 1853 году, в Курляндии на ландтаге отдельные чистокровные бароны настаивали на закрытии Ирмлауской семинарии или, по крайней мере, отмены в ней преподавания немецкого языка, вместе с изучением которого будущие учителя якобы впитывают в себя высо-

ралами-конституционалистами*, чтобы немедленно затем ухватиться с удвоенным остервенением за барахло своих феодальных привилегий.

комерие и «известный дух». Там же приводились отдельные опасные факты: пришлось уволить учителя из за того, что в него вошел высокомерный дух и он отказался целовать полу одеяния священника ¹⁾).

И сколько еще учителей не было уволено с тех пор за такое же «высокомерие» и «известный дух».

До середины 80-х годов наша страна находилась в зависимости и от помещиков, и от священников; затем взвалился на нее кошмар руссификации. Две темные силы в борьбе между собой решали участь народного образования — немецкое баронство и русская бюрократия.

Одновременно с дубинкой церковных кистеров на детские головы падали кулаки русских инспекторов. Вместе с непонятным учением катехизиса школьникам приходилось заучивать столь же непонятные премудрости светские—на чуждом им языке. Народному учителю нужно было угождать двум одинаково мрачным государям и неусыпно проводить возложенную на него работу—калечения детей. Кто не соглашался на это—лишался места.

Печальная повесть нашей школы всем хорошо известна. Отсюда понятно и то обстоятельство, почему революционное движение не могло не захватить и народной школы и почему учителя, которые критически оценивали свое положение, были увлечены этим движением и крепко связали с ним свою судьбу. Баронская пресса не устает плакать и жаловаться на

¹⁾ См брошюру Спагиса в 60-х г.г. „Zustande des freien Bauernstandes in Kurland“.

то, что якобы одна из основных причин революционного движения — это руссификация школы; была бы народная школа оставлена в руках баронов и священников и в учителя производились бы верные помещикам псари, которые воспитали бы детей на катехизисе и законе божьем, — тогда народ не подвергся бы «тлетворному» влиянию социалистов и остался бы в вере и послушании. Ничто не помогло бы вам, господа бароны и духовные отцы. Если вы попытались бы даже совершенно лишиться рассудка крестьянских детей, если бы вы заставили их с утра до поздней ночи читать одно только «священное писание», если бы вы даже глаза им выкололи, — все равно вам не избежать бы было народного восстания в 1905 году и все равно было бы пламенем поглощено ваше величие!..

Свою культурническую роль балтийские юнкера ясно обнаружили в период действия карательных экспедиций, когда их бешеная рыцарская ненависть со всей тяжестью своих последствий обрушилась на головы самых лучших и сознательных по работе народных учителей, которые в той или другой форме осмелились обнаруживать неуважение к попечителям церквей и школ. На глазах у малолетних школьников учителя подвергались смертной казни и избиению нагайками. На подобные приемы могли быть способны только наши высокорожденные палачи и прославленные «носители культуры» в Прибалтийском крае. При том, проступок этих учителей, в общем и целом, заключался в том, что они осмелились преподавать на родном языке и по новой программе обучения, т.-е. делали то же, что делают сами юнкера, требующие для своих

гимназий и сословных школ права преподавания на немецком языке по программе, которая была бы при-
норавлена к «духовным» способностям учащихся¹⁾.

Однако, выше школы и церкви балтийские помещики ставили всегда и всюду полицию, и поэтому в списке привилегий мы находим также параграф о полиции имений. Могло бы показаться, что насквозь прогнивший феодальный институт пережил свое время и он никогда уже не получит того значения, какое присвоил себе после «освобождения» крестьян. В то время

1) После карательных экспедиций попечители наших волостных школ все же не могли так свободно распоряжаться учительскими спинами, как до тех пор, но зато они, с целью придушения школы, прибегли к гнету всевозможнейшими циркулярами. Со времени начала руссификации хозяевами нашей народной школы являются, главным образом, инспектора, кость от кости русской бюрократии, но в последний период снова начинают конкурировать с русскими чиновниками прежних времен „церковные и высшие школьные комиссии края (Oberländerschulkommission) Эти помещичьи учреждения стремятся удержать в своих руках „все нити школьного управления“ (согласно текста одного из циркуляров). И в самом деле, высшее школьное правление Курляндской губернии постановило в прошлом году: „не допускать при школах учреждения библиотек, а также учителям занимать какие бы то ни было должности в обществах просвещения. Так как, стало быть, призвание школьных учителей—не допускать в народе развития просвещения, то они „этим милым и дорогим латышам“ разрешают содержать в школьных библиотеках только 62 книги (христианские лубочные издания „Фрейя и Ставенгагена“) ибо вся остальная литература, по их мнению,—„от лукавого“. (См. журнал „Изглитба“ (№ 12-1910 г.)

помещичья полиция играла роль верховной инстанции по крестьянским делам, и «крестьянское самоуправление» было ничто иное, как тень, отбрасываемая баронским полицейским. Полиция имения, т.-е. барон или его заместитель, не только утверждали (правильнее — назначали) «выборных» членов волостного правления и контролировали (вернее — диктовали) судебные приговоры, но они, кроме того, являлись посредником между волостным сходом и окружным или губернским правлением и судом. Как никто не может вступить в царствие небесное без помощи Иисуса Христа, точно также никто из латышских крестьян не мог обращаться ни в одно уездное или губернское учреждение без согласия на то барона или полиции имения¹⁾.

Предписания и распоряжения правительственных учреждений волостным «самоуправлениям» передавались через полицию имений, поэтому полиция и следила за их исполнением. Полиция имения имела право ареста крестьян за те или иные проступки по своему усмотрению и передачи арестованных суду. Когда крестьянин хотел выписаться из волости или выехать на время в другое место, он должен был выхлопывать себе от полиции имения паспорт с установленной печатью. И, наконец, за «грубое поведение» и «непослушание», как равно и за «неотдание чести» полиция имений пользовалась правом подвергнуть крестьянина аресту и заключению в тюрьму на 2 суток, или подвергнуть телесному наказанию в 15 палок — мужчине и в 15 прутьев — женщине, причем сохранялось в силе «благо-

¹⁾ Розин — «Латвешу Земнекс» (Латышский крестьянин изд. 2-е, 177 стр.

приобретенное право» (wohlerworbenes Recht), заключающееся в том, что наказанный должен был уплачивать известную денежную сумму своему эзекутору (такса, в большинстве случаев, равнялась 15 коп.)¹⁾.

Это всеилие помещичьей полиции было в значительной степени ограничено новыми «законами волостного управления» (изданы в 1866 г.) и, между прочим, жестокое для крестьян «кнутовище» было выбито из юнкерских рук. Утвержденные в 1888 году законы губернской полиции в Прибалтике оставили за владельцами имений только право охранять «добро и порядок» в пределах поместья, и права помещичьей полиции превратились в уродливый пережиток феодального прошлого. Однако, в 1905 году этот средневековый призрак снова воскрес: уже летом 1905 года бароны, ссылаясь на помещичьи полицейские права, организовали при помощи ее и казаков нападения на своих бастующих батраков, ловили и арестовывали «велосипедистов» (они обвинялись в распространении прокламаций) и т. д. и в августе, после введения военного положения в Курляндии и оборудования в имениях застенков,—полиция эта выполняла роль инквизиторов и палачей. А еще позже, с появлением карательных экспедиций, наши юнкера пользовались неограниченными правами самодержцев: в 1632 году шведский король Карл XI лишил ливляндских помещиков права судить своих крестьян за преступления уголовные, но 273 года спустя, после оглашения «конституции» в России, прибалтийским помещикам дано

¹⁾ Розин—«Латвешу Земнекс» (Латышский крестьянин), издание 2-е. стр. 188—189.

было право распоряжаться жизнью и смертью крестьян, выносить и приводить в исполнение смертные приговоры без суда и следствия. Роскошные баронские замки, которые воспевались служащими писателями, как «рассадники культуры и святого благоухания», обратились в разбойничьи вертепы, где (напр. в Прекульне, Курляндской губ., Зегевольде и др.) по образцу рижского «музея» истязали и мучили захваченных революционеров, растягивали и разрывали жилы, ломали кости ¹⁾.

Мы не имеем намерения останавливаться здесь подробно на административной и судебной организациях Прибалтики и доказывать, в какой степени они выгораживают и защищают интересы помещиков. Это в высокой мере сложная сеть колючей проволоки с колючками в сторону населения, опутывавшая в период недавнего еще феодального господства всю крестьянскую общественную и правовую стороны жизни, но значительно пострадавшая в 80-х г.г. от «российских бюрократических реформ». Баронские немецкие приходские и уездные суды вместе с обергофгерихтом (высшим дворянским судом) в Курляндии и гофгерихтом (дворянским судом) в Лифляндии, а также полицейскими «замковыми судами» были отменены. Барон-

¹⁾ От „гениального“ до смешного, говорят—один только шаг. В настоящее время карательная работа закончена и, по сообщениям газет, отдельные бароны используют свою полицию в целях прикрытия запрещенной торговли спиртными напитками в своих закрытых корчмах. Право—сила, а силу всячески применять можно. Славные палачи стали мелкими дельцами и спекулянтами.

ские крейсрихтеры» (уездные судьи) и орднунгсрихтеры (полицейские судьи), а также «замковые судьи чуть не пали от нервного паралича, когда им пришлось удалиться со своими аксессуарами и министерьялами и уступить свое место создаваемым русской бюрократией на развалинах «божественного порядка немецких дел» (*Die göttliche Ordnung den deutschen Dinge*) отечественным судам администрации и полиции.

Несмотря на те панславистские стремления, которые влияли на ускорение этой реформы, несмотря на цели государственной централизации, которые с проведением ее преследовались русской бюрократией, несмотря на все недостатки (напр., недопущение родного языка) русских судов и учреждений, — объективному историку придется, однако, констатировать тот факт, что эти суды значительно ближе в своей основе приближались к принципам переживаемого времени и принимали во внимание интересы населения в гораздо большей степени, чем затхлые судебные канцелярии балтийцев.

После введения этой реформы, балтийские юнкера на первых порах были совершенно оглушены, как бы ударом по голове: они начали было становиться в оппозицию русскому правительству, выпускали за-границей брошюры и воззвания и собирались чуть-ли не покинуть насиженные места и удалиться в Германию. Однако, они скоро одумались, спрятали в карман угрожающе приподнятую руку, начали заучивать необходимые русские слова и — ничтоже сумняшеся — начали напяливать на себя незадолго до этого оплеванный ими мундир русского чиновника. Балтийские

бароны вполне правильно рассчитали, что со своим недовольством и саботажем они далеко не уйдут и только окончательно выпустят из рук своих бразды правления. Притом многих беспоместных помещиков охватывал невольный страх, что, упустив взятие на себя полицейских обязанностей, они — о, ужас! — вынуждены будут учиться какому-нибудь общественно полезному делу. И постепенно русские чиновники были вытеснены, и местная администрация и полиция снова перешли в руки чистокровных балтийцев. В Курляндии, в 1908 году, уже все комиссары по крестьянским делам были местные юнкера (Кайзерлинги, Драхенфельзы и др.); из 8 уездных начальников — 7 были немецкого (баронского) происхождения, из 25 помощников уездных начальников — 19 было титулованных помещиков ¹⁾.

В период с 1905—1907 г. г. не требовалось даже никакого чиновничьего стажа; достаточно было звания помещика, чтобы получить неограниченную, царскую власть и подчинить как администрацию, так и судебные власти любому баронскому вожделению.

И это всегда было так. Стоило только балтийскому юнкеру нажать соответствующую кнопку, чтобы безоговорочное и незамедлительное выполнение его пожеланий было обеспечено представителями местной власти. Сюда направлялись из Петербурга только такие чиновники, которые умели плясать под юнкерскую дудку. Если среди них, паче ожидания, попадались желающие стать на сторону интересов населения или про-

¹⁾ „Современный мир“, февраль 1911 г., „Старый спор“.

сто напосто руководствоваться прямым смыслом закона, — они силой интриг и денунциаций выживались с места ¹⁾).

Это особенно ярко обнаруживалось в последние годы: в декабре 1905 года со введением военного положения в Лифляндии генерал-губернатором Прибалтийского края был назначен Сологуб. Потекли такие реки крови, что ею могли утолить свою жажду самые исступленные юнкера. Но этого оказалось недостаточно. Сологуба начали упрекать в том, что он не сумел истребить всех революционных «вождей», и он был удален, причем пресса балтийцев разразилась такой отборной руганью, против этого «неспособного лентяя», что это напоминало обычное «пробириание» барином своего провинившегося кучера ¹⁾).

Той же участи подвергся Курляндский генерал-губернатор Бекман, несмотря на то, что подписал ровно столько смертных приговоров, сколько актов и требований ему в этом было пред'явлено помещика-

¹⁾ Уже прошло 30 лет с тех пор, как закончилась ревизия сенатора Манасеина, но при произнесении имени этого сенатора балтийцев одолевают судороги; дело в том, что Манасеин в балтийском вопросе пытался защитить интересы крестьян и при ревизии судов и учреждений не постеснялся вскрыть все беззакония и насилия балтийцев. В 1906 году „Düna Zeitung“ и „Baltische Tageszeitung“ готовы были растерзать на части русских судебных следователей, ибо они допускали „какие то совершенно лишние церемонии с захваченными революционерами“. Раз местным владельцем имени произнесен приговор—какой смысл после этого суда и следствия!?

¹⁾ См. „Lettische Revolution. Zweites Bd.“. стр. 289.

ми. Сердечной любовью и личным расположением баронов удостаивались только такого рода изверги и негодяи, как Орлов и Меллер-Закомельский. Помещичьи маршалы и благородные дамы в глубоком признании целовали окровавленные руки этих мерзавцев. Притом, местные юнкера оказываются не так уж недоступны в своей аристократичности, как это утверждают в населении: к ним может явиться самый простой спившийся и оскотинившийся офицеришко или полицейский, от него может за версту разить, как от вонючки, но если он умеет ловко (*schneidig*) убивать и истреблять крестьян, то бароны и графы будут дружелюбно пожимать ему руки, а публицисты балтийцев стяжают ему неувядаемую славу и покроют лавровым венком, как напр., Максимовича, Грегуса и Вейнберга.

Выработался уже особый порядок введения губернаторов и генерал-губернаторов в Прибалтику. Первым долгом их поят в помещичьих клубах, проигрывают им солидные суммы в карты, затем возят их на охоту, причем в дни выезда на охоту Меллера-Закомельского закрывались дороги и крестьянам строжайше воспрещалось показываться на них, а иногда — ради разнообразия, — вместо лесного зверя стреляли и убивали привлеченных на охоту в качестве доезжачих — батраков имения.

Лифляндский губернатор Звегинцев удерживается на своем посту только потому, что изловчился, подобно хорошо дрессированному лакею, понимать своих господ с полуслова и выполнять все их пожелания, а про Курляндского губернатора Набокова писали в га-

зетах, что он, прибыв на место, не открыл даже дверей своей канцелярии, поспешив к небезызвестному барону кацдангенскому фон-Мантейфелю завтракать и выехать на зайцев. Эта охота и блюдо из зайца должны были послужить своего рода присягой вновь прибывшего губернатора края.

Мы видели, в какой *экономической и политической* зависимости находятся латышские и эстонские крестьяне, какое громадное влияние имели помещики на их школы, церкви, суды и администрацию, и невольно возникает вопрос: каким путем и когда успели балтийские юнкера присвоить себе такую неограниченную власть? Мы не намерены здесь останавливаться на историческом прошлом Прибалтийского края и на действиях и подвигах рыцарей ордена меченосцев, епископских завоевателей, русских, шведских и польских военных полчищ, топтавших страну, а также, почему здесь сохранилось так много пережитков феодального века и т. д., но, говоря о настоящем, нам приходится определенно указывать на то, что привилегированное положение балтийских помещиков обусловлено их *связями с русским царским домом, с реакционными правительственными сферами России.*

«Мы — мамелюки (телохранители) самодержавия», не без гордости аттестуют себя балтийские самодержцы. «Начиная с времен Бирона (1730—40 г.г.) они всегда сохраняли свою близость к трону; они всегда занимали самые высокие и самые ответственные посты в государственном управлении, в армии и флоте, в полиции и жандармерии». Недаром Бисмарк высказался в том духе, что балтийский помещичий род —

место случки и оплодотворения (Gestüt) для русских генералов и дипломатов ¹⁾.

Хотя как генералы и «дипломаты» они вошли в историю только под знаком отрицательным, обнаружив во всем полную свою несостоятельность, зато недостижимой высоты и величия они достигли на постах градоначальников и обер-полицеймейстеров: потребовалось ли придушить прогрессивные устремления или потопить в крови народное движение — их спускали с цепи русские самодержцы, и балтийские мамелюки рады были пущему случаю для своего отличия. Во имя «батюшки-царя» они убивали и вешали со звериным сладострастием, причем обнаруживали великолепные способности перегрызть горло и своему властелину (главный организатор удушения царя Павла I был никто иной, как граф Пален). Полтора века они принимали самое деятельное участие в кровопускательных работах российского правительства, ибо — балтийцы кость от кости и плоть от плоти русского царизма, и покуда не будет уничтожен царский строй, балтийское рыцарство будет питаться народными потом и кровью. Балтийские юнкера всегда обнаруживали устремление к царскому трону и тесным кругом сплывались вокруг него; члены их рода всегда носили гофмейстерские и шталмейстерские ливреи, а их дамы — почетное звание фрейлин и метресс царского дома (напр., Александр I одно время находился под непосредственным явлением полусумасшедшей баронессы фон-Крюденер, которая щеголяла своей связью с императором

¹⁾ См. мою статью „Балтийцы“ в сборнике „Атвасес“ № 1, Петербург, 1907 г.

даже перед официальной Европой). Само собой ясно, что если государственные дела даже при какой-либо перемене оставались в руках тех, кто ими непосредственно руководил и ранее (Палены, Ливены, Мейендорфы, Будберги и т. д.) — ни о каком разрешении «балтийского вопроса» против помещиков не могло быть и речи. И если придавленные нуждой и отчаянием рабы балтийских помещиков начали так потрясать свои цепи, что их вопли обратили на себя общее внимание, и государственные интересы в целом потребовали каких-то перемен (в 60-е годы), или столкновения при дворе немецко-балтийской клики с «истинно-русскими» элементами заставляли первых гнуть свою линию (в 80-х г.г.), то все же, используя свои связи, при помощи интриг, прошений и доводов, они добивались или заторможения на время выработанных к неотложному проведению законопроектов или до такой степени искажали проекты эти на месте, что они снова и снова закрепляли лишь интересы помещиков (это было не только с актом «освобождения крестьян», но также и с крестьянскими законопроектами 40-х и 60-х г.г.).

«Привилегии балтийского юнкерства должны сохраняться навеки», — не стеснялись они твердить с неприкрытым нахальством, ибо история свидетельствует о том, что «привилегии подлежат отнюдь не уменьшению, а увеличению». Это подтверждено, между прочим, в капитульных актах (от 1710 и 1721 г.г.) Лифляндского рыцарства и санкционировано генерал-фельдмаршалом Шереметьевым и царем Петром Великим, что «немецкая нация (т.-е. помещичий род в Прибалтике) и ее потомки—законные обитатели

этих земель, и эти земли — для немецкой нации и потомства ¹⁾.

Поэтому, на то якобы воля божья, чтобы латышские и эстонские крестьяне рабствовали и тянули ярмо свое во веки-веков, аминь.

Неограниченная власть помещиков над латышским и эстонским крестьянином распространяется безраздельно до последних дней. На пригорке возвышается помещичий замок со своими башнями и высокими окнами, со своей алчностью и крепостнической свирепостью и подобно чудовищу бросает кровожадные взгляды на находящиеся в его власти крестьянские жилища с их соломенными крышами, на одетых в отрепья и обутых в лапти рабочих и батраков. Помесье! Это слово с содраганием произносили отцы, деды и прадеды наши и с проклятиями будут вспоминать его наши потомки. В имении истязались и наказывались палками и прутьями еще не так давно крепостные, в имении насилывались крестьянские жены и дочери, на полях и гумнах имений проливали пот и хоронили жизнь свою труженики-крестьяне и батраки. Имение присваивало прямым и косвенным путем плоды труда крестьянина. Являться перед помещиком крестьяне

¹⁾ „Die deutsche Nation und deren Nachkommen in diesen Landen und diese Lande für die deutsche Nation und deren Nachkommen“ — это выражение выудил по заданию лифляндского юнкерства историк Прибалтийского края—Ширен. Из архивной плесени извлек он эти разорванные на куски „капитульные акты“, склеил старательно, и при помощи этого сомнительного документа балтийцы рассчитывали закрепить свои права до скончания века. См. Ширен „Die lapdische Antwort“. Leipzig 1869 г.

могли только с обнаженной головой и притом должны были преклоняться перед ним и целовать полы его сюртука за причиненные им помещиком обиды. Грозный образ помещика сопровождал латышского крестьянина с колыбели до края могилы.

„Молодежь и старики-крестьяне—
 Все к имению с рассветом держат путь,
 Все в помещичьем ярме гнут спины,
 Подати приносят и оброк,
 Предавая братьев и родных своих.
 Тело мокнет в поте, а глаза—в слезах!“
 (Райнис).

Революционное движение в деревне в первую голову захватило под'яремых помещичьих батраков; к нему присоединились и крестьянские батраки и поденщики, которые в попытке борьбы за улучшение своего экономического положения наталкивались на непомерно высокий выкуп, облагавший крестьянскую землю, а также на трудовую повинность (барщина и наряды) в пользу помещиков, обрекавшие батраков с дворохозяевами-крестьянами на бесполезный сизифов труд. Потому неудивительно, что в дальнейшей борьбе им пришлось столкнуться лицом к лицу с помещичьим и феодальным строем в целом. Но к движению, кроме безземельных крестьян (батраков), примкнули в общей массе также мелкие собственники (за исключением тех местностей, где преобладают, так называемые, «серые бароны», ¹⁾ напр., окрестности г. Митавы), которые не чужды были в то время сознания, что понижение земельных налогов, отмена монопольных прав и привилегий помещиков, равно и осуществление об-

¹⁾ Крупные дворохозяева из крестьян. Перев.

ще-демократических требований будет достигнуто единственно только в борьбе революционного пролетариата. Сохранившиеся пережитки феодального строя, как это ни странно, об'единили в борьбе эти разнородные по своему классовому положению элементы.

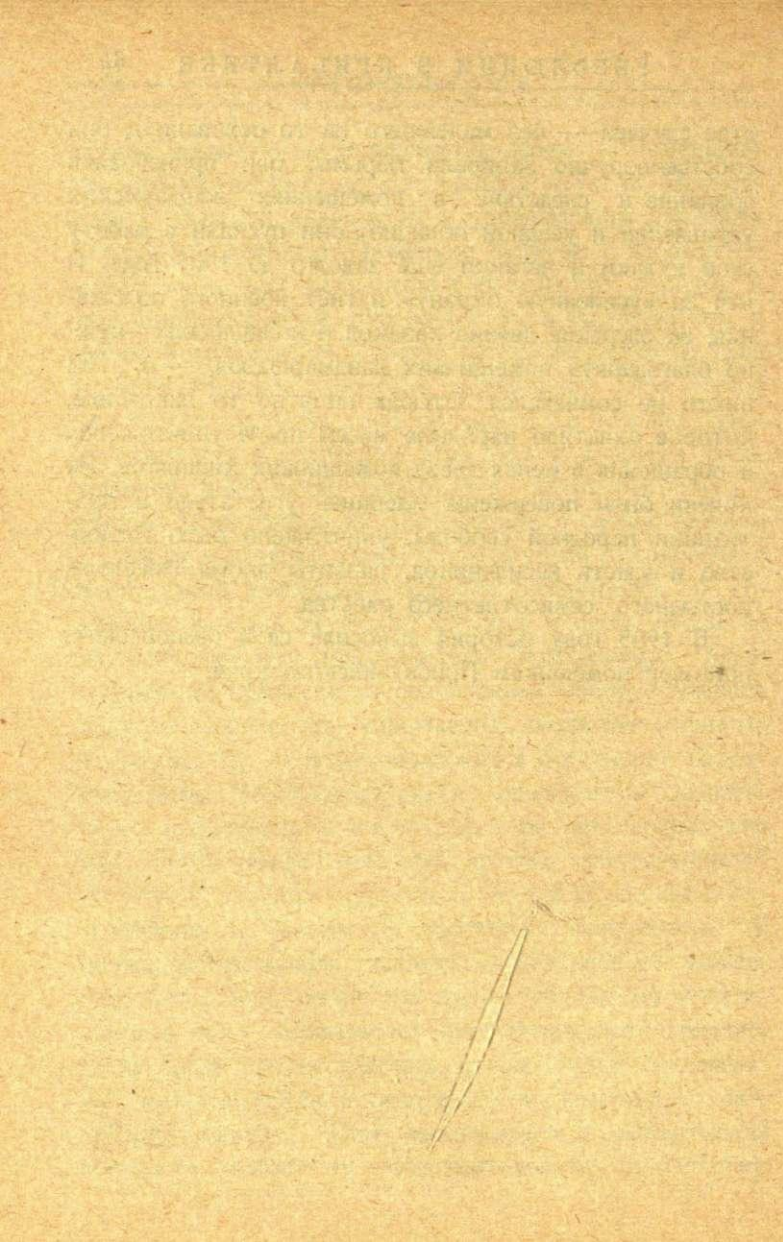
Борьба с пережитками феодализма насильно толкнула в общий лагерь два класса с противоположными интересами: безземельных крестьян (батраков) и земельных крестьян-дворохозяев; все деревенское население дружным напором атаковало помещичьи замки, которые, несмотря на драгунские части и дружины самоохраны, не в состоянии были выдерживать натиска крестьянских масс.

Возбудителем и двигателем революционного движения в деревне — являлась борьба городского пролетариата, который, в свою очередь, летом 1905 года возлагал большие надежды на благоприятный для себя исход событий, развертывавшихся в деревне. Несмотря на то, что городские рабочие сравнительно давно сменили серп и плуг на фабричный молоток и из помещичьих батраков превратились в наемных рабочих капитала — все же связь с деревней у них окончательно не порвалась. Эта связь выражается у них не только в воспоминаниях детства и кровном родстве: они не освобождены от волостных податей; по части получения документов на право жительства им также приходится иметь дело с волостью. Кроме того, городскому пролетариату, в общей сложности, приходилось вести борьбу с тем же балтийским привилегированным сословием в лице помещиков-акционеров промышленных предприятий, фабричных директоров и ма-

стеров, людей — в большинстве своем — помещичьего происхождения, не уступающих в своем бесстыдстве и подлости ключникам и управляющим *имениями в деревне*. Балтийские немецкие бюргеры в городах — ничто иное, как репродукция балтийских баронов и священнослужителей, отражение их в более грубом и дешевом издании; они также цепко держатся за свое плутократическое городское управление, как наша юнкерская каста за свои привилегии в деревне. Кроме того, как в городской думе, так и в других учреждениях, непременно попадают те-же бароны и «фоны». Где только ни представляется случай наживы — всюду участвует совместно с другими хищниками и благородный юнкерский род. Ни деревенский, ни городской рабочий не может ступить и шагу, чтобы не натолкнуться на представителя помещичьего рода: была-бы то комиссия по рекрутскому набору, судебное ли установление, или учреждение, выдающее «бумаги» и документы, — всюду попадает бесстыдная баронская рожа. Не найдется среди городского и деревенского пролетариата никого, кто бы не перенес той или другой обиды, того или другого притеснения со стороны балтийского барона и не вспоминал бы с отвращением и ненавистью баронской физиономии. И позже, когда начало разворачиваться рабочее движение, когда оно, встав под знамя социал-демократии, приняло ярко выраженный революционный характер, тогда всюду против рабочих, в *роли самых остервенелых палачей*, царское самодержавие выставило балтийских юнкеров. Они выслеживали и захватывали всех, кто казался им «подозрительным» (в большин-

стве случаев — без малейшего на то основания); они собственноручно запирали тюрьмы, они производили дознание и следствие в помещениях жандармских управлений и уездной полиции; они пускали в работу свои кулаки и нагайки еще задолго до 1905 года. И что за «усиленную охрану» и гнет военного положения, за зверские деяния казаков и полицейских — нужно благодарить помещичьих ландмаршалов, — в этом никто не сомневался. Отсюда понятно то ликование, которое охватило народные массы после уничтожения и обращения в пепел гнезд помещичьих хищников. На колени были повержены злейшие угнетатели и противники народной свободы, уничтожено было господство и власть насильников, разбиты оковы тяжелого, постыдного семисотлетнего рабства.

В 1905 году история выносила свой беспощадный приговор помещикам Прибалтийского края.

II.

Прибалтийские юнкера и их наемные апологеты ни за какую цену не хотят согласиться, что причиной революции 1905 года послужили «какие-то там экономические и политические основания». Нигде—по их мнению—аграрный вопрос не разрешен так благополучно, нигде помещики не проявили такой самоотверженности и заботы о своих крестьянах, как у нас, нигде никогда и речи не могло быть о таких великолепных патриархальных отношениях между баронами и их подчиненными, — не нарушили бы этого царства благоденствия чиновники-руссификаторы да агитаторы-социалисты. По заданию юнкеров, не смущался рассказывать эту детскую сказку с трибуны третьей государственной думы балтийский депутат Брикман: жалобы наших крестьян о их невыносимом положении, видите-ли, столь же беспочвенны, как беспочвенны католические сплетни о том, что в период пленения пап, последние якобы обрекались итальянским королем на голодные муки и ужасные условия существования *).

Если бы латышским крестьянам в самом деле жилось уж так хорошо как римскому папе, то было бы

*) Чтобы подвести под это хоть какуюнибудь видимость реальной основы, Брикман, совместно с составителем его шпаргалки, использовал «широкий» цифровой материал, совершенно независимо от того, имеет ли этот материал

совершенно непонятно, что же заставило крестьян, подвергая себя смертельной опасности, поднимать руку против своих защитников и благодетелей? И автору знаменитого произведения «Lettische Revolution» не остается ничего более, как утверждать, что вся неблагодарная латышская нация была охвачена «бешенством революции»! Однако, более сметливые из юнкеров соображают, что защитник подобной теории может оскандалиться и очутиться в положении непоправимого дурачка, почему они выступают с другим толкованием положения: революция ни в коем случае не имела бы места, если бы реформы русской бюрократии не поколебали божеский авторитет помещиков и если-бы не появились в то печальное время агитаторы со своими зловредными «идеями». Эти «французские идеи» (по определению Брикмана) на велосипедах и автомобилях (!) — по сообщению газеты «Düna Zeitung» — развозились летом 1905 года по всей Курляндии и Лифляндии, в результате чего и произошла у нас «французская революция»....

На все это необходимо ответить помещикам — они и сами прекрасно это понимают — что все их

отношение к аграрному вопросу в Прибалтике, или нет. Так, между прочим, он приводит суммы волостных фондов, балансы рижских латышских ссудо-сберегательных касс, число проданных билетов на Дерптской сельско-хозяйственной выставке и т. д. С неменьшим успехом он мог бы подсчитать число телеграфных и телефонных столбов в Прибалтике, количество выданных в Риге удостоверений на право езды на велосипеде и т. п. и приводить эти цифры в пользу доказательства зажиточности и благополучия латышских крестьян.

подобного рода ученые изыскания первопричин революции в Прибалтике — сущий вздор, т. к. между помещиками и крестьянами отношения всегда были самые натянутые, и бароны могли сдерживать пылающий народный гнев только при помощи правительственных штыков и нагаек. По крайней мере, результаты этих широко афишируемых и прославляемых «патриархальных отношений» выражались до сих пор в *крестьянских восстаниях*, не взирая на все сопровождающие их кровавые последствия. Так, напр., в 1784 году не существовало ни «французских идей», ни велосипедистов. Тем не менее, во всех концах Лифляндской губернии поднимались крестьяне с требованием освобождения их от непосильной барщины. По вызову помещиков были высланы солдаты — «карательные экспедиции» — и дело увенчалось кровавой расправой — от телесного наказания до смертной казни включительно. Немного спустя после этого кровавого потопа — в 1802 году — крестьяне Лифляндской губернии снова возроптали и восстали с угрозой прогнать своих юнкерских благодетелей. Стало быть, эта «великая тяжба», выражаясь словами Гарлиба Меркеля, между крестьянами и помещиками тянется сто слишком лет. В своем труде «Латыши» Меркель уже тогда писал: «своим трудом я хочу дать свидетельское показание перед всем человечеством о той великой тяжбе, которая в дни грядущего, рано или поздно, будет начата с угнетателями моего отечества. Пускай оно — время грядущее судит! Оно пред'явит свой иск. Трепещите, проклятые кровопийцы. Оно вынесет свой грозный приговор — и скоро!»

Хотя приговор этот последовал недостаточно скоро, но в лихорадке трясло тиранов довольно таки часто. Крестьянские бунты вспыхивали то здесь, то там (напр. в 1818 г. — в Арлау (Курляндия) в 1819 г. — в Лендевардене, затем снова в 1824 году и т. д.). Наиболее ярко вырвалось наружу это приглушенное пламя в 1841 и 1845 г.г. в Лифляндии. Всемиловнейшее «освобождение крестьян» царизмом и отеческая заботливость помещиков имели своим следствием ужасный голод крестьянства Лифляндской губернии: поля остались невозделанными, не стало хлеба, и крестьянину остался выход — питаться падалью или сбить запоры с богатых помещичьих амбаров и кладовых!

Заодно «сирот суровых повелителей»*) (крестьян) подхватила волна своеобразной иллюзии: перед лицом безысходного положения они обрели мечту о каком-то «теплом крае черноземной России», где их будто-бы ожидает земля и свобода и где они не будут вынуждены «гнуть на барщине спину». И чтобы укрыться от преследований всемогущих помещиков, люди устремились живым потоком в «православие». Со всех концов Прибалтики хлынули в Ригу крестьяне, обивали пороги местных правительственных учреждений и просили разрешения на переселение в обетованный «теплый край». Бароны переполошились. Перед ними встала перспектива лишиться своих рабов. Поспешно доносили они в Петербург о «мятеже» в Лифляндской губернии и неистово зывали о помощи вооруженной силы. Немедленно были двинуты на усмирение «бунта» значи-

*) Фраза взята из народной песни. Пер.

тельные части войск — казаки, пехота и даже артиллерия. Общее руководство этой армией взял на себя сам генерал-губернатор фон-дер-Пален и надо было видеть — какое началось тогда избиение и экзекуция! Потоки крови запечатлели следы возглавлявших армию помещиков и особенно — Палена. Были пущены в дело и розги, и шашки, и нагайки, и шпицрутены, и приклады. До потери сознания избивались все без исключения жители, и молодые и старые, и мужчины, и женщины. Лутили всласть и прекратили избиение лишь тогда, когда «рука бойцов колоть устала». Неслыханно ужасны были избиения в имении Бебер (в родовых имениях фон-Транзее и Мейендорфа), и предводители последующих карательных экспедиций имеют полное право гордиться тем, что унаследовали палаческое ремесло из забрызганных кровью рук своих отцов. За избиением последовало введение военных судов, которые завершили дело экзекуции. Отдельные крестьяне были сосланы в Сибирь. Битых клеймили железом, брили головы, как тяжким преступникам. По волостям расквартированы были солдаты, и крестьяне — «усмирены».

Однако, кары не возымели действия против голода, и в 1845 году крестьяне снова восстали. То ли из соображений мести баронам и священнослужителям, то ли в целях личного спасения, доверяя обещаниям православных миссионеров, крестьяне тысячами потянули в православие. В конце августа-месяца крестьяне Венденского и Валкского уездов пешком двинулись в Ригу. Город переполнился измученными, оборванными крестьянскими партиями. Не имея крова и пищи, они расположились около замка генерал-губернатора и терпеливо

ждали решения своей участи. Это был настоящий бунт, хотя и «на коленях» перед крыльцом генерал-губернаторского дворца. Настоящий бунт! Необходимо было снова приняться за экзекуцию. Неугомонных крестьян бросили в рижские тюрьмы, которые переполнились до того, что люди буквально задыхались. «Подстрекателей» снова гнали сквозь строй, пока под ударами кнутов они не испустили свой дух. Однако, лифляндские события обратили на себя общее внимание. Из Петербурга были присланы ненавистные балтийцам русские чиновники. Стало ясным, что в силу условий, необходимо предпринять что-либо для облегчения крестьянской участи *).

Неприятнее всего для прибалтийских помещиков и пасторов был отход в Лифляндской губернии около 100.000 душ к православной церкви, которая цепко ухватилась за вновь обретенную паству и уже не выпускала ее из рук. Широкие крестьянские массы вышли, таким образом, из под влияния лютеранской церкви. Вместе с тем породилась известная связь с Россией, а православному духовенству и русской бюрократии открылась возможность вмешиваться в дела Прибалтики. Это пробивало брешь в укрепленные в Прибалтике феодально-рыцарские порядки и грозило порождением

*) Подробности о крестьянском движении в 40-х г. г. и последовавших за ним аграрных законах см. Розин «Латвешу земнекс» (Латышский крестьянин), издание 2-ое 208-233 стр. и Ландерс «Латвияс вестуре» (История Латвии) часть 3-я, стр. 137-163.

известных потрясений и в дальнейшем. И как ни старались баронские маршалы, какие ни использовали пути при русском и при прусском дворе, какую ни вели агитацию за границей о «преследовании лютеранской церкви» — ничто не помогло: вытеснить православные приходы за пределы Прибалтики и обращенных в православие латышей вернуть в лоно лютеранской церкви — осталось делом неосуществимым.

Таким образом, события 40-х годов оставили неизгладимое пятно на пергаменте феодального господства балтийцев. Неудивительно, что до сих пор не перестает скулить юнкерская пресса о том, что православные священники развратили покорный и набожный латышский народ и подготовили почву для революции! Автор книги «Lettische Revolution» изобрел даже какую то черную статистическую карту, где наглядно «показывает», что наибольшее число революционных преступлений падает на православные приходы Венденского уезда (за «преступления» юнкерский апологет считает, например, уничтожение царских портретов, конфискацию в имениях оружия и т. п.). Но невольно напрашивается вопрос, почему еще в 40-х годах как раз в этих местах вспыхивали крестьянские восстания? Ведь тогда православной церкви здесь не было и следа!

Если-бы балтийские юнкера свалили все кресты на православных кладбищах и троекратно окрестили вновь всех, отошедших к православию, — революционный шквал в 1905 году был неизбежен, ибо причины его приходится искать не в записях церковных книг, а в местных крестьянских и батрацких договорных и контрактных документах. Не менее грозным было движение

в Гробино-Газенпотском уезде, несмотря на большое число лютеранских церквей в этой местности *).

Шестидесятые годы внесли большие перемены в хозяйственную жизнь России: «период великих реформ» (манифест 19 февраля, новая судебная реформа 1861 года, введение земств, облегчение цензурных условий) послужил началом ликвидации крепостной зависимости, хотя начатая реформистская работа и застряла на полпути. Эти реформы не могли пройти незамеченными и для Прибалтики с ее древне-феодалным укладом общественных отношений, благо действительная жизнь ставила свои неотложные требования (снова началось крестьянское движение, напр., в Дондангене и других местностях), и латышских крестьян не могли уже лишить облегчений, которые по новому законодательству были присвоены русскому крестьянину.

Кроме того, чисто-государственные интересы требовали установления более тесных связей Прибалтики с остальной территорией страны (России). «Период барщины» отжила и Прибалтика. Во-первых, невыгод-

*) Отдавая дань справедливости, необходимо сказать, что среди православных попов, не взирая на их низкий моральный и культурный уровень и их противные, полные первобытного суеверия учение и религиозные обряды,— находились нередко священники, по подобию и образу своему похожие на людей в то время, как среди лютеранских священнослужителей напрасно искать и следы какого бы то ни было гуманизма. В период карательных экспедиций среди попов находились такие, которые делали неоднократно попытки спасти жизнь неповинных людей, между тем, как лютеранские пасторы сами оказывали содействие в составлении списков обреченных на истязания и смертную казнь крестьян...

ность барщинного труда при переходе на рациональное землепользование сознавали и сами помещики. Во-вторых, они высчитали, что с освобождением крестьянских усадеб от барщины и сдачей их в аренду можно иметь гораздо больше выгоды, чем до сих пор. Эти соображения и послужили основой закона о сдаче в аренду крестьянских усадеб — закона, который, несмотря на присвоение всех прав и преимуществ помещикам, все же открывал путь в облегчению положения арендатора-крестьянина. Заодно с этим рухнули некоторые совершенно устаревшие и пришедшие в полное противоречие с новыми экономическими и общественными условиями привилегии помещиков: в 1863 году были объявлены новые законы о видах на жительство, освободившие крестьян от прежней зависимости и давшие возможность каждому выбирать местожительство по своему усмотрению; в 1865 году помещики были лишены права применять к своим батракам телесные наказания (крестьяне-землевладельцы освободились от этого варварского приема года за два до этого); в 1867 году члены крестьянского сословия получили право на свободный выбор профессии и не должны уже были являться с поклоном к своему господину, чтобы он все милостивейше разрешил заниматься тем или другим ремеслом (вместе с тем было упразднено «благоприобретенное» помещиками право, согласно которому крестьянские парни и девушки, желающие вступить в брак, должны были являться в замок и целовать баронский сюртук).

У балтийского баронства, вынужденного освободиться несколько от заплесневелого хлама своих фео-

дальних прав, волосы становились дыбом при мысли, что течение реформ может углубиться, пойти дальше и смести, как сор, все их величие. Больше всего опасались они прямого вмешательства правительства в область аграрного вопроса в Прибалтике. Ведь могло же правительство, в порядке законодательном, установить арендную плату и определить норму выкупных платежей за землю. Могло оно также — в недобрый час — присвоенную в свое время помещиками крестьянскую землю («наделы») в принудительном порядке выделить из мызной площади и распределить между безземельными крестьянами и батраками. Немедленно были пущены в ход все средства, использованы все связи и хитросплетения интриг, покуда не была полностью предотвращена опасность этой страшной «реформы». Тем временем, с победой реакционного течения в русских правительственных сферах — отпала для Прибалтики введенная в России система местного самоуправления (земства), и рыцарские ландтаги получили возможность и впредь спокойно распоряжаться судьбой населения края. Однако, не взирая на подобный благоприятный для баронов поворот дела, последние все же подняли отчаянный вопль, как израильтяне под стенами Иерихона. В Западной Европе, в знак протеста, была начата ими такая громкая агитация о якобы затронутых вечных исторических правах балтийцев, о «гонениях» на лютеранскую церковь, и «культуру» — что невольно овладевает недоумение: неужели немецкие бароны Прибалтики, эти «славные люди», на деле — прислужники и холопы самой черной и кровавой реакции и типичнейшие средневековые тираны, а не истин-

ные часовые цивилизации, подверженные смертной угрозе на отдаленном от культурного мира участке где-то среди варваров Восточной Европы. А именно такое заключение нужно было сделать из их душещипательных слов *)....

Тот же метод балтийскими юнкерами практиковался и в 1906 году в буржуазной печати, с целью оправдать свои насилия над местным населением — с одной стороны, и собрать как можно больше подачек (невинно пострадавшие!) — с другой. Однако, на этот раз социалистическая печать Европы разоблачила их лживость, противопоставив их фарисейски-елейным словам категорические данные из их кровопускательной практики.

Преобразования 60-х годов хотя и обломали отдельные сухие ветви, однако, никоим образом не затронули жилистые, кряжистые корни помещичьего дерева. Экономическое и политическое верховенство продолжало оставаться за поместьями, правда, в несколько видоизменной форме. Но, все-же, реформы эти приподняли целину и приготовили почву к развитию новых общественных форм, которые, в свою очередь, взрастили враждебные феодально-помещичьему строю силы. Законы 60-х годов касались, главным образом, мелких крестьян-дворохозяев, они облегчили выдвижение как раз этого промежуточного слоя населения и поставили, в свою очередь, рабочих и батраков в такую же зависимость от них, в какой еще недавно находился этот слой новоявленных дворохозяев по отношению к помещикам. Правда, некоторые относительные облегчения, по сравнению с крепостной зависимостью, касались и

*) Подробности в статье „Балтеши“, „Атвасес“ № 1.

батраков. Кроме того, по мере улучшения условий жизни хозяев и поднятия культурного уровня вообще — возрастали требования и жизненные запросы батраков. Пережитки крепостничества ложились, однако, одинаково тяжелым бременем на всех, об'единяя и приводя к тому, что классовый антагонизм между мелкими землевладельцами и наемными рабочими не получил достаточно резкого выражения.

Борьба 60-х годов тесно связана с именами Вольдемара, Спагиса и их единомышленников *), которые выступили в качестве суровых обвинителей прибалтийского баронства и горячих защитников своего брата-крестьянина. «Крестьяне такие же люди, как и их господа», — эту простую, но в то время неслыханную, новую правду провозглашал их орган, выходявший в Петербурге под названием «Петербургас Авизес» (Петербургские газеты), имевший целью пробудить классовое самосознание крестьян и поднять их на борьбу за элементарнейшие человеческие и гражданские права. Благодаря баронской и пасторской заботливости и доносам, «Петербургас Авизес» были закрыты в административном порядке, и небольшой кружок «новолатышей» раскассирован.

В 70-х годах становились на сцену исторического действия сами крестьянские массы (главным образом, малоземельные крестьяне и городская мелкая буржуазия). Они сами выявляют свои требования, собираются и организуются для борьбы за свои интересы, свои права и культуру. Мы не имеем возможности остано-

*) Интеллигенты-выходцы из крестьян. Пер.

виться на этом, так называемом, периоде «народных устремлений *)» и выявить его бесспорно важное культурное значение в истории латышского крестьянства (латышская школа, пресса и литература находят свое обоснование как раз в этот именно период); мы намерены сказать лишь несколько слов о существовавших в то время отношениях между крестьянскими дворами (усадебными), с одной стороны, и имениями — с другой. Мелкое крестьянство, в первую голову, стремилось использовать те возможности, которые были ему присвоены новым законодательством, затем, закрепив свои позиции, начало расширять свои требования. В 1870 году Лифляндский и Эстляндский рыцарские ландтаги обратились к Александру II с просьбой закрепить исторические права Прибалтийских провинций, как, например, свобода вероисповедания, введение немецкого языка и независимое самоуправление провинций (т.-е. неограниченная власть баронского сословия). Это предложение было отклонено. В наложенной на нем резолюции указывалось, что издаваемые царским правительством законы обязательны и для Лифляндии точно также, как и для других частей Российского государства. Однако, не дремали и лифляндские крестьяне. Они, в свою очередь, составили коллективное прошение на «высочайшее имя», в котором просили об освобождении их от «исторических прав Прибалтийских провинций» и высказывали пожелание о скорейшем введении в местные губернии нового судопроизводства и земского самоуправления. В Петербург были направле-

*) Латышское народничество.—Пер.

ны адреса от 52 волостей с подписями около 50.000 крестьян. Фактических результатов это прошение не имело, однако, перед лицом всего государства открыто были выставлены требования латышских крестьян *).

По мере улучшения экономического положения мелкого крестьянства возрастало его самосознание, его строптивая неприязнь к помещикам, так что конфликты и крупные, и мелкие стали явлением неизбежным. Крестьяне далеко не оставались равнодушными к помещичьему кнуту и за причиненные обиды искали поддержки закона и защиты суда, и, если старые суды выносили приговоры в пользу своих «земляков» — баронов, крестьяне не успокаивались на этом и сплошь да рядом проталкивали дело дальше — «вплоть до самого сената». «Мирные» отношения между крестьянами и помещиками были разорваны окончательно, когда дело дошло до вопроса о *продаже* крестьянских усадеб. При исключительно выгодных ценах на хлеб несоизмеримо поднялась земельная рента, помещики пытались использовать этот момент и продать усадьбы в 5 и 10 раз выше их действительной стоимости, чтобы обеспечить себе на годы крупный и верный доход. Кроме того, юнкера, из боязни возможного правительственного вмешательства в аграрные отношения в Прибалтике, стремились узаконить свою добычу путем «свободного соглашения» при помощи *контрактных*

*) Своего «горячо любимого царя-батюшку» делегатам лифляндских крестьян все-же лицезреть не удалось. Депутацию принял министр внутренних дел с начальником III отделения (департамент полиции), которые попросили делегатов, как можно скорее покинуть столицу.

крепостей. Это и являлось последним жирным куском в ненасытное баронское чрево, и они бесподобно умело воспользовались случаем; чтобы обложить крестьян неизмеримо тяжелыми повинностями в пользу имений, упрочить свои старые и вновь приобретенные права. И, в самом деле, в контрактные договоры включались обязательства и пункты, какие только приходили в головы благородным потомкам вестфальских бандитов и грабителей. Лет двадцать тому назад латышские крестьяне безропотно взяли бы на себя эти обязательства и выполнили бы их даже с благодарностью. Но теперь каждый, даже самый забитый, хозяйчик ссылался на свои права и ради их не прочь был из'ездить и Ригу и Петербург, лишь бы «обрести» правду. Советников ему тоже — к счастью или несчастью — находилось достаточно. Это были так называемые латышские народные адвокаты.

В общем, виды латыша—мелкого собственника были весьма и весьма благоприятны, ибо политические акции балтийцев подвергались сильным колебаниям и притом — в сторону безудержного падения. В особенности после Берлинского мирного договора (1878 г.), когда Бисмарк вынудил Россию отказаться от продиктованных ею Турции мирных обязательств, холодная сдержанность царского двора к Германии в целом отразилась и на немецкой Прибалтике — в частности. Защитникам латышского крестьянина в русской печати — Вальдемару и его единомышленникам пришли на помощь званные и незванные доброжелатели из русских славянофилов. Сюда относятся такие видные и убежденные противники балтийского юнкерства, как Юрий Самарин,

Аксаков и другие. Но среди русских апологетов латышского крестьянина были и реакционные элементы, которых фактически интересовало не облегчение участи латышского и эстонского крестьянства, а насаждение вместо специфических балтийских исторических учреждений, лютеранской церкви, немецкого языка, — таких же по своему черносотенному содержанию учреждений русских, монастырей, священников, истинно-русских чиновников, русского языка и т. д. Ясно, что при создавшемся положении были обнажены все феодальные болячки Прибалтики, были раскрыты перед русским читателем все творимые баронами безобразия и замкнутые до сих пор от всего мира Прибалтийские провинции попали вдруг в полосу такого сильного прожекторного луча, что гордые господа бароны не знали под каким крылом прятать свои страусовые головы *).

*) Еще 30 лет спустя не могут не вспомнить с горечью бароны, как это вообще осмеливалось русское правительство дозволить предавать гласности подобные вещи о их правоверных мамелюках. Русская газета «Голос» в одном из своих номеров, оказывается, позволила себе выразиться в отношении баронов в очень неприличном тоне. Она напечатала буквально следующее: «если славные потомки рыцарского ордена до сих пор никого не выпотрошили, то это объясняется только тем, что юнкера не испытывали в этом непосредственной необходимости и у них не являлось попросту желания к подобной операции». «Но если бы они стали заниматься этим», продолжает газета, «никто не воспрепятствовал бы этому: несомненно, была бы найдена соответственная статья местных законов, согласно которой благородное баронство имеет право по собственному желанию вскрыть брюшную полость каждому простому смертному». И еще следующую вещь напечатал «Голос»: «к каж

Наравне с русской и латышская и эстонская печать (напр., издаваемый Матерсом «Балтияс Земкопис» (Балтийский Земледелец) имели возможность выдерживать открыто резкий тон по отношению к баронам и церковнослужителям, выявлять и обсуждать нужды крестьян-дворохозяев и призывать их к защите общих интересов. Это было славное время, когда деньги не переставали притекать в карман дворохозяев—латышей. Во всех углах Латвии устраивались «гуляния в зелени» и банкеты, вылупившиеся крестьяне-кулаки — горячие патриоты — слагали гимны в честь упрочившего их благополучие серебряного рубля; за кружкой самодельного пива провозглашались тосты и многолетия славной латышской нации, а малоземельные крестьяне вторили им и в восторге предвкушали дни будущие «под крылом русского орла».

«Народные вожди», в свою очередь, произносили полные энтузиазма речи и зашибали солидные гонорары за адвокатские услуги крестьянам-землякам; для успокоения своих клиентов они не переставали утверждать, что народное латышское дело заложено не на

дому грязному делу непременно причастен немецкий барон. Начиная от порнографии и кончая кражей документов, начиная от практики отвратительной частной жизни и кончая грубым угнетением — везде и всюду неизменным участником является кто-нибудь из немецкого племени».

За подобные неслыханно дерзкие статьи лифляндские помещики возбудили против „Голоса“ судебный иск, но преступного журналиста не только не приговорили к смертной казни через повешение или ссылке в Сибирь, но — о ужас! — юнкерская жалоба не была принята, как ни на чем не обоснованная! (См. „Lettische Revolution“ 11. стр. 34—35).

зыбком песке, оно вполне надежно, и долгожданные аграрные реформы последуют во что бы то ни стало. Совершенно не учитывалось положение, как быть в том случае, если верноподданейшие заверения «царскому дому» будут оставлены без последствий, и латышскому крестьянину, приносившему гусей на поклон царю-батюшке, придется уйти с пустыми руками. Совершенно не предпринимались шаги к организованной борьбе, несмотря на крайнее обострение классовых отношений между крестьянством и помещиками, которые в этот период (начало 80-х годов) держали себя весьма и весьма вызывающе. В это время Прибалтику часто сравнивали с Ирландией, но наши «народные вожди» не без внутреннего содрогания отворачивались от тактики Парнеля и его единомышленников, которые при помощи систематически проводимых в английском парламенте абстракций, при помощи провозглашенного «аграрной лигой» бойкота лэндлордов и неустанной агитации, вынудили, наконец, к уступке английских аграриев. У наших же доморощенных «патриотов» душа уходила в пятку, как только местные бароны и их клика причислили их к «бунтовщикам» и «социалистам». Чтобы рассеять эти страшные могущие иметь тяжелые последствия подозрения в том, что они, быть может, и в самом деле призывали народ к защите своих прав, они без зазрения совести целый год только пели царский гимн и отчаянно кричали ура *)

*) Наши мужья и борцы из „Матушки“ (кличка Рижского латышского общества. Пер.) согласны войти в сделку с самим чертом и его бабушкой, согласны на новые кровопускания и истребление всех рабочих и крестьян страны

Было похоже, что достаточно этих громогласных ура, чтобы без пролития единой капли крови взять юнкерский Иерихон в Прибалтике. В 1882 году в Прибалтику был командирован сенатор Манасеин для производства ревизии местных административных и судебных учреждений. Времена сенатора Манасеина балтийские юнкера вспоминают с таким же ужасом, как в свое время поход Иоанна Грозного. «Целый выводок немецких чиновников и судей пал жертвой этой ревизии!» — сетуют поднесь приверженцы старых юнкерских порядков в Прибалтике. (См. «Lettische Revolution» 11, стр. 52). Постороннему человеку может

лишь бы откинуть подозрение, что кому либо из них приснилось во сне автономное самоуправление Латвии („латышская республика“, как выразился барон Фелькерзам, ткнув пальцем в их сторону и заставив Гросвальда и Вейнберга в ужасе прилипнуть к стене). Можем с полным удовлетворением успокоить охваченных медвежьей болезнью домовитых наших буржуа и заверить, что кроме жандармов в синих брюках, они ничего во сне не видели, а республиканское знамя уж и подавно. Мне известен конкретный случай, как один из клиентов „народного вождя“, общеизвестного Кр. Калнина, признался ему наедине, что он хранит у себя пару русских брошюр, оставленных на его попечение и „народный вождь“ ничтоже сумняшеся предал этого преступника (рижского рабочего) в руки жандармерии. Последний ни за что ни про что отбыл около 3-х лет тюремного наказания. Особые заслуги в деле слежки и денуциации Вейнберга всем известны и о них говорить не приходится.

(Гросвальд, Вейнберг, Калнин — виднейшие представители народнического движения 80-х годов, вскоре, очутившиеся в лагере самого реакционного крыла латышских общественных деятелей. — Переводчик).

показаться, что эти немецкие чиновники и судьи были, по меньшей мере, обезглавлены; да нет же, свершилось не менее ужасное: они или отстранены были от занимаемых должностей, или получили «строгий выговор» в свои послужные списки. Зато самое страшное бедствие курляндскому и лифляндскому юнкерству удалось предотвратить: в ответ на их ходатайства и прошения им было «высочайше» обещано невмешательство правительства в аграрные отношения в Прибалтике. Это являлось такой крупной победой балтийцев, что можно было не портить себе настроения по поводу отчетов и «жертв» ревизии русского сенатора.

Кроме столба невероятной пыли, поднятой ревизией Манасеина, ничего существенного в пользу крестьян Прибалтики не получилось. Надежды крестьян оказались напрасными, даром ушли их денежки в карманы народных адвокатов, для которых ревизия Манасеина была порой богатейшей жатвы. За одни и те же переписываемые по одному шаблону листы бумаги, представлявшиеся Манасеину чуть ли не всеми волостями Курляндской и Лифляндской губернии, наши отечественные поверенные брали по 300, 500, 800 и свыше рублей, смотря по платежеспособности своих «близких сердцу» земляков. Под конец, эта деятельность наших адвокатов приобрела явно скандальный характер, так что один из чиновников Манасеина определил наших почтенных «народных вождей» лаконическим словом — «свиньи» *).

*) Мы не прочь назвать фамилии этих народных столпов. Это были в то время покрытые славой — Кр. Калнин и А. Вебер, Фридрих Гросвальд, Фриц Вейнберг и другие

Тем не менее, доверчивые латышские крестьяне отдавали свои трудовые гроши с внутренним удовлетворением: они были убеждены, что после поданных ими прошений «великая тяжба» с помещиками будет разрешена в Петрограде в их пользу. И это якобы должно совершиться в самый недалекий срок...

Однако, сразу по возвращении из Риги, где в августе 1883 года грандиозным шествием с факелами, возгласами — ура и пением «боже царя храни» провожали они уезжающего в Петербург Манасеина, на крестьян обрушилась грозная напасть. Бароны ни за что не шли на пересмотр оглашенных ранее договоров в сторону облегчения выкупных платежей. Наоборот: они нередко делали надбавку «за жалобы и раз'езды крестьян» и самых строптивых и непокорных мужиков (Bauern) попросту выгоняли из усадеб. Тем временем начали разноситься вести, полные своеобразной электрической

которые свои жертвоприношения на благо народа всегда заставляли оплачивать ценой не низкой. Самым ловким народным агитатором и вербовщиком крестьянских душ является Фриц Вейнберг, который каждую фразу заканчивал восклицанием, что аграрное положение в Прибалтике далее нетерпимо. Это, однако, нисколько не мешает этому Иуде и оборотню сейчас — за гонорар балтийцев — самым равнодушным и наглым образом утверждать, что „аграрные отношения у латышей—чистейшее золото по сравнению с аграрным положением в России, и если латыши из-за аграрных вопросов подняли знамя революции, то они, кроме карательных экспедиций (!) ничего не заслуживают, ибо они—во всяком случае—невежественные и враждебно настроенные люди, которым не может доверяться правительство“. („Ригас Авизе“, № 3-1911 год).

энергии: в апреле 1882 года априкенскому барону Нолькену был пущен в лицо заряд из дробленого свинца, в октябре состоялось покушение на Мейендорфа, барона Рамкенского, а в июле 1883 года, в дороге, был убит наповал виргаленский барон фон-Нольде. Кроме того, в темные осенние ночи то здесь, то там вспыхивали огненные языки: это горели мызные постройки и сараи. Этот аграрный террор 80-х годов происходил без всякого плана и согласованности: здесь не могло быть и речи о какой либо подпольной организации, о какомнибудь заговоре, подобном ирландскому синфейнерству. Эти выстрелы и поджоги носили характер актов индивидуального отчаяния, вылившегося в личную месть *).

Слишком ощутительна была горечь малоземельных крестьян-дворохозяев после стольких радужных надежд: за рядом тяжелых испытаний, насилий и несправедливости они не только не смогли дать реванша, но, — по тяжелой иронии, — вынуждены были покинуть свои усадьбы и насиженные места, где каждая пядь земли стала своей плотью, где каждый клочек покоса, каждая запашка, каждая посаженная в саду яблоня были добыты дорогой ценой. Слишком много накопилось обиды, чтобы, сложа руки, повиноваться судьбе. Слишком жестоким казался лишивший их крова и светлых на-

*) Единственно в Сесвегене и окрестных волостях существовало что-то вроде подпольной революционной организации. Но ее участников (среди этих „нигилистов“ было несколько человек народных учителей) скоро переловили. Согласно протоколов полиции, у них были найдены переводы изданий „Земля и воля“ и горючие материалы.

надежд ненавистный барон-помещик. Однако, аграрный террор не возымел своего действия на юнкеров, не причинил им также более или менее ощутительных убытков (помещики были достаточно предусмотрительны, чтобы не застраховаться от огня и притом по высокой цене) и скоро прекратился совсем. Земельные собственники, хотя и малоземельные, не могут выступить в роли выдержанных, крепко спаянных классовых борцов: всегда будут иметь у них место столкновения и встречное переплетение их собственнических интересов, всегда от них будут откалываться элементы, которые ради личного блага, внесут дезорганизацию в начатое общее дело. Мелкие земельные собственники, как члены определенного класса, могут загореться лишь отдельной вспышкой и притом в случае, когда их материальное благосостояние не подвергается слишком серьезной опасности, и когда они твердо уверены в благополучном исходе революционного начинания (как, напр., в 1905 году). Как только миновала опасность, или первое совместное выступление потерпело неудачу, они немедленно пятятся назад, колятся, разбредаются во все стороны, чтобы снова ухватиться за свой хозяйский уголок, свой земельный клочек.

Помещичья власть осталась непоколебленной, движение не вышибло ни одного камня из фундамента рыцарских замков, и крестьяне продолжали гнуть свои спины в помещичьем ярме. К тому же настали «тяжелые годы», вызванные стремительным падением хлебных цен в связи с конкуренцией Северной Америки и Аргентины и усилением вывоза из самой России. Крестьянская выручка далеко не могла сравниться с вы-

ручкой прежних лет и к тому же расходы, — главным образом, в связи с выкупом, — возрастали ежегодно. Прошли золотые денечки латышского землероба, дни веселия и радости: быстро начали распадаться мелко-собственнические хозяйства и, спустя немного лет, то здесь, то там начал постукивать аукционный молоток.

Так начало опускаться на дно мелкобуржуазное благополучие и потянуло за собой когда-то бравое непокорство и смелое выступление на защиту своих прав, так рассеялись и заглохли мечты об аграрной реформе в Прибалтике, и все настойчивее и настойчивее давала себя знать материальная зависимость и гнет собственного бессилия... Ровно никаких завоеваний, никаких достижений в правовой и социальной области не дали *восьмидесятые годы*, разве только выдвинулся и окреп слой интеллигенции, практиковавшей в области правозаступничества, и вылупился слой народной мелкой буржуазии в городах. «Народнические устремления» в идейном, культурном смысле этого понятия потерпели полный крах, ибо как раз в 80-х годах началась усиленная *русификация* Прибалтийских провинций. Не без обоснования можно сказать, что именно наши «патриоты» облегчили привитие этой агрессивной политики и на собственных плечах приволокли русских школьных инспекторов и русских чиновников *).

*) Прислушайтесь только в день второго всеобщего торжества „народного пения“ к речам, произносимым одним из славных столпов народных—Бривземнеком: „Вечно будут держаться латыши, как правоверные подданные, ступенек

И они не переставали ликовать даже тогда, когда на латышскую прессу начала накидываться удавная петля, когда начинал вытесняться латышский язык и место его в народных училищах стал занимать язык русский и даже тогда, когда реформированные русские суды и административные учреждения начали переходить в руки балтийского юнкерства. Бесчисленные иступленные крики «ура» рассматривались нашей мелкобуржуазной интеллигенцией, как акт высочайшей житейской мудрости: юнкерство, мол, упрочило свое положение, благодаря лойяльности царскому самодержавию, — стало быть, — латышам надлежит стать во стократ лойяльнее баронов, тогда и их преданность будет отмечена по заслугам перед «высшей властью». Хотя на деле они не выслужили и тени этого высочайшего внимания, но, казалось, их прислужническая, лакейская натура сама по себе делала их бесконечно счастливыми. Только в 1905 году и народническому «Балтийскому вестнику» («Балтияс Вестнесис») пришлось почему-то в голову, что политический сервилизм

высокого, славного русского трона, они вечно будут оставаться в семье русского народа. И если даже наступит для них время стать партией, то они создадут русскую государственную партию на территории Прибалтийских губерний. Про жителей Эльзас-Лотарингии любили когда то говорить, что они патриотичнее жителей самой Франции. Так будемте-же мы, латыши, более выдержанными русскими, чем жители Эльзас-Лотарингии патриотами Франции. Да здравствует Россия"! Само собой ясно, что исполненный подобного патриотизма земляк не мог иначе кончить дни своей жизни, как в чине русского инспектора латышских народных училищ.

(раболепствие) никогда не приводит к цели, и он не без горечи отмечал: «...Поэтому до самого последнего времени для наших народовольцев не существовало тактики, как делать более усердные и низкие поклоны правительству, нежели это делали Мейендорф и Ко, — с той только небольшой разницей, что Мейендорф приносил поклоны тогда и там, где они принимались и удостоивалась внимания в то время, как поклоны наших народных представителей оставались без всякого внимания». (См. «Балтияс Вестнесис» № 280, 1905 года *).

Тяжелая духота реакции сменила дни крикливой фразы народнического движения: мелкая деревенская буржуазия была распластана под экономическим гнетом, всю общественность захватили удушье реакции и усталая тишина; только изредка где-либо на банкетах народные Хлестаковы во фраках произносили тосты и подтягивали пьяными глотками «многая лета». Однако, под этим серым туманом в глубинах экономической жизни вызревали новые процессы, которым суждено было в корне преобразить общественные формы страны. Под пятой тяжелой политической реакции

*) Эти проблески политического разума у наших буржуазных демократов сверкнули на один только миг и сейчас же погасли. Та же газета, но под названием «Дзимтенес Вестнесис», помимо тактики своего политического лавирования, незамедлила снова ухватиться за стародавнюю тактику прислужничества и «поклонов». Последнее время она определенно пошла по стопам «Ригас Авизе» с ее приемами «предупреждения» (денунциации) немедленно после «нападения» на след «социалистического учения» (пример—отношение к организованным этим летом в Риге курсам народных учителей).

Александра III, прикрытый барьером ввозных пошлин, вырос в России *промышленный капитализм*, который распространил свои щупальцы и на города Прибалтики. В особенности в 90-х годах начали создаваться крупные промышленные предприятия в Риге и Либаве. За период с 1 января 1895 года по 17 июля 1899 года в одном только городе Риге было утверждено 31 акционерное товарищество с основным капиталом в 22 миллиона рублей. В какой мере в связи с расцветом промышленности ширился и разрастался город, видно из того, что в 1890 году в Риге выстроено 734 новых дома, в 1895 г. — 873, и в 1898 г. — 1.592 дома. Открываются самые разнообразные мастерские и учреждения, начинается строительная лихорадка, умножаются различные источники доходов, к которым липнут, как умеют и пришельцы из деревень *).

Сельско-хозяйственный кризис заставлял батраков целыми партиями уходить с темных захолустных деревенских дворов в гроыхающие железом, полные шума города. Вместо пыли деревенской риги им теперь приходилось глотать фабричную копоть, а живительный ветерок полей сменить на огненное дыхание печей и горнов.

Сравнительно быстро батраки и деревенские рабочие по мере износки своих мужицких лаптей преодолевали и крестьянскую леность мысли и равнодушие.

*) В период времени с 1881 по 1897 год из деревень Курляндской губернии ушло свыше 100.000 человек. Из них в городах Курляндии поселилось 51.135 человек. См. „Латвешу Саймнецибас аттистиба“ („Развитие латышского хозяйства“), Рига, 1905 г., стр. 21.

и вскоре они породнились между собой и влились в мощный рабочий поток. Городская жизнь с ее контрастами возбуждала в людях свой рабочий подход ко всему окружающему, свою оценку; машинное производство, машинный трудовой процесс возбуждают сами по себе в рабочих неосознанный до сих пор коллективизм, близкие товарищеские отношения. Тяжесть капиталистической эксплуатации накапливала в их сознании характерную горечь, неопределенную в своем содержании классовую вражду ко всем баловням жизни. Так появился в городах Прибалтики промышленный пролетариат, так спаивались наемные рабы капитала в рабочий класс, так развивалось и оформлялось их классовое самосознание, их чаяния и надежды, которые искали и вскоре нашли свое выражение.

Вплоть до девяностых годов латыши рассматривались, как нечто неделимое, однородное целое (само собой разумеется, что уже тогда существовала глубокая социальная трещина между дворохозяевами и батраками, но их связывало «крестьянское их происхождение»). Капитал значительно ускорил классовое размежевание и вместе с тем расколол латышский «народ» на общественные группы с противоположными классовыми интересами и требованиями. Раз'яснить этот общественный процесс, конкретизировать, сделать его доступным пониманию пролетарских масс — было задачей первых латышских социал-демократов, которые открыто и ясно ставили на место антагонизма народов — теорию и практику *классовой* борьбы. Освободить народные массы от крестьянско-консервативного прошлого и связать их с общим течением европей-

ской культуры, разрушить оружием беспощадной критики отжившее свое время народничество и самым решительным образом разоблачить беспринципную продажность «народных вождей», искоренить раболепие и вещать трудовым массам Прибалтики социалистические идеалы пролетариата Европы, — все это поставила своей целью осуществить в литературно-критической работе, — насколько позволяли условия того времени, — интеллигентская группа, об'единившаяся вокруг газеты «Денас Лапа». Но как только отдельным представителям этой группы — «новонаправленным» удалось связаться с рабочим элементом, эта расплывчатая в своем внутреннем содержании пропаганда социализма должна была получить более определенный характер: она должна была освещать экономическое и правовое положение рабочих, должна была формулировать требования рабочего класса и, намечая исторические задачи пролетарской борьбы, освободить силы пролетариата. И латышские рабочие не замедлили взять судьбы своей борьбы в собственные руки; они изучали теорию социализма, создавали свои нелегальные «кружки», сами организовывали и проводили забастовки (первая сознательно проведенная забастовка относится к 1896 году и произошла на пробочной фабрике Кригсмана в Риге).

Здесь мы не намерены останавливаться на изучении значения 90-х годов в истории социал-демократии Латвии и начала рабочего движения вообще. В настоящей брошюре мы проследим лишь историческое развитие борьбы между крестьянами и помещиками в Прибалтике. Мы должны только отметить, что новонаправлен-

ство почти что вовсе не коснулось пролетариата деревенского. Это вытекало из того общего положения, что среда сельско-хозяйственных рабочих вообще менее доступна социал-демократической пропаганде, чем рабочие фабрично-заводские в промышленных городах и центрах. К тому же новые пропагандисты (студенты и воспитанники учебных заведений) вовсе не делали попыток проникнуть в бараки помещичьих батраков и жилища вольнонаемных рабочих в деревне. Интеллигентская молодежь того времени, вышедшая из крестьянско-хозяйской среды, направила свою работу, в первую очередь, на близкие себе элементы — сельское учительство и новое хозяйское поколение. Хозяйские сынки охотно выслушивали рассказы о Дарвине, Геккеле, о кознях баронских и лютеранских проповедников, равно и о царском гнете и налоговом бремени, но сейчас же меняли свое настроение, как только речь заходила о необходимости удовлетворения требований своих наемных рабочих. Однако, спустя относительно короткое время, социалисты находят свою дорогу и к сельско-хозяйственным рабочим. Связь между городом и деревней в Прибалтике была достаточно тесной, чтобы городские события прошли бесследно для жителей деревни. События, равные либавской генеральной забастовке в 1899 году и стачкам и открытым демонстрациям в Риге, одновременно, само собой ясно, глубоко всколыхнули сознание деревенского пролетариата, в особенности кровавые стычки между рабочими и полицией с солдатами (за время первомайских волнений убитых насчитывалось 60, раненых около 100 человек). Элементарно-революционное выступление рабо-

чих, разгромленные фабричные конторы и выжженные «дома» терпимости, — были достаточно сильным пламенем социальной борьбы, чтобы не бросить в ночь экономически-политического бесправия красное зарево далеко в тихие деревенские равнины...

Как только в 1901 году в городах Прибалтики начали возникать прочные социал-демократические рабочие организации (главным образом в Риге), как только борьба за социализм стала делом самих рабочих, — экономическое и политическое движение городского пролетариата начало растекаться бесчисленными невидимыми ручьями и потоками в деревню. Издаваемые за границей брошюры, печатаемые внутри страны прокламации, — вся эта литература переносится волнами начавшегося в городах движения в самые глухие местности, где она жадно подхватывается, усваивается и передается из одних рук в другие. В 1903 году уже начинают развивать деятельность Виндавские и Тальсенско-Туккумские организации, работа которых сосредоточивается преимущественно на деревенском пролетариате *).

*) Уже в № 12 издаваемого на латышском языке „Социал-демократа“ (март 1903 года) находим статью под заголовком „Об агитации и пропаганде в деревне“. Хотя автор статьи считает нужным распространить социалдемократическую агитацию и на ремесленную и „хозяйскую молодежь“, однако, главное внимание им обращается как раз на батраков и рабочих. Он говорит: „для того, чтобы развить просыпающееся классовое сознание и воспитать чувство солидарности, в агитации необходимо исходить из насущных нужд рабочего населения (увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня и т. д.).

Осенью того же года наши комитеты выпускают воззвания к мызным батракам, где первый раз выставляются определенные экономические требования (повышение заработной платы и выплата ее деньгами, а не натурой, и пр.). Эти воззвания проникают в Тальсенский уезд и, кроме того, в 10—12 деревень в окрестностях Либавы. «Листки» вызывают сильное возбуждение местных помещиков и заодно глубоко взбудораживают закабаленных помещичьих батраков. Начиная с 1904 года, «социалистические листки» посыпались непрерывно по всей территории Латвии. Их находят на мостах и кладбищах, у церковного входа и помещичьих зданий, на оставленных в поле плугах, и на деревьях в лесу. «Есть волости, в которых нет телеграфного столба, — пишет «Циня» 1904 г. (№ 3), к которому не было бы приклеено то или другое воззвание». В январе 1904 года начинается неудачная для русского самодержавия японская война. Гром пушек на Дальнем Востоке и военное поражение на суше и море разбудили всю Россию и значительно усилили революционное движение в Прибалтике. Без особого риска можно утверждать, что военные события находили в деревне более живой отклик, чем в городах, ибо деревенское население находилось под вечной угрозой приказов о мобилизации и, кроме того, определенные сообщения о неудачах русской армии действовали на мирную, не уверенную в своей силе «деревенщину» в гораздо большей степени, чем на захваченных уже борьбой городских пролетариев. Если на самом деле все-таки сильное русское самодержавие ничто иное, как исполнен на глиняных ногах и если оно, паче чаяния, терпит

крушение в войне с Японией и народной революцией, — тогда бесспорно крышка и нашим господам помещикам-угнетателям! Эта мысль невольно вкрадывалась в голову батраков.

Мечты и надежды, правильное чутье и ни на чем неоснованные слухи — все волновало сельских рабочих и батраков (даже стариков), и латышская социал-демократия прилагает все усилия к тому, чтобы ввести эту колоссальную силу в правильное русло борьбы. Латышская социал-демократия энергично опровергала ложные планы на «передел земли» в Прибалтике (так называемая «Савениба» (союз) стремилась как раз этой уловкой вербовать приверженцев), и везде и всюду среди сельского пролетариата проповедывала принципы пролетарской борьбы. Неопределенные в своем существе чувства горечи и обиды против господ-угнетателей латышская социал-демократия выковывала в революционное классовое сознание; распыленные и слабые в своей разобщенности народные толпы объединялись ею и складывались в организованную боеспособную армию; узкие и мелочные местные требования экономического характера поднимались до уровня социал-демократической программы и связывались с общими революционными политическими и социалистическими лозунгами России. Таким образом, в бурные годы непосредственной борьбы вырос и возмужал латышский сельский пролетариат и обратился в такую внушительную силу, которая на самом деле была в состоянии сломить свое рабское прошлое и подвергнуть перед собой на колени железных рыцарей Прибалтики...

Прежде, чем перейти к изложению событий 1905 года, когда началась в деревне открытая массовая борьба, мы должны остановиться несколько на *экономическом и правовом положении помещичьих батраков*. Всем хорошо известно незавидное батрацкое житье, но прислушаемся все-таки до какой наглой лжи доходит депутат балтийцев, который с кафедры Государственной Думы не смущается рассказывать следующие вещи: «Оклад содержания батраков достиг таких размеров, что полное разорение грозит работодателям; бесспорно, что батрак, работающий исправно и не употребляющий спиртных напитков, может помещать регулярно часть своего жалованья в ссудо-сберегательную кассу и со временем накопить капиталец, который даст ему полную возможность приобрести в частную собственность или снять в аренду земельный участок» *).

Небезызвестный враль и автор «*Lettische Revolution*» приводит в своей рассчитанной на иностранного читателя книге числа, согласно коих оклад содержания помещичьих батраков составляет ни больше ни меньше, как круглые 305 рублей в год. Удивительные бывают вещи на белом свете! Чем не курьез, в таком случае, выставленные батраками в прокламациях 1905 года требования о повышении оклада содержания до 300 рублей, если наши сострадательные и человеколюбивые бароны выплачивают им на целую пятерку *боль-*

*) Почему только лишь „земельный участок“, господин Брикман? Следовало бы сказать, что работающий и непьющий батрак в состоянии приобрести вполне приличное имение!

ше?! Это, очевидно, один из тех фактов, которые заставляют высокопочтенного автора утверждать, что латышский народ одержим «революционным бешенством»...

Мы хорошо знакомы с арифметическими упражнениями балтийцев и поэтому не удивляемся, что «бесплатную квартиру» батрака они расценивают в 40 (!) рублей в год. Заграничным немцам остается только недоумевать по поводу неслыханной расточительности своих «земляков», которые отводят под жилье батракам салоны с каминами и паркетным полом *). Они, конечно, даже и представить себе не могут те замызган-

*) Приблизительно в таком свете и живописуют в заграничной прессе житье своих батраков балтийские юнкера. Общественный президент Курляндского немецкого ферейна и палач и вешатель латышских революционеров фон-Мантейфель Кацдангенский именно так расписывал райскую жизнь батраков. (Замечательный, между прочим, барон. В период деятельности карательных экспедиций в его имении были приговорены к смертной казни 20 человек, из коих 2 учителя—Зингберг и Пумпур, секретарь Кронберг и чиновник имения Клопс—повешены на границе Кацдангенского имения). В то же самое время, когда фон-Мантейфель исполнял у себя дома свои палаческие обязанности, в немецких газетах какой то подлиза восхищался его „серьезным отношением к делу и идеальностью“. Для своих батраков, видите-ли, он открыл чайную, где они могут собираться, приятно проводить время, беседовать, читать и заниматься игрою в шахматы; столы и стулья сделаны по специальному заказу по чертежам самого барона; стены украшены репродукциями немецких художников. Для своих неблагодарных батраков этот «идеальный» господин назначал даже шахматные премии. Воистину гуманный и эстетический палач!

ные грязью и навозом казармы, в которых обитают по несколько семей в одной маленькой комнатухе, где простор и чистота далеко не могут сравняться с господскими конюшнями и хлевами. Сырой хворост, которым бароны наделяют своих батраков и который должен служить для отопления и стряпни, юнкерские статистики оценивают в 20 рублей в год, содержание врача и лошадей, предоставляемых для поездки в церковь — в 10 рублей и т. д.

Останавливаться на подобного сорта грубой лжи нет ни малейшего расчета, поэтому приведем лишь некоторые вырезки из газет, дающие правдивые сведения об окладе содержания батраков имений: «Донданген. Имение дает батраку в год: 28 рублей деньгами, 16 четвериков ржи, 10 четвериков ячменя, 1 четверик зерна 2-го сорта, полчетверика гороху, 2 пуда соли, 4 штофа керосина, полбоченка сельдей, 2 сажени дров и хвороста, $1\frac{1}{2}$ пурных мест*) земли для посадки картофеля, корм для одной коровы и квартиру с небольшим огородом». (Газ. «Дарба Балс», № 8, 1907 г.). «Нурмгузен. Оклад содержания батрака составляет: 40 рублей деньгами, 18 четвериков ржи, 12 четвериков ячменя, 2 четверика овса, 1 четверик гороху, $\frac{1}{2}$ пурного места земли для посадки картофеля и одна треть пурного места под огород; для домашних животных: 4 берковца сена и столько же соломы». («Варпас», № 33, 1909 г.). «Им. Априкен. Жалованье батраков следующее: 48 рублей деньгами, 48 пуд. ржи, 30 пуд. ячменя, 5 пуд. гороха, 3 пуда соли, 7 штофов керосина, 2

*) Пурное место— $\frac{1}{3}$ десятины.—Пер.

воза соломы кормовой, 2 воза соломы подстилочной, 3 корзины плевел, 6 берковцев сена, одна четверть пурного места под огород, $\frac{1}{2}$ пурного места земли под картофель, хвороста в полной потребности и $\frac{1}{2}$ куба дров. Жена работает 60 дней». («Варпас», № 76, 1911 года).

Подобные сведения можно продолжать без конца, но факты эти и так хорошо знакомы латышскому читателю. И если этот оклад содержания батрака, «в конец разоряющий помещика», перевести на деньги, то с какой угодно натяжкой сумма не превысит 160—180 рублей в год, — стало быть, чуть ли не вдвое меньше, чем сочиняют лживые баронские писаки *).

Кроме того, необходимо отметить, что содержание батраков, по сравнению с 1904 годом, значительно повысилось под давлением революции и благодаря отсутствию в деревне рабочих рук. И то — за год работы (в летнее время от восхода солнца до заката!), причем и жена батрака должна «выставить» от 60—70 дней, — на каждого члена семьи батрака падает не свыше 10—12 коп. в день. Господа-балтийцы в самом деле могут гордиться тем, что их рабочие получают ровно столько же, сколько выплачивает казна приговоренным к арестантским ротам. Нам доподлинно известно, что самые добросовестные работники из помещичьих

*) Относительно содержания батраков имения Яун-Лайцен в газ. „Варпас“ № 14—1909 г. сообщается, что оно составляет в переводе на деньги лишь 148 рублей в год. Если память мне не изменяет, то согласно сообщений газ. „Дзиве“ столько же (т. е. 145—150 рублей) получают батраки принадлежащего фон-Мантейфелю имения Кацдаген.

батраков не в силах сплошь и рядом уплатить причитающиеся с них подушные подати. А между тем, бароны не стесняются утверждать, что сельские рабочие, при хорошем желании, могут иметь сбережения от 130 до 150 рублей в год и «даже свыше того» *).

Как известно, большую часть рабочих имения в Прибалтике составляют так называемые *служилые батраки* (депутата калпи), труд которых оплачивается и деньгами, и натурой одновременно. Кроме них в имениях работает значительное количество «пахарей» (земес калпи), которые за отведенные в их распоряжение участки земли должны отрабатывать определенное число дней в году. Здесь нам приходится иметь дело с типичной формой барщины, и наши почтенные землевладельцы охотно придерживаются этой старинной системы эксплуатации, ибо она гарантирует им дешевые рабочие руки, связывает рабочих с землей и вместе с тем ставит рабочих в непосредственную зависимость от помещика. Приведем пару выдержек из газет об оплате труда пахарей: «Донданген. Пахари получают от имения 8 пурных мест пахотной земли, 12 пурных мест луга, жильё и 1 сажень дров на корню. На имение работают через каждые две недели третью и четвертую. Жильё «пахарей» находится в расстоянии от 2—5 верст в стороне от имения. В особенности ра-

*) См. „Lettische Revolution“, Bd. I стр. 72. Эта чепуха, в виде официальных сведений была напечатана в приложении газ. „Видземес Губерняс Авизе“ (Лифляндская губернская газета), чтобы латышские крестьяне могли воочию убедиться в том, до какой наглости могут доходить в своей лжи те, кто судит об их жизни с баронской точки зрения

но приходится им вставать летом, чтобы с восходом солнца быть уже в имении. Отработав день напролет, возвращаются они домой совершенно усталые. Нехватает времени для сна». («Дарба Балс», № 8, 1907 г.). Или еще: «Замок-Газенпот. Вознаграждение пахаря в год составляет: 7½ пурных мест пахоты, 10 пурн. мест луга, 10 рублей деньгами, 4 сажени хвороста, $\frac{3}{8}$ сажени дров, которые пахарь сам должен приготовить в специально отведенном участке леса и привезти собственными средствами. Каждый пахарь должен отработать на имение 26 недель в год и его жена — 50 дней». («Дзиве», № 66, 1911 г.). Неудивительно, что самой жестокой эксплуатации подвергаются именно «пахари» на помещичьей земле: в самую страду они связаны с работой в имении и в то же время должны обслуживать отведенные им участки. Эту работу в период жатвы и уборки сена они должны проделывать ночью и по праздничным дням, так что совершенно лишены какого бы то ни было отдыха. «Пахари» — это в буквальном смысле слова — рабы земли *).

*) В свое время наша народная печать с величайшим неудовольствием относилась к пережиткам барщины, лежащей тяжелым гнетом на крестьянском хозяйстве. Теперь, вместе с повышением заработной платы сельско-хозяйственных рабочих, национально-буржуазные органы вроде „Дзимтенес Вестнесис“ и „Латвия“ от всей души желали бы рецидива барщины для батраков. В этих органах регулярно печатаются статьи-проекты об организации карликовых и „нормальных хозяйств“, о выделяемых из площади поместий земельных участках батракам. Все это клонит к тому, чтобы заблаговременно создать почву для отлетения деревенского пролетариата и обеспечения

Рабочий день в Прибалтике летом установлен «с восхода до заката» и составляет от 15—16 часов в сутки. Это могло бы показаться несколько несуразным даже отдельным прусским юнкерам, но балтийские собратья успокаивают их на том, что вставание батраков до восхода солнца установлено, мол, «стародавним обычаем» (*nach uraltem Gebrauch*) точно так же, как вставание господ — в 9—10 часов утра. Укажем только, что в европейских сельско-хозяйственных странах (Дания, Норвегия) сельско-хозяйственные рабочие выходят на работу летом в 6 часов утра и кончают не позже 7 час. вечера. А характер самой работы: возка навоза, жатва, косьба под палящими лучами солнца, молотьба в облаке удушливой пыли, доставка дров за десятки верст в трескучие зимние морозы и т. д. Подобный каторжный труд подрывает здоровье рабочего отнюдь не в меньшей мере, чем труд углекопа в подземных шахтах и труд на чугунно-литейном заводе. Кто соприкасался с нашими сельско-хозяйственными рабочими, тот знает, что редкий из них не теряет трудоспособности в 40—45 летнем возрасте, не болеет грыжей, ревматизмом и другими профессиональными болезнями.

Тяжела доля батрацкая. Начиная с раннего возраста, 7—8 года жизни (пастушество, выполняемое у нас детьми, есть ничто иное, как нечеловеческое истязание ребенка!), батрак находится в самой унижительной рабочей зависимости; с колыбели до гробовой доски об-

землевладельцев дешевыми рабочими руками и покорными работниками.

речен он на самую отвратительную эксплуатацию, несет трудовое ярмо без всякого отдыха, не говоря уже о мало-мальски сносных условиях существования. Его карьера начинается в зловонной батрацкой казарме и кончается на голодном пайке богадельни *).

Нищенское жалованье, которое рассчитывают получить за свой труд батрак со своей женой и детьми, нередко жестоко урезывается рукой помещика. В сообщении первого попавшегося нам под рукой газетного номера читаем: «Нурмгузен (принадлежит роду Фирков). Для вытягивания на работе жил у батрака—содержатся надзиратели. Кроме того, вместо положенных 40 коп. жене батрака выплатили за жатву лишь 30 к. в день; сено дали гнилое. Обеденный перерыв с 25 июля сократили до 1 часу; полдник отменили 13 августа, хо-

*) Даже в богадельне, на смертном одре деревенские консервативные элементы не желают предоставить отдых труженику, отдавшему всю жизнь непосильному труду сельско-хозяйственного батрака. Газета „Дзимтенес Вестнесис“, орган наших „серых баронов“, считает развратом предоставление дарового помещения нетрудоспособным в богадельне“. Это приводит к тому, что от них „не стало отбоя“. Захлопнуть дверь и не пускать в эту райскую обитель потерявших трудоспособность и—баста, ибо „в таких стариках и старухах хозяева крайне нуждаются, ищут их с огнем, но, к сожалению, не находят“. Далее, расчетливый „Дзимтенес Вестнесис“ проэктирует богадельни обратить в трудовые дома, где помещаемые в них нетрудоспособные „могут быть использованы для волости“ („Дзимтенес Вестнесис“, № 192—1909 г.). Заставить немощных продолжать свой рабский труд до последнего издыхания—это называется „любовью к ближнему“ на языке немецких и латышских господ.

тя согласно договора он должен предоставляться от 23 апреля по 8 сентября включительно. 1-го сентября отменили также перерыв на завтрак, хотя он по договору полагается с 25 марта по 15 сентября. На такое нарушение договора батракам остается только пожимать плечами, не подавать же жалобу в суд на барона! Но горе тому из батраков, кто осмелится хоть на волос нарушить установленные помещиком правила. Так, например, если осмелится жена батрака собирать траву на помещичьем выгоне или меже, или батрак дерзнет заладить трубку вблизи построек имения — и в том, и в другом случае с батрака взимается штраф в размере 3 рублей в первый раз, при повторении — 6 рублей, и в третий раз — 9 рублей». («Земелис», № 4, 1910 г.). Вышеприведенные факты имеют место во всех без исключения имениях Прибалтики. Каждый барон, не взвывая на неисчислимые свои доходы, обязательно норовит так или иначе ограбить своих рабочих: отвести неплодородный участок земли, дать гнилую труху вместо сена или зерно с сорной примесью и т. д., или воспользоваться случаем наложения денежного штрафа *).

*) В газете „Лайка Балс“ недавно была помещена заметка об имении Альт Шваневбург (принадлежит баронессе фон-Вольф): „За малейшее упущение — следствие усталости от чрезмерно длинного рабочего дня — рабочему угрожает строгое наказание, увольнение или вычет из жалования. Между прочим, был случай вычета 5 рублей из жалования рабочего за то, что его 5-ти летний мальчик убил — воробья“. Стало-быть, из за самодурства какой-то баронской старухи, за убитого воробья рабочий теряет потом заработанное двухнедельное жалование...

Кроме того, наши юнкерские паразиты считают долгом чести обращаться со своими рабочими самым грубым и разнузданным образом. Они никогда не назовут рабочего иначе, как «скотиной» или «балдой», и — горе тому, кто осмелится не приложиться к ручке барона или кого-либо из членов помещичьего дома. В послушании и трепете должен рабочий являться перед своим господином и не только его работа, но и семейная жизнь подлежит самому строгому контролю помещика.

Жизнь батрака под «отеческим» покровительством барона была не жизнь, а ад кромешный, и выносить его в состоянии были только люди, которые испокон века должны были гнуть спину и лишены были воли и стремления к осуществлению человеческих условий труда.

Люди, выросшие в иных условиях, не в состоянии выносить помещичьего гнета и попросту уходят из прославленного рая балтийцев. Наглядный пример тому — немецкие *колонисты*. Наиболее неуживчивые из наших юнкеров после революции 1905 года ни под каким видом не пожелали оставить у себя на службе латышских «бунтарей» и «разбойников» и при помощи агенты лютеранских пасторов вывезли немецких крестьян-колонистов из внутренних губерний России. Этим родственным по происхождению и религии братьям бароны наобещали всевозможнейших преимуществ и действительно делали им снисхождение, как в отношении работы, так и в отношении жизненных условий по сравнению с латышскими тружениками. Однако, не прошло и года, как началась тяжба колонистов с их высокопоставленными благожелателями и, сложив свои

пожитки, колонисты с проклятиями по адресу баронов и их имений, направились обратно в Россию. Это, воистину, похоже было на иронию судьбы, когда летом из имений самых горячих сторонников колонистов — Кацдангенского (принадлежит фон-Мантейфелю) и Рудбартенского (владелец фон-Фиркс) разоренные и ошельмованные своими «соотечественниками», уходили немецкие колонисты в Сибирь. В самом деле нескладно, некругло выходит у немецких баронов: по утверждению Брикмана и его друзей латышские батраки живут так же прекрасно и беззаботно, как римские епископы, и в то же время окруженные исключительной заботой и любовью баронов колонисты-штрейкбрехеры находят необходимым менять эти прелести на сибирские тундры. Очевидно, для балтийских баронов остается один только выход — обратиться к правительству о высылке для полевых работ тех каторжно-ссылных, которых в настоящее время топят в болотах на постройке Приамурской железной дороги. От балтийских баронов и русских министров этого вполне можно ожидать.

Выясняя условия жизни и работы батраков имений, мы ни в коем случае не склонны обходить прелести жизни батраков — вольнонаемных рабов латышских дворохозяев. Доля их немногим лучше доли рабочих баронских имений. Латышская социал-демократия призывала и призывает на борьбу всех сельско-хозяйственных рабочих, безразлично, обитают ли они в батрачьем углу дворохозяина-латыша, или в казармах помещика. Она восстает против всякой эксплуатации и вымогательства и ей и в голову не приходит посту-

паться своими принципами классовой борьбы и за счет имений выгораживать мелкобуржуазное крестьянство. Но она должна ясно отдавать себе отчет в том, где корень общественного зла и эксплуатации и приложить все силы к тому, чтобы убрать тот камень гнета, который придавил все экономическое и общественное развитие. Оставаясь на вполне объективной оценке положения, мы должны признать, что положение «хозяйского» работника все же лучше положения работника помещичьего. Правда, рабочее время и тяжесть труда не представляют никакой разницы, зато условия домашней (семейной) жизни хозяйского батрака несравненно лучше и независимее. В том же номере газеты, из которого мы приводили сообщение о жизни нурмузенских батраков, помещена статья о жизни сельскохозяйственных рабочих в так называемой «Латышской Украине» (Малена), причем автор статьи приходит к выводу, что «батраки имений в общем и целом получают жалованье на 30 рублей меньше местных хозяйских рабочих» («Земелис», № 4, 1910 г.). При этом в интересах экономической борьбы пролетариат должен, в первую очередь, сломить сопротивление помещиков, ибо имения, в общей сложности, определяют уровень заработной платы сельскохозяйственных рабочих. В подтверждение нашей мысли, считаем не лишним привести слова статистика, тоже «балтийца» и притом отнюдь не склонного воспроизводить в черном цвете местные аграрные отношения. Он пишет буквально следующее: «Концентрация наших владений безусловно имеет крупное значение и для сельскохозяйственных рабочих. Сталкиваясь на протяжении об-

ширных округов с одной и той же семьей, нередко с одним и тем же человеком в лице работодателя, сельскохозяйственные рабочие вынуждены иметь дело с такими союзами предпринимателей, которые в силу экономических своих интересов и зачастую близкой родственной связи отдельных предпринимателей, имеют нередко более прочную спайку, чем любой современный картель; в распоряжении этого объединения находятся большие средства, на которые легко осуществлять однородные мероприятия и только в исключительных случаях они (работодатели) соглашаются на изменения общего уровня заработной платы в сторону ее увеличения *).

Наконец, приведем цифровые данные, чтобы наглядно представить себе, какую рабочую армию составляет латышский деревенский пролетариат. По данным статистических табелей Лосицкого, в отношении численности сельскохозяйственных рабочих, Курляндская и Лифляндская губернии занимают первое место среди всех губерний России.

*) См. Aghte „Ursprung und Lage den Landarbeiter in Livland“, стр. 131. Автор этой относительно безвредной книги балтийской печатью был немедленно объявлен уголовным преступником, ибо как мог он осмелиться не воспевать благодетельного балтийского юнкерства—раз, и про статистика балтийцев Тобиена говорить, что он состоит на службе и жаловании у помещиков—два. Вместе с тем самым упрощенным способом поносился Лейпцигский университет и общеизвестный ученый Бюхер, под ответственностью которого была выпущена брошюра. Да, про дела в Прибалтике можно только писать и печатать под диктовку юнкеров. Что свыше того—то от лукавого.

На каждые 100 человек, занятых в сельском хозяйстве, на Курляндию падает 72, а на Лифляндию — 66 рабочих-батраков, между тем, как на черноземные губернии юга России (Полтавщина, Черниговщина, Екатеринославщина) приходится лишь 17—13 проц. сельскохозяйственных рабочих-пролетариев. Балтийцы сами приводят следующие цифры. По Лифляндской губернии (остров Эзель в расчет не принят), согласно материалов губернской статистической комиссии, число «хозяйских» батраков и наемных рабочих составляет 71.610; помещичьих — 24.428; кроме того, к волостям приписаны 137.982 безземельных крестьян, из которых большинство состоит на работе в городах и только около 45.000 проживают в деревне и работают в качестве полденных, вольнонаемных на небольшие сроки и т. д.

Что касается рабочих в имениях Курляндии, то об их численности приводит цифровые данные М. фон-Ливен (в своей книге «Die Arbeiterverhältnisse in Kurland», 1899 г.): «служилых батраков» по всем уездам числилось 5.915 чел.; «пахарей» — 2.542; полденщиков (главным образом, на летний период) — 8.989. Приводимые фон-Ливеном цифровые данные отнюдь не могут считаться исчерпывающими. По крайней мере, из них не видно того, в какой мере используется в имениях женский труд и труд детей, находящий себе в целях погони за дешевизной и покорностью — широкое применение.

Разбудить, встряхнуть, вести к классовому сознанию и на борьбу за экономические и политические требования эти сотни тысяч деревенских рабочих —

была задача латышской социал-демократии. После крестьянских бунтов в 40-х годах, после правительственных преобразований (реформ) в 60- годах, давших улучшение положения малоземельных крестьян-дворохозяев (хуторян), после «народнического» движения крестьянской мелкой буржуазии в 70-х и 80-х годах, на историческую сцену выступил низовой класс — *деревенский пролетариат*. Он не просил, а требовал; он не полагался на постановления Сената, не рассчитывал на подачки от русской бюрократии, а лишь на собственные силы и мощь товарищеской спайки; он не кричал « ура», не распевал «боже царя храни», а заставлял звучать боевую песнь — «Вставай, подымайся рабочий народ!». Это было возрождение *свободы латышского народа*. Революционная классовая борьба и победное слово социализма творили чудеса: слепые обрели зрение, больные и калеки — силу, *рабы балтийского юнкерского племени становились борцами революции*. 1905 год похоронил навеки рабское прошлое народных масс Прибалтики.

III.

Нам не представляется здесь возможности останавливаться на событиях, предшествовавших 1905 г., почему переходим непосредственно к борьбе, разыгравшейся уже в 1905 году. Вплоть до этого года революционное движение в провинции, в деревне ни разу не выявилося в открытой форме (несмотря на то, что социалистическая пропаганда усиленно велась уже два года), если не считать волнений среди призванных на действительную военную службу запасных в Венденском уезде в декабре 1904 года.

Латышская социал-демократия выпустила листовки против мобилизации и призывала к открытому неповиновению распоряжениям правительства; недовольство и возбуждение среди призванных были велики, но волнение не вылилось, — несмотря на серьезность момента, — в достаточно четкие формы. Пьяные жертвы японской войны громили кабаки и казенки, шумными толпами окружали встречавшихся на пути помещиков и арендаторов имений, требуя от них «чаевых»; громили вагоны на станциях жел. дорог и т. д. *).

*) „Циня“, орган Центр. комитета лат. соц.-дем. раб. партии, решительно порицала бессознательные выходки призывных:

„В такой серьезный момент, когда нас насильно гонят на бойню, нам приходится дружно и единодушно выступить“

В имении Биксер, принадлежавшем фон-Магнусу, батраки выбили камнями стекла окон баронских покоев; владелец имения вместе с сыновьями и сподручными открыли стрельбу по «мятежникам» и одного ранили. Здесь уместно отметить, что по поводу выбитых стекол представители лифляндских помещиков («Landesvertretung»), не замедлили обратиться к лифляндскому губернатору с требованием присылки военной силы и агентов сыскной полиции для вылавливания социалистических «агитаторов». Только «крайне нерешительный» губернатор Пашков нашел якобы это требование — «преувеличением» и отказал в высылке войска; однако, баронство все же выторговало увеличение полиции, которую содержать вынуждены были крестьяне *).

Наступили неизгладимые в памяти январские дни!

9-е января — исключительный день в революционной истории России. В этот день смертоносные залпы

пять против царского режима, всеми силами оказывая сопротивление его представителям, но мы отнюдь не должны пользоваться случаем для того, чтобы пьянствовать, дебоширить, громить и грабить". И дальше: — „Само собою понятно, что мы отнюдь не выражаем сострадания тому или иному, пользующемуся общей ненавистью, барону по случаю того, что у него камнями разбиты оконные стекла. Тем не менее мы ни в коем случае не можем оправдать поведение тех, кто наносит побои, грабит и присваивает чужое добро, равно и того, кто вымогает грошовую подачку у того или другого эксплуататора. Не лучше ли было бы выступить сплоченной силой против эксплуатации и притеснения?“ („Циня“ № 9).

*) «Lettische Revolution, II, стр. 154.

царской гвардии, направленные в шествие петербургских рабочих, разрушая наивную преданность и веру в «царя-батюшку», разбили вдребезги — вместе с царскими портретами и иконами, — невежественное, слепое упование и надежду русского народа на самодержавный строй. В день «кровавого воскресения» оборвались все нити мирного сожительства русского абсолютизма с угнетаемыми им народными массами; все долгожданные обещания и реформы были потоплены в крови на улицах Петербурга, российский пролетариат прозрел и убедился в том, что его освобождение — дело самого рабочего класса, а путь этого освобождения — *революция*.

«У нас в России народ не революционен», шепелявил еще за два дня до 9 января предводитель русских либералов — Струве, и спустя ровно одну неделю вся Россия превратилась в сплошное поле революционных битв! Российские города и промышленные центры, Прибалтийские провинции, Польша, юг России, Кавказ, Поволжье — всюду рабочие массы сплотились под единым знаменем борьбы. Сотни и тысячи пролетариев наводняли улицы и площади, и революционные лозунги пролетариата раздавались из конца в конец всего обширного российского государства. Внешние и внутренние катастрофы значительно ускорили темп исторического развития России: революционная волна сразу на десятки лет вынесла вперед русский народ, и сразу преобразилась ситуация внутренней общественной жизни России. Банкеты либеральствующих земств и «петиции» казались смешными и ни на что не пригодными безделушками в сравнении с твердой поступью

народных масс, с их беспощадным и неотвратимым оружием — *всеобщей забастовкой и вооруженной борьбой.*

У всех еще сохранилось в памяти, с каким негодованием и революционным под'емом подхватил прибалтийский пролетариат вести о кровавом разгроме рабочего шествия к Зимнему дворцу.

«Кровь павших товарищей вопиет о мести. Из груди вырывается возглас — смерть тиранам! Кровь наших товарищей, обогрившая снег на улицах Петербурга, отныне вселяет глубокое отвращение к труду на пользу эксплуататоров. Наш долг в этот исключительно важный момент, долг всех трудящихся — бросить работу и присоединиться к петербургским товарищам! Мы об'являем *всеобщую забастовку* *).

И с неожиданным и невиданным до сих пор единодушием был подхвачен этот призыв рабочими: на следующий день всеобщая забастовка неотвратимой волной охватила все рижские фабрики и мастерские. С раннего утра до позднего вечера 40—50-тысячная толпа захлестывала улицы Риги, с неописуемым восторгом распевала революционные песни; громовым эхом отдавались подхватываемые лозунги борьбы. Какое глубокое впечатление оставил этот массовый протест даже на противниках рабочего класса, свидетельствует Андрей Недра, — тот самый Недра, который выходил «отвесить поклон городовому и солдатику» и который не-

*) См. воззвание Рижского комитета к всеобщей забастовке в январе 1905 г., 25.000 экз. (Полностью это воззвание перепечатано в журнале „Красная Летопись“ 1922 г., № 1, стр. 240 — в другом переводе. — Пер.).

вольно должен был отдать тот же поклон рабочему шествию:

«Ты можешь не смотреть, отвернуться в сторону, но ясно встает перед твоими глазами восторженная, экзальтированная толпа: юноши со сверкающими глазами, рабочие с мозолистыми руками, девушки, распростершие, словно навстречу весенней буре, свои руки... они поют о своей вере в боевой песне» *).

К рижской забастовке с неменьшим под'емом присоединились рабочие *Либавы*, *Митавы* и *Виндавы*. Если мы примем во внимание относительно ничтожное количество фабрик и рабочих в этих городах, вялый и угнетающе-медленный темп провинциальной жизни вообще, то станет ясно, как велик должен был быть революционный под'ем, чтобы красному знамени несколько дней подряд властвовать над этими городами!

Уверенность в своих силах до такой степени выросла и окрепла в эти дни, что ее не в состоянии были поколебать приносимые в пользу движения жертвы (13 января на рижском железном мосту было убито солдатскими залпами из винтовок около 50 чел., раненых насчитывалось свыше 100, латышская соц.-дем. партия потеряла в этот день 31 товарища, в том числе многих передовых отважных борцов). Наоборот, безумная выходка солдат, повернувших оружие против мирных демонстрантов, раздувала пламя классовой ненависти до крайних пределов. Над могилами павших принесена была присяга продолжать борьбу до полной победы над врагами рабочих, и смерть убитых на гла-

*) *Андрев Недра*, «В тяжелый час», Венден, 1905 г

зах товарищей осенила дальнейший путь борьбы суровой и непреклонной святостью. Сотни и тысячи восполнили ряды соц.-дем. партии. Жребий для них предопределен — победить, или умереть в борьбе за освобождение народа.

21 января была объявлена ликвидация всеобщей политической забастовки с целью облегчить рабочим немедленный переход к частичным забастовкам экономического характера. Еще в воззвании к всеобщей забастовке были выдвинуты экономические требования вроде восьмичасового рабочего дня, минимальной заработной платы (1 р. в день), отмены сверхурочных и сдельных работ. Российским пролетариатом были только что открыто выставлены его политические требования, им только что была выстрадана победа над самодержавием, и он не замедлил представить счет капиталу. Во всей России как в промышленных центрах, так и в провинции и на дальней периферии пролетариат вступил в борьбу за свои экономические требования, и всюду его борьба увенчалась успехом, всюду он добился сокращения рабочего дня (в отдельных случаях даже до 8-ми час.), увеличения заработной платы и улучшения условий быта.

Если январская всеобщая забастовка сразу подняла рабочие массы вверх на несколько ступеней политической лестницы, то в экономическом отношении такой же прогресс был достигнут февральскими и мартовскими экономическими забастовками. Пролетариат осознал не только бесправное свое положение (в смысле политическом), но, в первую голову, беспримерную тяжесть своего экономического положения. Неослабной

борьбой пытался он разорвать цепи капитализма. Волна экономической борьбы, охватившая всю Россию, особенной высоты и силы достигла в Прибалтике: в феврале в Риге бастовало около 50 фабрик с 30.000 рабочих, в Митаве в это самое время забастовка рабочих фабрики Крамер вылилась в общегородскую забастовку. Подобные же забастовки протекали в Либаве и Виндаве. При этом необходимо отметить тот факт, что бастовали и такие фабрики, которые до тех пор считались неприступными для социал-демократической агитации (фабрики «Кузнецова» и «Проводника» в Риге), и что на путь экономической борьбы выступили рабочие таких отраслей труда, где до сих пор царствовала полная спячка и отсутствовало всякое классовое самосознание. Забастовали рабочие всех профессий — портные и сапожники, наборщики и переплетчики, каменщики и плотники, портовые рабочие и кузнецы, мясники, дубильщики, рабочие-плотовики и приказчики, ювелиры и ассенизаторы. И всюду после более или менее продолжительной борьбы рабочие добились тех или других облегчений. В общем и целом, по всей Риге было достигнуто сокращение рабочего дня на 1 час с повышением заработной платы на 10 проц. («Циня» № 11, 1905 г.). Это было только начало, так как рабочие нигде не удовлетворились достигнутыми результатами и готовились к дальнейшей борьбе.

В какой мере овладела движением социалистическая организация, с какой неослабной энергией проводилась всюду социал-демократическая пропаганда — свидетельствует количество распространенных в то время прокламаций: в 1905 г. в течение первых трех меся-

цев Рижский комитет выпустил 75.000 воззваний, изготовленных на гектографе, а количество воззваний Рижского комитета вместе с воззваниями, выпущенными Центральным Комитетом, составляло ни больше ни меньше, как 250.000 экземпляров.

Само собой разумеется, революционное движение в городах должно было всколыхнуть и *деревню*. Лучи восходящего революционного солнца прорезали своим светом и сумрачные стекла хижин деревенских батраков.

Раскаты всеобщей январьской забастовки достигли самых отдаленных и глухих уголков края. Даже самых забитых до бесчувствия рабов осенило сознание, что в России началась великая борьба против всех тиранов и упнетателей!

Высоко над рабской латышской Двиной
Взвивается знамя, вещая бой...

— говорится в одном из стихотворений того времени, ибо позорное пятно векового рабства и бессловесного повиновения было смыто кровью павших. Началось колебание почвы и под незыблемым якобы фундаментом помещичьих дворцов. В начале марта об'являют забастовку батраки имений Виндавского, Гробинского и Газенпотского уездов.

«3 марта под руководством Либавского комитета состоялось собрание на Лигуттенском кладбище. Присутствовало 150 батраков. На могиле барона Борделиуса было водружено красное знамя. Произнесенная речь звучала отходной помещичьему сословию».

«20 марта состоялось организованное собрание у Цирауской церкви, на котором присутствовало 300 человек».

«Самое значительное по числу участников собрание, — свыше 1.000 чел., — произошло в Дондангене (6 марта) под руководством Виндавского комитета. Состоялось шествие с красным знаменем. Проходя мимо дворца, демонстранты бросили клич: «долгой помещиков!» — и лес дубин зловеще ошетинился против баронского замка».

Таковы сообщения «Циня» в № 11.

Считаем необходимым отметить те экономические требования, которые выставлялись в это время рабочими деревни (батраками). Приводим соответствующее место из воззвания Центрального Комитета (отпечат. в 40.000 экз.):

«Мы требуем: 1) Жалованье женатого батрака на собственном содержании должно составлять не менее 300 руб. в год, которые выплачиваются не натурой, а деньгами. В тех случаях, где уже состоялось соглашение между рабочими и работодателем о выплате натурой, стоимость продуктов в переводе на деньги должна быть ни в коем случае не ниже 300 руб. Впредь наем при условии выплаты натурой категорически отвергается. 2) Бесплатные рабочие дни замужних батрачек подлежат отмене. В случае найма на поденную работу, — труд их оплачивается не менее 70 коп. в день. Если батрачке кем-либо предоставляется работа на более выгодных условиях, чем по месту службы мужа, никто не вправе заставлять ее работать за плату ниже той, которую она может получить. Если жена батрака на-

нимается на год, плата за ее труд исчисляется в 225 р.

3) Холостым батракам и незамужним батрачкам их жалованье увеличивается на 20 проц., т.-е. дается прибавка в 20 коп. на каждый рубль. Наименьшая поденная плата устанавливается: мужчине — 1 руб., женщине — 70 коп. 4) Батракам, нанимаемым на год, жалованье выплачивается в конце каждого месяца. 5) Женатому батраку предоставляется отдельная комната с кухней. Холостому — отдельная комната. Комната должна быть достаточно просторная с деревянным полом, светлыми окнами и печкой. 6) Рабочее время (исключая обеденное) с Юрьева дня (23 апреля) до Михаила (8 ноября) устанавливается 10 час., в остальное время года — 8 час. в день. Время от еды до еды не должно превышать четырех часов, причем на завтрак предоставляется 1 час., на обед — $2\frac{1}{2}$ и на полдник — $\frac{1}{2}$ ч. 7) Сверхурочная работа допускается только с согласия большинства рабочих. Каждый сверхурочный час работы исчисляется: для мужчин — 15 коп., женщин — 10 коп. 8) Отмене подлежат все сдельные работы, как-то: урочная запашка и уборка, работы партиями и т. д. 9) Все воскресные дни должны быть безусловно свободны. Неотложные работы можно возлагать только с согласия батрака и притом не свыше двух воскресений в месяц с уплатой в день — 1 руб. 50 коп. 10) Орудия труда, все ремесленные инструменты, земледельческие орудия и упряжь предоставляются работодателем. 11) Всякие штрафы подлежат отмене. 12) В случае болезни врачебная помощь и лекарства предоставляются за счет работодателя, и жалованье за время болезни выплачивается в полном размере. 13) Родильницы под-

лежат освобождению от труда на 6 недель до и 6 недель после родов с выплатой полного жалованья. 14) В пастухи нанимаются подростки не моложе 16 лет, жалованье им не ниже 50 коп. в день. 15) С рабочими надлежит обращаться вежливо, не допускается обращение на «ты» и вмешательство в семейную жизнь. 16) В тех случаях, когда батраку предоставлена земля, он работает на себя 4 дня, а в экономии два дня в неделю. Впредь подобного рода барщина подлежит полной отмене, а жалованье выплачивается в деньгах. 17) Если батрак работает на собственных харчах, он имеет право или содержать за счет хозяйского корма двух коров, или получать от хозяина 1.500 штофов молока в год. 18) Для отопления батрак получает 2 куб. саж. дров или $1\frac{1}{2}$ куб. саж. дров и 2 куб. саж. хворосту в год. 19) В экономиях, где замужние батрачки привлекаются к работе, устраиваются за счет экономии детские сады, которыми заведует учительница, избираемая рабочими. 20) Для пользования рабочими должны быть устроены уборные и сооружены колодцы для питьевой воды. 21) Для разведения картофеля выделяется $\frac{1}{2}$, — а для корнеплодов — четверть пурного места огородной земли экономии *).

Необходимо добавить, что вышеприведенные требования должны были войти в силу со следующего рабочего года. Выдвигаемые рабочими в мартовскую забастовку требования были весьма и весьма умеренными: в большинстве своем батраки имений Гробинского и Газенпотского уездов настаивали на том, чтобы их со-

*) Пурное место — $\frac{1}{3}$ десятины. *Переводчик.*

держание с Юрьева дня (23 апреля) до конца года увеличили лишь на 10 руб. плюс 2 чтк. ржи и 2 чтк. ячменя.

Что могли предпринять *балтийские юнкера*? До сих пор они еще были сонны и ленивы, «как пресытившие свое брюхо крокодилы», хотя рабочее движение и возбудило в них некоторую тревогу, но так как оно ограничивалось лишь городами и их интересов непосредственно не затрагивало, бароны успокоились на том, что в деревне «социализм» не привьется, не найдет благодатной почвы. Следует только выловить всех «агитаторов». И вот, еще до революции, некий фон-Эрцдорф Купфер в Тальсенском уезде и фон-Фогт в Фридрихштадтском, как ищейки-собаки, рыщут в поисках «запрещенной литературы». Однако, в общей своей массе юнкера продолжали спокойно чтение своей «*Düna-Zeitung*»; крестьяне аккуратно уплачивали свои подати; батраки попрежнему безропотно несли за нищенское вознаграждение трудовое ярмо. Везде царили та же покорность и раболепие, как и в старое доброе время крепостничества. И вдруг, неожиданно, все перевернулось вверх ногами: батраки—глупые «ослы» и «пострелы»—объявили помещикам забастовку! Это было ударом грома с безоблачного неба. Помещикам мерещилось, что вот-вот под напором бунтарей с треском падут засовы с их обитых железом и изукрашенных родовыми гербами дворцовых дверей. Первое, что сорвалось с окоченелых губ юнкеров, было — «войска»! И имения Куляндской губернии вскоре переполнились *солдатами*, словно в ожидании внезапного японского наступления. Но этого было мало; как только в начале марта

батраки отдельных экономий выставили свои требования, уполномоченный юнкерством барон фон-Мейендорф незамедлительно явился в Царское Село, и 15 марта Курляндская и Лифляндская губернии были об'явлены на *положении усиленной охраны* *).

Здесь мы воочию убеждаемся в той силе и влиянии, которыми располагали юнкера: в январе проходит всеобщая забастовка в городах Прибалтики, имеют место стычки с полицией и казаками, отмечаются первые признаки брожения и недовольства в местных гарнизонах, однако, это не обращает на себя внимания петербургского правительства; но стоит только батракам Дондангенской и Кацдангенской экономий пред'явить требования относительно прибавки к содержанию 10 целковых, 2 чтк. ржи и 2 чтк. ячменя, как немедленно пересылаются поезда солдат и в два часа выпекается

*) Балтийские юнкера до сих пор не в состоянии произносить равнодушно имя упрямого Лифляндского губернатора Пашкова, который не только отказал им в высылке солдат, но даже позволил себе посочетовать, чтобы они „улучшили“ положение своих батраков, тогда-де отпадет всякая надобность воздействия военной силой. Непослушный губернатор был вскоре отрешен за это от должности и на его место назначен юнкерский сподручный и лакей Звегинцев. Юнкерами отмечен и другой „злодей“, достойный имени Пашкова—некто крестьянских дел комиссар Гредингер в Дерптском уезде, который выступил в защиту забастовщиков, утверждая, что требования батраков подлежат удовлетворению. Какой ужас! Неужели и при таком положении вещей возможно дальнейшее существование Российского государства!—вопяли в глубоком возмущении юнкера. См. „Lettische Revolution“, II. стр. 171—173.

«Высочайший приказ» относительно усиленной охраны...

И вот юнкера пробуют сломать сплоченность батраков. Так, в экономию Донданген, — во имя водворения порядка и спокойствия, — переводится 120 пехотинцев и драгун. В Цирау баронский лесничий со своими собаками и 75 солдатами занимается ловлей «агитаторов»; в Газенпотскую уездную тюрьму заключаются 35 батраков-забастовщиков по распоряжению барона. И то, что не успели драгуны со своими нагайками, довершают *мировые судьи* с «орлами правосудия». Сам господин мировой судья в ответ на любезное приглашение юнкеров является в имения и чинит суд — «скорый, правый и милостивый». На основании судебного постановления выставляются 26 марта из своих квартир под открытое небо со всем домашним скарбом 33 виргаленских и 19 раденских батраков; 28 марта — батраки «Мельдзернского» имения; 29 марта — обер-бартауские батраки; 8 апреля — 21 батрак им. «Прекульн» подвергается аресту сроком от 1 недели до 2 мес. за «подстрекательство к забастовке»; 9 апреля выставляются из квартир 14 батраков имения Дубеналкен и 3 батрака им. Маз-Тальсен и т. д. С какой американской быстротой, без малейшей проволочки работают сейчас судебные власти, тогда как во время тяжб батрака с господином проходили года..

Баронские действия в этот период носили такой зверский и беззастенчиво-подлый характер, что даже некоторым из них самих, наиболее гуманным, сделалось тошно. Так, например, один комиссар Лифляндской губернии, барон Клейст, выступил в немецкой газе-

те с полемикой против барона Моллера, подчеркивая, что требования батраков были пред'явлены в весьма и в весьма «умеренной и скромной» форме. Но тогда неумолчно начали раздаваться из каждой строки «Düna-Zeitung» пискливые голоса, что — боже сохрани от поблажек, от уступок «грубой, невежественной толпе». Ей и вида подавать не следует, что вообще возможны какие-либо уступки. «На худой конец, во время забастовок, лучше становиться самим на работу, чтобы окончательно не потерять авторитета власти над людьми, которые *«призваны не властвовать, а работать»* («Düna-Zeitung» № 81, 1905 г.).

Но легко было сказать — «работать самим». На что будет похоже, если сам барон возьмется за вилы и начнет вывозить на поле навоз? Или госпожа с фрейлинами начнут доить коров и наливать пойло поросятам. Каждому ясно, что опуститься до такого «позора» балтийскому аристократу невозможно, поэтому со стиснутыми зубами отдельные бароны шли на уступки и делали прибавку к содержанию батрака в размере каких-нибудь 5 целковых или пары четвериков зерна. (Если взглянуть в списки расстрелянных батраков имений Гробино-Газенпотского уезда, то можно убедиться воочию, скольких жизней стоили эти 2 чтк. зерна).

Пред'явление батраками своих требований и попытка их осуществления противоречили всем основоположениям существующего порядка. «К жизни вызваны все грубые, материальные инстинкты», предоставлена возможность к осуществлению «воровского посягательства народа на чужое добро», — вопияли привилегированные дармоеды, которые в своей ненасытной жадно-

сти обдирали крестьянина до последней нитки. Баронов выводили из себя не столько те нищенские прибавки, которые они вынуждены были делать в пользу экономического улучшения условий быта рабочих, сколько переменившаяся в период борьбы психика крестьянина (батрака). Он стал совершенно иным, в нем исчезла привитая веками рабская преданность. Из забитого, порабощенного, покорного, он обратился в дерзкого, смелого, полного самосознания человека. «Заметна была даже перемена выражения его лица и взгляда, когда он являлся к своему господину» *).

«Man grüßt mich nicht mehr» (они перестали кланяться), — неистово возмущался на столбцах «Düna-Zeitung» один бешено-озлобленный синий юнкер и требовал предания этих ужасных преступников ни больше ни меньше как — *полевому суду!* Другой опубликовал об'явление о специально созданном «фонде шпиков», при помощи которого ставилось целью открыть социалистическую типографию. И не одному молодцу из лагеря Вейнберга приходилось утирать слюнки физиологического раздражения, производимого обещанными юнкерством деньгами, но только никому из них не удалось этих денег заработать. (Правда, однажды, в Дондангенских лесах был найден «инструмент своеобразной конструкции», и юнкерская пресса уже подняла ликование по поводу открытия типографии «Ци-

*) Ср. «Die Revolution in den Ostseeprovinzen von 1905—1906», Рига 1906, стр. 11. (Брошюрка издана анонимно, но, судя по содержанию и слогу, написана она немецким священником).

ня», однако, через два дня, после тщательного ознакомления с «инструментом», пришлось с горечью признаться, что найденное не что иное, как пресс для воска *)). Ничего ровным счетом не добились в этот момент наши «благородные политики», которые, в ослеплении отвергая всякие уступки, мчались навстречу своей неминуемой гибели! Единственная политическая мудрость, которую они все снова и снова подогревали во всех № № «Düna-Zeitung» гласила: «введение военных судов, размещение солдат в беспокойных волостях за счет волости и ловкое и умелое использование в нужных случаях оружия» (Verhaftungen und Aburteilung nach Kriegsrecht, Stationierung von mehr Militär in den unruhigen Gemeinden und zwar für Rechnung derselben, sowie schneidiges Einschreiten der bewaffneten Macht).

Но наперекор юнкерским угрозам и насилию движение в деревне шло вширь и вглубь. Вслед за мартовскими забастовками начались демонстрации в церквах, и кадры батраков и рабочих увеличились за счет *мелких собственников* (владельцев карликовых хозяйств), присоединившихся к батракам в борьбе против помещиков. (Латышская социал-демократия не сходила с классовых позиций пролетарской борьбы. Все время она базировалась только на силах своего класса и никогда не искала поддержки у других классов, классов непролетарских. Она не заключала также компромиссов с теми или другими буржуазными и мелко-буржуазными элементами, искореняла в пролетарской среде

*) «Циня», № 21—1905 г.

косность, предрассудки и шаткие мелко-буржуазные тенденции. Так, например, в аграрном вопросе она не допускала ни под каким видом «дробления земли», а везде и всюду подчеркивала конечную цель пролетарской борьбы — социализм. Это явствует из всех прокламаций, касающихся аграрного вопроса). Точно такую же позицию занимала латышская социал-демократия в аграрном вопросе во всей Прибалтике в целом: она не отказывала в своей помощи малоземельным крестьянам, поскольку последние занимали определенную позицию в борьбе против самодержавно-помещичьего строя; она призывала их на борьбу за общие демократические принципы, но в то же время твердо и определенно отвергала те мелко-буржуазные стремления, которые могли оказаться вредными классовым интересам пролетариата или затормозить его историческое развитие. В силу этих соображений латышская соц.-дем. отказалась от выработки особой аграрной программы, ибо она могла признать только программу своей партии и выставленные в ней экономические и политические требования. Такова была линия нашего поведения еще в 1903 г., как это видно из проекта нашей партийной программы, выработанного в июле 1903 г.:

«Для того, чтобы изжить последние остатки крепостничества, которые давят крестьян тяжелым бременем и чтобы расчистить путь свободному развитию, равно и свободному развитию классовой борьбы, латышская социал-демократическая партия требует отмены всяких повинностей, податей, которые взвалены на одних только крестьян; требует отмены всех привилегий, которыми пользуются помещичье, духовное и

мелко-буржуазное сословия, и возложения высших податей на крупнейших собственников.

Латышская соц.-дем. рабочая партия борется со всякого рода эксплуатацией и притеснением, но куда ограничивает сферу своей деятельности прямой защитой интересов пролетариата; она поэтому не выставляет требований, которые приходится на пользу только мелким собственникам, как таковым. Латышская соц.-дем. рабочая партия высказывается против включения в свою программу требований, которые содействуют осуществлению интересов только мелко-буржуазного (мелко-собственнического) класса и укрепляют их собственнический уклад за счет интересов общества в целом, в том числе за счет рабочего класса *).

И когда, с началом революционного движения пролетариат увлек в борьбе за собой и побудил к активному выявлению своих интересов другие притесненные общественные группы, то в этом случае латышская соц.-дем. ни на йоту не отошла от своей программы и основ намеченной заранее тактики. Из воззваний Центрального Комитета, выпущенных в феврале и марте, а именно: «Ко всем латышским крестьянам», «Да здравствует народное самоуправление», «Крестьяне» — видно приспособление общих демократических требований нашей программы к местным требованиям в прибалтийских условиях. (Стало быть, созыв в первую голову учредительного собрания на всеобщих, равных, прямых и тайных основах голосования, установление демократического самоуправления, отмена сословий и

*) «Социал-Демократ» № 17—1903 г.

каких бы то ни было привилегий, уменьшение высокой земельной ренты (арендной платы—*Перев.*) и вдобавок к тому: «для того, чтобы иметь возможность защиты и раз'яснения своих интересов, мы требуем: неприкосновенности жилища и личности, свободу совести, слова, прессы, собраний, стачек и союзов»).

Эти прокламации не упускали случая напомнить лишний раз крестьянам, что «наших врагов двое — старое русское правительство и немецкое баронство, из теснины немецкого рабства мы попали в рабство русское и зачастую тянем одновременно двойное ярмо: немецкого помещика и русского чиновника» *). Из этой трясины рабства ведет один только путь — *революция*. «Раболепие категорически должно быть отвергнуто теми, чья будущность предполагает максимум свободы и зависит от завоевания лучших условий существования. Не рабской покорностью добились фабричные рабочие теперешнего своего положения, а борьбой и восстанием... Мятеж и принесенная в жертву кровь породили реформы». И далее — из другого воззвания: «Заставить самодержавие и баронство почувствовать, что мускулистая рука крестьянина так же сильна, как рука фабричного рабочего. Поднимем и мы гордо и смело знамя при раскатах боевых лозунгов».

Латышские крестьяне, которые до сих пор умели

*) Большинство изданий и воззваний латышской соц.дем. рабочей партии, выпущенных в 1904—1905 г. г. тщательно подобрано и сохранено в библиотеке Интернационального социалистического секретариата в Брюсселе За период реакции (1906—1908 г. г.) материалы крайне недостаточны или отсутствуют вовсе.

лишь коленопреклоненно молить о пощаде, выпрямили свои спины. Сначала они пытались использовать для формулировки и выставления своих требований *легальные* средства. В «Высочайшем указе» от 18 февраля говорилось, что «для выработки и обсуждения законопроектов предположено привлечь выборных, облеченных доверием народа, виднейших лиц»; кроме того, правительство приглашало учреждения и частных лиц немедленно внести в Совет министров предложения относительно улучшений в государственной жизни *). Эта легализованная возможность разъяснения и пропаганды народной массе *демократических принципов* в России не была использована так широко, как в прибалтийских губерниях.

Но на этот раз латышские крестьяне для передачи своих жалоб и требований обращались не к отечественным адвокатам, а, начав свое дело без криков «ура» и царских гимнов, искали помощи у латышской соц.-де-

*) О том переполохе, какой царил в это время в бюрократических кругах, свидетельствует то, что за несколько часов до издания „Высочайшего указа“ того же 18 февраля был издан „Высочайший манифест“. В этом манифесте царь Николай творит крестное знамение и призывает православных верноподданных на помощь „побороть внешнего врага и подавить восстание внутри государства“; там же Николай прокламирует, что „молитвами святой православной церкви“ самодержавие обретет еще большую силу и прочность и в тоже самое время подписывает указ с призывом к народным представителям реорганизовать это, упроченное молитвами, самодержавие. Оказывается, правительственный курс, подобно флюгеру, в наикратчайший срок сделал полный оборот...

мократии. Первыми из крестьян примкнули к движению фабричных рабочих, шедших под знаменем соц.-дем., мелкие арендаторы земли в окрестностях г. Риги (Берингсгоф, Шампетер, Солитюд, Анненгоф и др.), которые в конце февраля устраивают свои собрания с большим числом участников (1.500—2.000 чел.) и под руководством соц.-дем. вырабатывают свои требования. То же отношение к соц.-дем. наблюдается и в тех местах на окраине Латвии, где крестьяне идут по пути организованного действия. Упомянем здесь хотя бы общеизвестную «петицию латышских крестьян», служившую в той или иной степени образцом всех «петиций» и составленную отдельными социал-демократами *). Об этом свидетельствует созвучное ее содержание прокламациям, выпущенным в то время Центральным Комитетом партии; в них только яснее очерчивались вопросы аграрной программы:

«1) Приравнять крестьян к остальным сословиям, как полноправных граждан; 2) законодательным путем принудить помещиков продать еще непроданную крестьянскую землю по установленной цене и изыскать для крестьян кредиты; 3) обратить церковные и казенные поместья в общественную собственность... 5) от-

*) Петиции эти должны были служить орудием революционной пропаганды и составлялись именно с этой целью. Они служили средством для ясной формулировки и обсуждения широкими массами демократических требований и давали импульс массам к борьбе за осуществление этих требований. Само собой ясно, что соц. дем. были против внесения этих петиций в Совет министров, как это видно из резолюций второго конгресса партии.

менить привилегии помещиков, равно и их право на охоту и рыбную ловлю на крестьянской земле; точно также отменить трудовую повинность крестьян по части постройки мостов и содержания в исправности грунтовых дорог, обратив мосты, дороги и речные плоты (паромы) в общественную собственность; 6) урегулировать сервитутное право (право пользования общицы покосами, выгонами и т. д.); 7) соразмерить трудовые повинности владельцев с площадью их земельной собственности, причем допускать для желающих откуп от повинностей деньгами; 8) предоставить крестьянам право постройки и управления разными промышленными предприятиями».

Составление и обсуждение этих «петиций» проходило так же «законно», как собрания помещичьих ландтагов с их постановлениями и засвидетельствованными подписями помещиков грамотами. Выполнялся указ правительства и — только. Но горе и закону, и распоряжениям власти, и их исполнителям, если закон этот неприемлем для балтийских юнкеров. В казачьей нагайке воплощены и помещичий закон, и их правосознание! Когда 6 марта собрались на сходку в лесу 2.000 невооруженных малоземельных крестьян Беринггофа обсудить свои нужды, по требованию владельца имения барона фон-Гакена на собравшихся накинудись 30—35 казаков и свыше 25 полицейских. Участники сходки бросились в бегство. Казаки во весь опор догоняли их, зверски рубили людей шашками и избивали нагайками. В результате избиения 8 человек были доставлены в больницу, из них одному полицейский пристав ударом сапога вышиб глаз («Циня, № 11, 1905 г.).

Можно было бросить обвинение, что собрание не было легализировано законным на то разрешением, но буквально то же самое происходило на собраниях, заранее заявленных уездной полиции. Так, например, 3 июня на основании постановления гласных Дзелзауской (Джукстенской) волости собрались местные крестьяне с целью обсуждения крестьянской петиции и закрытия местной корчмы и казенной винной лавки. Народу собралось около 500 человек. Обсудили текст петиции и начали под ним расписываться, как вдруг налетели казаки, заранее «вдохновленные» водкой и пивом, которые выставили им пастор Аунинг и владелец местной экономии Задовский. В результате расправы один тяжело и много более легко раненых. («Циня», № 16, 1905 г.) *).

Но этого было мало. Газета «Düna-Zeitung» неистово кричала о том, чтобы строжайше запретить волостным властям проводить в исполнение правительственный указ от 18 февраля, ибо вместе с проведением его подвергается риску и угрозе со стороны грубой силы жизнь и имущество зажиточных людей! И всей латышской прессе необходимо *вменить в обязанность* защиту интересов помещиков, исходя из того положе-

*) Дополним эту корреспонденцию сообщением газеты «Денас Лапа»: «Здание волостного правления окружили помощник уездного начальника Григорьев с ватагой казаков и ни в чем не повинных людей с таким зверством избивали нагайками и шашками, что многие лишились сознания и остались на полу в лужах крови; одному разбит позвоночник. Четырех подвергли аресту и, привязав к лошади, увели с собой» («Д. Л.» № 255, 1905 г.).

ния, что «революционное движение» противозаконно и является орудием, направленным против государства. Да, «национальному и сословному антагонизму не должно быть места, когда дело касается вопроса жизни, имущества, порядка, прав и закона» *) помещиков (! Я.—Бр.).

Здесь уместно будет отметить, что тогда же, в апреле месяце, была сделана тайная попытка найти пути возможного соглашения и «взаимного понимания» между балтийскими (немецкими) консерваторами и латышскими умеренными национал-либералами. Бароны в своих экономах даже не разговаривали с батраками и крестьянами и выгоняли их оттуда, угрожая казацкой нагайкой; волостные дома, где происходили крестьянские сходки, подвергались нападениям; тем не менее в зале баронских собраний в Риге их представители тайком пытались найти пути «взаимопонимания» с т. н. латышскими «общественными деятелями» и привлечь их на свою сторону *).

*) «Düna-Zeitung» 23 марта 1905 г.

***) Со стороны балтийцев (баронов) на эту сделку были виднейшие их литературные заправилы: ландрат фон-Страндман, Тобиен, Серафим, Ставенгагены (двое), Шнеман, пастор Берневиц и др., из латышей упомянем: Альберта, Чаксте, Стерсте, Вебера, Яна Вейсмана (от газеты «Латвешу Авизес»), Вилиса Плуте, Кресткална, агронома Бисенека, пробста Ирбе. Участвовал в этой конференции также общеизвестный латышский демократ А. Бергс. Он между прочим, очень негодовал на Серафима, который предательски выдал его участие на конференции, — ведь состоялось же обоюдное согласие сторон, что «об этих событиях будет храниться» гробовое молчание». См. газ. «Дзимтенес Вестнесис» № 17, 1911 г.

Если чистокровные бароны в провинции и синие юнкера по своей близорукости не допускали и мысли о предстоящих исторических событиях и возможных переменах, то их политические вожаки были достаточно хорошо информированы из Петрограда о том, что царское самодержавие в борьбе с революцией вряд ли удержит свою неограниченную власть и будет вынуждено обещать или даже обнародовать в той или иной форме «конституцию». А если пошатнутся незыблемые устои абсолютизма в России, то какая же участь ожидает неограниченную власть помещиков в Прибалтике? Не наступит ли полоса новых «реформ» и не будут ли отменены многие важнейшие привилегии помещиков? Вот почему дальновиднейшие политики «балтийцев» стремились заблаговременно при помощи латышской буржуазии закрепить за собою отдельные позиции. Эту мысль высказывает также редактор газеты «Düna Zeitung», небезызвестный Серафим, при открытии упомянутой выше братской конференции: «Если придет время и отойдет в область предания система гнета русификации и откроется перспектива *своими силами* устроить жизнь балтийцев, так что все в состоянии будут жить мирной, дружной семьей, — неужели в таком случае не надлежало бы эти вопросы поднимать на обсуждение в прессе и, подвергнув их деловому освещению, погасить, таким образом, лишнее пламя тревожений» *).

*) Ernst Seraphim. «Aus der Arbeit eines baltischen Journalisten», стр. 180 — 181, Рига 1911 г.

Однако на этот раз из «взаимопонимания» ничего не вышло. Во-первых, за этими, так называемыми, «латышскими общественными деятелями» не было никакой реальной общественной силы, они не пользовались ровно никаким влиянием на ту или другую общественную группировку, и эти Альберты, Чаксты и Плуты никого, кроме самих себя и своих семей, на этом собрании не представляли. Кроме того, у выше-названных немецких и латышских «ангелов-хранителей» не было внутреннего согласия ни в одном из подлежащих разрешению вопросов: представители «балтийцев» ни в чем не желали поступиться перед противной стороной, не хотели уступить ни вершка своей власти латышским конкурентам (даже не пожелали право патроната «уступить» к великому неудовольствию присутствовавшего на собрании пробста Ирбе); в вопросе самоуправления «балтийцы», понятно, отстаивали свой ландрат, который подлежит «развитию», с допущением в него крупных хозяев (землевладельцев) из крестьян, отвергая всякое участие в нем крестьян безземельных; когда отдельные латыши заикнулись о необходимости ограничения помещичьих привилегий, их резко оборвали замечанием, что это равносильно «экспроприации» и означает начало «социализма и коммунизма»! Ничего не оставалось делать, как разойтись по домам — сделка на «взаимопонимание» не состоялась. Однако, балтийцы не могли пожаловаться на неблагодарность латышей. В трудную минуту не замедлили притти к ним на помощь наши «национальные вожаки», не потребовав никаких формальных обязательств и компромиссов. Здесь чельзя обойти молча-

нием имени Фр. Вейнберга *), который уже в то время так же усердно и преданно, как сейчас, выполнял обязанности полицейской ищейки (четвероногие полицейские собаки стали применяться только после введения «конституции»): по полицейскому свистку он кидался в любую помойную яму, разворачивал содержимое всех выгребных ящиков, вынюхивал всякую клоаку и беззастенчивым враньем в своей «Ригас Авизе» доставлял первосортный материал юнкерской прессе, который попадал оттуда в официальный бюллетень полицейского департамента. Латышский поэт и писатель Андрей Недра, которому благодарный латышский народ года два тому назад собрал деньги на покупку усадьбы, не выпускал из рук пера и фабриковал одну за другой слезливо-похабные антисоциалистические брошюры, которые на вес скупались баронами и пасторами для распространения при помощи нагаек по всей Прибалтике. В то время, как Вейнберг лаял охрипшим от напряжения голосом, Недра взвизгивал и скулил, и оба они и днем, и ночью сидели в подворотне самодержавия и помещиков. И преклонный «идеалист» и «народный герой» Александр Вебер, будучи не в состоянии побороть латышских крестьян силою своего пера, приходил на помощь помещикам дубьем, организовывая в Ремерсгофе кадры вооруженной «самоохраны» (Selbstschutz) из числа темных и реакционных крестьян. Также мужи и заправилы «Рижского латышского о-ва» с Фр. Гросвальдом во главе не замедлили стать на сторону баронства и правительства. Эти реакцион-

1) Редактор газ. „Ригас Авизе“ (Рижская газета). — Переводчик.

ные обыватели из среды черной буржуазии не постеснялись заготовить для совета министров петицию от имени «латышского народа», с уверением, что латышский народ политически далеко еще не «созрел» и поэтому ему нельзя предоставлять права всеобщих выборов. Этим тупоумных латышских Хлестаковых ужасала мысль, — не увлеклось бы царское правительство своими «демократическими реформами», — и в буфете «мамаш» (кличка Рижского латышского о-ва. — *Переводчик*) появлялись всевозможные советчики господам Булыгину и Трепову. Народные старосты попытались было основать и свою «консервативную партию», но не в состоянии были собрать под знамя подобной партии и двух десятков мужей.

Дело обернулось и на этот раз так же печально, как и в 1904. г., когда Вейнберг рука об руку с созданными национальным иезуитом Трейландом председателями рижских о-в вынес на обсуждение пресловутый проект организовать свою собственную национально-мещанскую (бюргерскую) охранку для выслеживания и ловли социалистов *).

*) Ближе с этим вопросом знакомит «Социал-Демократ» в помещенной в № 24 статье «О том как латышские буржуи (бюргеры *Пер.*) решили спасать отечество» В 1904 г. наши реакционные соотечественники-богатеи ни за какие деньги не в состоянии были разыскать и привлечь на свою службу такого «специалиста», который был бы в состоянии «опровергнуть социализм». Внастоящее же время им в этом отношении печалиться не приходится, ибо кроме Вилисов Плуте у них состоят на службе М. Вальтер и Я. Янкау, которые охотно «истребляют» социализм. Латышская буржуазия уже не чувствует недостатка в литературно-политических наймигах и сатрапах.

Революционная буря разрядила застоявшуюся политическую атмосферу и у нас везде и всюду дышалось свободнее и вольнее. Даже в инертных *мелко-буржуазных* кругах начали критически относиться к своим вожакам, которым десятилетия курили фимиам и пели «многая лета»: их лицемерие и пошлость были раскрыты. Все то, что они выдавали за высшую политическую мудрость, было отмечено историей. Рижские *мелко-буржуазные* элементы отвернулись от своих Вейнбергов и Гросвальдов и начали обучаться исторической азбуке у социал-демократов. Отметим только тот факт, что летом 1905 г. 24 демократических о-ва создали «союз», который оказывал в отдельных случаях явную поддержку рабочему движению (так, напр., он осуществил представление в Рижскую городскую думу протеста против содержания казаков, такого же протеста по случаю неудовлетворения требований забастовавших трамвайных служащих и т. д.). Постепенно выходила из-под опеки «мамаша» и так называемая латышская «интеллигенция», которая, по примеру русских писателей, адвокатов, врачей, инженеров и др., делала попытку приобщения к обще-демократическим требованиям. Так, при участии соц.-дем. была выработана известная «петиция латышской интеллигенции». Но здесь необходимо отметить, что на петиции первым делом спешили расписаться всякого пошиба поэты и писатели, чтобы два года спустя с таким же жаром хвататься за фалды сюртука редактора «Ригас Авизе».

Латышская интеллигенция крайне неустойчива: она может воспламениться в один момент, как воспламеняется солома, чтобы вслед затем предаться ленивому

покою, преть и разлагаться, подобно навозу на сыром месте. Латышская интеллигенция в подавляющей своей части героична на час и труслива на всю остальную часть своей жизни. Однако, из общей массы латышской интеллигенции необходимо выделить латышского *народного учителя*, идеализм которого и серьезное отношение к своей работе заслуживают особого внимания (речь идет, конечно, о сознательной, прогрессивной части учительства, а не о тех, кто распинается перед духовенством и правительственными инспекторами). Без преувеличения можно сказать, что такой демократической интеллигенции, таких народных учителей, как те, которые были впоследствии скошены контр-революцией, не знает ни одна из демократических европейских стран (так, напр., популярные финляндские учителя ни в коем случае не могут сравниться с работниками нашей народной школы в период революции). Многие из учителей были и до революции активными членами нашей организации, и с началом великой народной борьбы к нам перешли все, которые не в силах были выносить агрессивной школьной политики, проводимой правительством, и которым было близко дело народного просвещения. В 1905 г. происходит *первая учительская конференция*, на которой участвуют 125 чел. (в том числе несколько учителей русской и еврейской национальностей). Так как на долю латышского учителя выпадает серьезная роль в народном революционном движении, то ради характеристики приведем пару резолюций, принятых на первой учительской конференции:

«Ввиду того, что нормальное существование народ-

ной школы возможно лишь в государстве с демократически-республиканским строем, мы находим невозможным удовлетворяться одной только профессиональной борьбой и признаем необходимость борьбы революционно-политической. — Принимая во внимание, что, во-первых, победа демократического принципа во всех культурных странах достигнута лишь благодаря рабочему движению, что, во-вторых, политическая мощь рабочих обуславливалась развивающимся социал-демократическим движением, что, в-третьих, труды общественных деятелей в пользу широких народных масс имели значение постольку, поскольку эти деятели шли рука об руку с революционной соц.-дем. партией, — мы, учителя прибалтийских губерний, будучи сами пролетариями, признаем необходимым принимать активное участие в классовой борьбе и так как единственной партией, успешно ведущей пролетариат в этой борьбе, является партия соц.-дем., то мы присоединяемся к соц.-дем. организациям».

Так латышская соц.-дем. в самом начале открытой революционной борьбы широко разворачивает свой боевой фронт. Под ее знаменем сплотился фабричный пролетариат, к которому присоединились рабочие деревни; а в борьбе за «демократизм» с социал-демократией, под ее руководством идут мелкое крестьянство и мелко-буржуазная демократия города. Непролетарские классы, примыкая к соц.-дем., сознают и видят, что только на ее стороне организованная сила, ясные цели и непреклонная воля к победе и что взятый соц.-дем. революционный путь — единственно правильный

и гарантирует освобождение народных масс от экономической и политической кабалы.

Вернемся к историческому ходу событий. В городах экономическая и политическая борьба рабочих не угасала ни на одно мгновение и проходила с таким подъемом, что на 1 мая латышская соц.-дем. рабочая партия «на основании общего требования своих членов» объявила всеобщую забастовку в городах и в провинции (деревне) «с субботы 30 апреля с 12 час. дня до вечера понедельника 2 мая». И перестали изрыгать дым фабричные трубы, погасло пламя горнов, замолк машинный грохот в Риге, Митаве и Либаве. С особенным энтузиазмом проходила всеобщая забастовка в Либаве: совершенно замерла торгово-промышленная жизнь, были закрыты магазины и трактиры, базарная площадь очищена от торговцев и подводчиков, приостановлено трамвайное движение, прекращён выпуск газет и даже школы и элементарные учебные заведения должны были праздновать 1 мая («Циня», № 13—1905 г.).

Такой грандиозный майский праздник увидела провинция впервые. Поднялся и деревенский пролетариат и сплотился под своим знаменем: в *Грюнгофской* волости (в Курляндии) в экономиях и усадьбах на 1 мая прекращаются работы в обед субботы; в воскресенье происходит открытое народное собрание в *им. Кальцем* в парке графа Палена, происходят демонстрации у *Олайской* церкви, и в понедельник — шествие рабочих по местным экономиям и усадьбам, где прекращаются полевые работы. В Ронебурге — Лифляндия — у церкви стекаются народные массы с революционными песнями и возгласами, при чем чуть-чуть не происхо-

дит столкновение с солдатами; в *Лаздонской* волости, у церкви, собираются 1 мая демонстранты и шествуют оттуда со знаменами и песнями на *Марцен*, а затем на *Гросдон* и *Берзон*, где вынуждают к участию в шествии православного попа и лютеранского пастора. Путь демонстрантам на им. *Берзон* преграждают солдаты, которые, однако, к оружию не прибегают.

После 1 мая ареной революционной борьбы делается церковь и по всей Курляндии и Лифляндии начинаются «церковные демонстрации». Еще до этого имеют место случаи разбрасывания прокламаций в рижских и либаўских церквях и прекращение молебна за царя революционными возгласами (1904 г.). Весной 1905 г. подобные случаи уже имели место в деревенских церквях (*Дондангене*, *Нурмгузене*, *Ронебурге*), но в данных случаях прекращение богослужения можно было рассматривать, как эпизоды неожиданного революционного налета, между тем, как в дальнейших церковных демонстрациях проявляется систематическая революционная тактика борьбы. И легко понять, почему местом революционного протеста выбираются церкви: во-первых, не в состоянии были молчать сознательные пролетарии в силу своей революционной гордости, когда после кровопускания японской войны и избиения рабочих в русских городах все еще продолжали служить молебны за трижды проклятый царствующий дом, и, во-вторых, нужно же было, наконец, открыто выступить против той лжи и обмана, которые каждое воскресенье с крестом в руках проповедывали лицемерные пасторы, ведя скрытую борьбу с рабочим движением. Столкновение это было в деревенских церквях

неизбежно, особенно, если принять во внимание ту роль, которую сыграли церкви в деле порабощения и ослепления народных масс. С падением рабских цепей неизбежно должны были столкнуться на далеко видимой церковной горе исключаящие друг друга силы — власти прошлого и власти будущего, власть рабовладельца-капиталиста и сила борца за раскрепощение пролетариата. Или, как это говорил в своем слезливом писании Андрей Недра: «В борьбе за свободу столкнулись два знамени — знамя красное и знамя крестное... Уступить одно другому знамена эти не в состоянии» *).

И «крестное знамя» юнкерской церкви было спущено и вместо символа веры поднялись... револьверы «самоохранников» (Selbstschutz) и казацких нагаек.

Церковные демонстрации могли возникнуть только у нас, где культурный уровень народа высок и где церковь открыто стала на сторону тиранов и эксплуататоров; кроме того, она как нарочно возбуждала гнев народа. Проклятья и угрозы священно-служителей по адресу «мятежных и непослушных простолюдинов» («*Vauern*») заглушали звуки церковного органа и пенья, бросая как бы вызов народу *).

*) *Андрей Недра* «Чего ищут мятежники в наших церквях». Венден, 1905 г., 14 стр.

***) Наши священнослужители в Прибалтике действовали по назиданию и образцу своего духовного отца Мартина Лютера, который в период крестьянской войны в Германии в 1525 г. точно так же натравливал на крестьян феодалов и меченосцев: «Колите, бейте, душийте, как кто может — открыто и скрытно, памятуя одно: нет ничего на свете вреднее, злее и богопротивнее взбунтовавшегося человека». Мятежных крестьян следует истреблять, как «беше

Если сознательная часть народа уже до этого относилась скептически к рабской религии, проповедуемой пасторами, то буря революции окончательно сорвала лицемерно набожные маски с господской церкви, и церковные демонстрации явились только последним ударом, сокрушившим «священные» идола! Народ перестал трепетать и коленопреклоняться перед сильными мира сего, и вместе с тем пришел конец и невежественному страху перед сверхъестественной небесной силой, адской жаровней, дьявольскими вилами и кочергой. «Циня» тогда писала: «И если в самом деле у кого из верующих содрогаются колени, пусть он видит и убеждается, что церковь не что иное, как высокое здание, которое с большим удобством можно использовать для многолюдных собраний. С амвона так же удобно читать революционные воззвания, как и проповедь, и нет такого «боженьки», который воспрепятствовал бы этому громом и молнией *).

Правда, бывали случаи, когда церковные демонстрации порождали инциденты и встречали возбужденный отпор со стороны прихожан, но это неизбежно, когда дело доходит до крушения того, что фактически уже отмечено историей. Если меченосцы немецкого ордена хвастали тем, что ударом топора они свалили тенистые зеленые дубы язычников и идолопоклонников, то во стократ большая слава выпадает на долю латышских

ных собак», и те, кто в этой борьбе погибает из рядов правительственного войска, так же священны, как «мученики Божьи»!! Вот почему для наших «балтийцев» так дорога память прислужника немецких феодалов — Лютера.

*) «Циня», № 15 — «Духовнослужители и демонстрации»

революционеров, которые нанесли удар топором по самому корню ядовитого и увядающего юнкерского церковного древа...

Первая настоящая церковная демонстрация происходит 8 мая в лаздонской церкви, когда на амвоне появляется в маске член местной организации и произносит собравшимся прихожанам революционную речь. В результате организуется демонстративное шествие с 2.900 участников и местным пастором Эрманом, которого вынуждают идти впереди шествия с красным знаменем. Спустя месяц в Прибалтике празднуется краснѣй Троицын день: в 11 курляндских и лифляндских церквах (Ленневардене, Сиссегале, Нитау, Лубане, в м. Штокмансгоф, Дурбене, Грюнгофе, Зальгалене, Сецене, Ангермонде и Эдвалене) богослужение прерывается, прогоняются священнослужители и вместо проповедей в церквах раздаются революционные речи социал-демократов и революционные песни.

Демонстрации не везде проходят без столкновений: в Грюнгофе один из пасторских телохранителей открывает стрельбу из револьвера; в сеценой церкви сын клиросника Журевский с толпой церковных старост нападает и пробует схватить оратора; в Эдвалене урядник с баронскими прислужниками захватывает члена организации в момент развертывания красного знамени. Однако, имеют место и такие случаи, когда сюртуки священно-служителей «лопаются» в давке, или сами они «спотыкаются» и получают ушибы, а то просто-на-просто их заставляют идти во главе демонстрации с красным знаменем в руках. Слишком много накопилось в массах ненависти и желчи к этим жадным,

загребистым иезуитам, слишком много возбудили они гнева своими проповедями, в которых защищали интересы патронов и беззастенчиво ругали и поносили народ, и прихожанам иногда трудно было соблюсти должное спокойствие и невозмутимость духа. «Неужели нет ни одного, кто бы стал на защиту своего пастыря!» восклицал в смертельном ужасе духовник Эрман. И не было никого, и никого быть не могло.

Казалось, что прихожане в своем безмолвном протесте в свою очередь задают вопросы ему: «Можешь ли ты указать хоть один случай, когда ты выступал в нашу защиту? И не был ли ты сподручным помещиков и правительства, когда оно угнетало нас! В благословение всех правительственных притеснений ты произносил — да и аминь! Твой бог — бог тиранов и сам ты слуга угнетателей и наш духовный палач» *). К сподручным палача нельзя чувствовать уважения, и не удивительно, что пробста Дебнера 12 июня в Лаудоне волокли по грязи.

Отметим, что «Циня» немедленно реагировала на каждый случай насилия (см. «Циня» № № 14 и 15). Второй партийный конгресс (1905 г., июнь) находит, что «церковные демонстрации содействуют пробуждению сознательности и уничтожению авторитета церкви и священников в глазах прихожан с обязательной оговоркой, если насилие над личностью священника не ставит его в роль мученика». Конгресс поэтому советует: «организовать церковные демонстрации там, где заранее проводилась агитация и где созданы ячейки

*) Воззвание Центрального Комитета — «Церковь и народ», 1905 г. июнь, 35.000 экз.

организации, причем необходимо воздерживаться от ненужного и бестактного насилия, как, напр., навязывание знамени священникам, урядникам, сыщикам и другим слугам самодержавия». Однако, нет никакой причины лицемерно вздыхать о наших пастырях, ибо за причиненные им ушибы и неприятности они отомстили самым беззастенчивым и злодейским образом в период деятельности карательной экспедиции и свои помятые церковные талары (рясы) забрызгали живой крестьянской кровью. Несомненно, никто из них и не проговорится, сколько человек попало в карательные списки по их указанию и было отправлено на тот свет, но их сухие, бессердечные сообщения, данные ими самими в брошюрке «Die Revolution in den Ostseeprovinzen», не должны быть оставлены без внимания. Так напр., пастор *Тирзенского* прихода *Кундзин* помещает о себе следующее сообщение: «Ужасно тяжелую борьбу с собой и подавляющим большинством прихожан приходилось переносить пастору Кундзину... Революционное умопомрачение приняло бы угрожающие размеры, если бы не военно-полевой суд, который, расстреляв 10 тирзенских, 3 лизоненских и 1 синоленского революционеров, *вернул прихожанам потерянный разум*». И невольно приходит мысль, — не послужило ли причиной расстрела отдельных указанных 14 революционеров тирзенского прихода то обстоятельство, что весной была сделана попытка устройства демонстрации при местной церкви, причем почтенный духовный пастырь, прячась в канавах, удрал в свое церковное поместье! Хроника революционных событий других фактов о Тирзене не знает.

Вот каким способом прихожанам «возвращается утерянный ими разум»! А между тем в период церковных демонстраций наши духовные отцы зарекомендовали себя, как самые позорные, достойные самого глубокого презрения, трусы: они клялись не прикасаться рукой к красному знамени до гробовой доски и все-таки носили его; они клялись богом исполнять свои обязанности, однако, без применения к ним каких бы то ни было угроз — многие из них нарушили клятву в 1905 г., выбросив из текста богослужения молитву о царском доме *).

1) Брошюрка «Die Revolution in den Ostseeprovinzen» отмечает целый ряд подобных случаев: хотя революционеры не выставили требований в Петерскапелле (паст. Стамер), но, «приноравливаясь к гнетущим условиям», пастор сократил молитву о царском доме и совершенно опустил ее в молебствии (стр. 18); в Лезерне пастор (Берзин) в силу предварительных угроз и отсутствия охраны опускал молитву о царском доме в молебнах перед пасхой (34 стр.); священник Павасар (Адзель), «благодаря своему личному влиянию и уступкам в отношении формы молебствия о царском доме», предупредил могущие возникнуть церковные беспорядки (48 стр.).

Мы не станем отмечать тех случаев, когда пасторы произносили душещипательные речи у могил павших в борьбе революционеров (напр., паст. Иенде в Ронебурге) и принимали непосредственное участие в митингах (напр, шуйенский пастор Каспар, руйенский — Байер и др) и даже шли по выборам на должности в «исполнительных комитетах» (пастор Озолин в Ново-Пебальге). За малейшее преступление по должности в период революционной смуты крестьяне подвергались расстрелу, однако, — как ясно из вышесказанного, — духовных пастырей охраняли божьи ангелы, и во многих случаях военно-полевые суды обращались к ним за советами. . .

Они давали клятву бороться силой крестификса и в то же время прибегали к помощи юнкерских револьверов и казацких штыков.

У всех сохранился в памяти тот факт, что консистория в то время (похоже на время интердиктов римского папы) с целью наказания мятежных прихожан закрывала церкви и, таким образом, лишала жителей «божьей милости». И это пришлось бы очень по вкусу нашим лютеранским священнослужителям (им не приходилось бы своим ломаным латышском языком трудиться над текстом произносимых в воскресные дни проповедей), если бы не одна забота: с закрытием церкви они лишались возможности производить «поборы» с прихожан, а это было сильным ударом по суме духовных. Само учение Христово поддается всяким коррективам, но коррективу не подлежат «регулятивы», возлагаемые на последователей Христова учения.

В Прибалтике из церкви прямая дорога ведет всегда в имение. Отсюда понятно, что после церковных демонстраций народные толпы направлялись в имение пред'являть свои требования. Но дорогу им в большинстве случаев загоразивали солдаты или, увидев приближающееся шествие, барон прятался или убегал в лес.

Так, напр., 8 мая церковные демонстранты лаздонского прихода направляются в имение Праулен со своими требованиями. Местный барон, увидев шествие в бинокль, — убежал. Демонстранты обшарили все углы замка, но, не найдя владельца, ушли, не тронув даже сложенное на столе оружие. — 15 мая в Шкван на многолюдном народном собрании (2.000 чел.) разбирают

подробно крестьянскую петицию, после чего с пением революционных песен направляются в имение. Барон, оказывается, бежал в лес. Подробно изложенные требования батраков и крестьян были вручены управляющему имением («Циня» № 14). В Фетельн-Одензеевской волости крестьяне, собравшись у волостного дома, 9 июня выслушали оратора, после чего направились в имение, где устроили собрание перед баронским замком. Инцидентов не было. Одензеевская баронесса, услышав о приближении социалистов, спряталась у мельника, а урядник укрылся в роще. Из имения Одензее шествие двинулось на имение Фетельн, где к демонстрантам присоединились местные батраки. С пением — «Вставай, подымайся, рабочий народ» собравшиеся остановились у замка, с балкона которого оратор произнес речь («Циня» № 19). Из всего этого видно, что шествия в экономиях проходят мирно, без каких-либо нападений и разрушений. Целью латышских крестьян было подчеркнуть свою внутреннюю спайку, солидарность и общность требований. И здесь выявляется характерная черта юнкерской психологии и тактики. Требования они не выслушивают, в какие бы то ни было переговоры со своими крестьянами не вступают, а прячутся или за спиной вооруженных казаков, или рыцарски убегают в кусты! За то, что шесть месяцев спустя после описанных шествий по тем же дорогам в имения и на тех же балконах экономий толпились вооруженные люди, — бароны могут пенять сами на себя...

После пережитого, ни на чем не основанного испуга, наши грозные бароны знали только одно: еще бе-

шеней кричать и требовать возмездия, и вскоре роскошнейшие здания курляндских и лифляндских экономий превращаются в сплошные казармы, где размещаются казацкие и драгунские отряды. Но, по мнению помещиков, и этого было мало. Они настаивали на том, что все консервативные и «приличные элементы» должны притти к ним на помощь в деле охраны поместий и церквей. Но и консервативные крестьяне резко отклоняли это предложение и, в свою очередь, представляли помещикам свои требования. Если, по мнению баронов, в последних демонстрациях имело место «осквернение церкви», то, по мнению крестьян, подобное «осквернение» все время производилось назначаемыми помещиками пасторами, которые в целях защиты помещиков все время произносили с амвона «политику». В виду того, что, невзирая на церковные подати, которые платят крестьяне, церковным имуществом и назначением пасторов распоряжаются помещики, — прихожане не могут взять на себя никаких обязанностей по охране церквей. Приход, в свою очередь, требует отмены *патроната*, передачи церковных имений для культурно-просветительных целей в собственность прихода, отделения церкви от государства и узаконения неограниченной свободы совести, причем в отдельных приходах, — как, напр., на собрании крестьян (дворохозяев) Ленневардена 20 июня, — выносится требование об отмене усиленной охраны и введении свободы слова, печати и собраний. Как только юнкера услышали, что от них требуют — уничтожения положения о патронате,

— они немедленно выписали новые партии оружия и начали организовывать «самоохрану» (Selbstschutz) *)

Администрация, как это упоминалось выше, не в силах была удовлетворить запросам помещиков полностью и нарядить столько войска, сколько помещики требовали. Старому лифляндскому губернатору Пашкову дана была отставка и вместо него назначен «энергичный и умный» Звегинцев, который немедленно выдал юнкерам право на организацию своей военной силы и своей полиции. Это был давно облюбованный юнкерам план и теперь его можно было осуществить во всей широте замысла: теперь нужно было только собрать всяких благорасположенных к баронству проходимцев и головорезов — и непослушное крестьянство будет вынуждено трепетать перед вооруженным кулаком юнкеров! Свои вооруженные шайки (народ назвал их «черной сотней») бароны организовали из всяких подонков общественности: туда входили обанкротившиеся и промотавшиеся сынки помещиков и ду-

*) По поводу *отмены патронажа* юнкерская пресса подвизлаотчаянный вопль с той мотивировкой, что патронат учрежден на основании постановления ландтага в 1567 г. и создан на основе законов церковного управления XVI столетия. Удивительно даже, как юнкера не ухитрились найти постановления ландтага моисеевой древности. И немолчно, как завывание стаи волков, раздавались голоса «балтийцев»: ввести *вооруженную силу* (солдат) за счет прихода, в каждом приходе назначить из числа местных помещиков «временного *полицейского комиссара* и затем—вести *военнополевые суды* для расправы с осквернителями церкви» («Düna-Zeitung». 20 июня 1905).

ховенства, немецкие шутцеры, состоящие на баронской службе сыщики и — черкесы.

Вначале газета «Düna-Zeitung» предполагала использовать для этой цели «надежных и обученных военному делу людей» (этот материал выписывался партиями из Германии), но впоследствии пришла к убеждению, что в борьбе против латышских крестьян более всего пригодны дикие кавказские черкесы, ибо они «свирепы, изворотливы и с малолетства привыкли у себя на родине к исканию приключений и подвизались или как «защитники порядка», или как грабители и разбойники». В Прибалтийском крае впервые отмечается случай до сих пор не виданный — выписывание людей наподобие охотничьих собак, но наши культуртрегеры зарекомендовали себя в этом отношении как люди, стоящие выше всяких похвал: в рижском дисконтном банке было открыто отделение, при посредничестве которого доставлялись помещикам по заказу потребные им «свирепые черкесы». (Ремерсгофские и Яун-Сатенские помещики немедленно составили кадры своих телохранителей из черкесов). Однако, выше всего в смысле свирепости, жестокости и кровожадности ценились, — и не без основния, — отпрыски юнкерства, как об этом свидетельствует поэтическое воззвание одной рехнувшейся баронессы:

«Неужели в жилах нашего племени уже не бьется живая кровь? Неужели наши прадеды, эти храбрые, бесстрашные рыцари являлись бы только безучастными зрителями того, как... беззастенчивым образом обращают их подданных в непослушных и непокорных (!?) людей? Поэтому, вместе с ними (!—Пер.) готовьтесь

к борьбе, потомки старого рыцарского племени, сплывайте вокруг своего красно-сине-белого знамени. Организуйтесь в боевые дружины!» *).

И не удивительно, что эта самая Орлеанская дева юнкерского пошиба взывала ко всем «потомкам старого рыцарского племени» бросить праздную стрельбу и охотничью сумку и приняться за охоту на «более важных животных» es giebt ein besseres Wild zu jagen), т.-е. революционных латышских крестьян! Подонки юнкерства, промотавшиеся студенты-балтийцы и подобные им белоручки из числа провалившихся на экзаменах не замедлили приняться за дело: в самом деле, что за удовольствие стрелять куропаток или зайцев, когда для пущего развлечения можно разбить нагайкой голову непослушному крестьянину или пустить в затылок ему пулю? И радостные для юнкеров известия следовали одно за другим: 28 июня «братская конференция» курляндских помещиков постановляет организо-

*) Цитата приводится из статьи «Немецкая самообхрана в Прибалтике» (журн. „Варпас“, № 3 — 1909 г.). Нужно отметить, что благородные баронессы часто принимали самое живейшее участие в деле организации „самозащиты“ и вооружения и обучения хулиганов. Жены отдельных священников (напр., жена Лубанского пастора Каде), кроме огнестрельного оружия носили казацкие нагайки (см. газеты „Девас Лапа“, № 155 — 1905 г.). Немецкий иллюстрированный журнал „Die Woche“ в начале 1906 г. поместил фотографию одной дебелиой пасторской дочери верхом на лошади, которая, одев грязные драгунские штаны, сопровождала карательные экспедиции и выполняла функции сыщика... Да, „Ruhm und Heil den edlen baltischen Frauen“. (Слава и многая лета благородным балтийским женам! — Пер.)

вать «самоохрану», и 30 июня газета «Düna-Zeitung» могла беспрепятственно восторгаться этим постановлением, так как со стороны губернского правления препятствий на предмет организации баронами «почетной полиции» не встретилось. Размещенные в уездных городах и имениях воинские отряды перешли в полное подчинение этой «почетной полиции», и настала полная возможность затоптать в грязь, уничтожить вконец мятежный латышский народ...

Бароны всеми возможными способами провоцировали кровавые столкновения и обращали церковные площади в места побоищ. Об этом свидетельствует организация казацкого налета на безоружную толпу у церкви *Ронебурга* 29 мая, где у церковного входа шашками и нагайками до бесчувствия были избиты старики и старухи из местных прихожан. Некоторые из них, кроме того, были арестованы и отправлены в Венденскую тюрьму. Что послужило причиной этого безумного избиения? «Düna-Zeitung» через несколько дней разрешилась следующим пояснением: у одной из крестьянских подвод был замечен мужчина в синих очках (стало-быть, «предводитель бунтовщиков»! Я.-Бр.). «Мы не намерены скрывать своих пожеланий, — слюнявит юнкерский орган, — чтобы везде и всюду в подобных случаях господа уездные начальники действовали так же решительно, как в данном случае фон-Р.(енгартен)». К этому фактически и направлялись стремления юнкеров, но при условиях того времени вполне естественно, что не один из числа «решительных» мог сам напороться на острее оружия. 3 июля в *Сессаускую* церковь являются бароны Ган и Бистрам в сопровождении сво-

их телохранителей; как только раздаются революционные возгласы и один из демонстрантов подходит к амвону, оба барона выхватывают револьверы и открывают стрельбу по толпе. Оттуда раздаются встречные выстрелы, и в результате — Бистрам убит наповал и тяжело ранен Ган. Юнкерскому нападению дается вооруженный отпор: латышские крестьяне начинают действовать по принципу — «око за око, зуб за зуб». Революция не может протекать гладко, на то она революция, и революционные стычки в период ее абсолютно неизбежны, хотя в данном случае приходится констатировать, что *бароны первыми подняли оружие и первыми направили его в народные массы.*

Прежде, чем перейти к следующему периоду революционной борьбы, мы не можем обойти молчанием партийный конгресс (Рига, 11—13 июня). Собрался конгресс этот в чрезвычайно бурный момент. Много побед было достигнуто в исключительно короткий срок, но решительные события были еще впереди. Организация развертывалась неимоверно быстрым темпом (число членов партии с 2.500 в 1904 г. возросло до 10.000!) и вне тесно сомкнутого круга организация имела поддержку всего деревенского пролетариата. Но что в боевом дыму и восторге побед большинство делегатов не потеряли необходимой самокритики и правильно учли общее положение России, об этом свидетельствует резолюция конгресса *о вооруженном восстании:*

«Принимая во внимание, что: 1) истинно демократическим элементом России, который в состоянии завоевать и обосновать демократический государственный строй, является единственно только пролетариат;

2) что пролетариат России, особенно центральных губерний недостаточно организован и сознателен для того, чтобы уже сейчас, как один, выступить в вооруженном восстании; 3) что *вооруженное восстание в отдельных частях государства без поддержки пролетариата всей России, самодержавие в силах подавить ужаснейшими средствами насилия*, — конгресс латышской соц.-дем. рабочей партии признает нецелесообразным призывать пролетариат на подобный рискованный шаг. Конгресс латышской соц.-дем. рабочей партии признает и в дальнейшем основной задачей и долгом партии *пробуждать в пролетариате классовое самосознание, организовать и направлять силы пролетариата на общую борьбу*, но, принимая во внимание, что классовая борьба под гнетом самодержавия не может развертываться нормально, конгресс рекомендует неотступно подготавливать пролетариат к вооруженному восстанию, давая уже теперь *отпор* с оружием в руках каждой попытке насилия со стороны самодержавия, обращая, таким образом, столкновения со слугами самодержавия в непрерывную *партизанскую войну*».

О том, какую роль играла партия в борьбе деревенского пролетариата, свидетельствует то обстоятельство, что большинство принятых на конгрессе резолюций в том или другом смысле касается тактики борьбы пролетариата в деревне (резолюция о позиции, занимаемой по отношению к другим соц.-дем. организациям, соц.-рев. и либералам была выработана и обсуждена ранее). В день закрытия конгресса были получены сведения о *лодзинских* уличных боях — характерная черта момента, — конгресс был закрыт почтением

памяти павших 13 января и приветом польскому пролетариату вместе с обещанием «бороться с ним рука об руку не на жизнь, а на смерть до полной победы над залитым народной кровью самодержавием».

Тактика латышской соц.-дем. в то время может быть охарактеризована следующими краткими штрихами: с одной стороны — привлечь к сознательной революционной борьбе все большие и большие слои народных масс, *организовать* и руководить массами в борьбе; с другой стороны — дезорганизовать и разрушать самодержавный государственный строй России, причем орудием борьбы, помимо экономических и политических стачек, признавались в то время *пассивный протест* против распоряжений правительства и помещиков и *активная вооруженная борьба*. Что понимали мы тогда под активной вооруженной борьбой? Латышская соц.-дем. никогда не признавала средством пролетарской борьбы — «*террор*»; свою тактику она основывала на сознательной революционной деятельности масс, а отнюдь не на единоборстве отдельных героев-террористов с чиновниками царизма. Успех революции она усматривала не в устрашении царя и его клики, а в политической зрелости самих масс и в их организованном давлении. Однако, самая организация движения в 1905 г. требовала *вооруженной самозащиты*, ибо предстояла альтернатива: или давать должный отпор зверским казацким и полицейским налегам, или совершенно отказаться от открытой-массовой борьбы, стачек, демонстраций и многолюдных собраний!

В Риге, в январе месяце, в период всеобщей забастовки, по команде правительства была пролита кровь

рабочих. С тех пор эта тактика расправы была правительством введена в систему: нападения со стороны правительственных прислужников происходили каждый день в той или другой части города, над каждой стачкой, над каждым массовым собранием нависала угроза неожиданного вмешательства казаков и полицейских. А в деревне с объявлением «усиленной охраны» и с организацией «самозащиты» баронами — помещичий террор принял самый ожесточенный характер: были уезды, в которых никто из крестьян не был гарантирован от нападения в поле, ни в дороге, ни у себя дома. Беспредельное помещичье тиранство и насилие навязывали пролетариату тактику самоохранения: припасать оружие, разоружать своих противников в случае нападения их и, в исключительных случаях, обезвреживать опаснейших врагов, сыщиков, предателей и самых свирепых из числа помещичьих и правительственных палачей.

Яркую характеристику положения соц.-дем. в период вооруженной борьбы дают напечатанные в партийном органе «Циня» статьи, из которых приводим пару цитат:

«Вопрос о том, сколько жертв потребует революция, зависит от характера поступков и действий приверженцев правительственного общественного строя в прошлом и настоящем. Если бы даже старый порядок и не оказывал сопротивления революции грубой силой, все же его приближенные не могли бы избежать наказания. Гнет и насилие, перенесенные народными массами в ряде веков, давившая их несправедливость — все

это вполне естественно вопиет о возмездии. Подобно пару высокого давления, разорвавшему стенки парового цилиндра, накопленная веками революционная энергия безжалостно сметает все со своего пути, когда народ в порыве разбивает оковавшие его цепи. Ненависть, таившаяся глубоко в груди каждого, ищет себе открытого выявления и обращается в мятежный вопль. И виновники жнут то, что они посеяли...

Далее, количество жертв, уносимых революцией из рядов правящих классов, зависит от того, как держат себя приверженцы старого строя в период революции. И если с нашей стороны, во имя гуманизма, возникает желание уменьшить количество жертв, то возможность фактического осуществления этого пожелания зависит от самих приспешников старого режима. Если имели место преступления против общественной совести в прошлом, то в настоящем, в период революции, когда рука возмездия чертит на стене роковые слова, в пользу самих себя преступники должны воздержаться от дальнейших преступлений. Теперь, когда революционное движение разрастается, совершенно ясно, что гнет в состоянии только усилить и обострить революционную борьбу, и удивительной близорукостью должны обладать те, кто делает попытки при помощи насилия удержать от падения то, что падает именно вследствие причиненного им насилия. Они берут на себя исключительную по серьезности ответственность, и это будет их вина, если старый строй не просто развалится сам собой, а будет потоплен в крови, как оно было в Вели-

кую французскую революцию *). («Циня» № 17: «О тех, кто подливает масла в огонь»).

Или еще статья:

«В войне действуют по военному!». Наша цель отнюдь не истребление людей, но если эти люди стремятся уничтожить нас, то нам остается только один выход: отвечать им тем же. В таком случае мы прибегаем к средству уничтожения, как к такому способу, который неизбежен и необходим для борьбы вообще. И если капиталисты вооружаются с целью нападения и воспрепятствования нам собираться, говорить и агитировать, то мы разоружаем их, несмотря на то, что они считают оружие своей личной собственностью. Мы не пощадим также предателя, притаившегося в наших собственных рядах! И тоже не потому, что для нас было бы приятно кровопролитие, а потому, что это единственный способ обеспечить развитие нашей классовой борьбы. За расстрелы сыщиков, жандармов, казаков и помещиков — помещики могут пенять только сами на себя: они вынуждают нас к этому; от них и только от них зависит — будет ли проходить классовая борьба мирным путем или она будет сопровождаться кровопролитием.

Однако, идеала нашей борьбы не должно терять из виду. Будем пользоваться грубой силой лишь в край-

*) Аргументы эти не лишены некоторой идеалистической примеси, но они, очевидно, дают не столько научное обоснование вопроса, сколько преследуют цель морального воздействия и притом не столько на сторонников старого строя (в таком случае это было бы совсем беспочвенно), сколько на революционные массы. *Переводчик.*

них случаях. Не будем проливать ненужной невинной крови! Внимательно и вдумчиво будем относиться ко всяким недостаточно обоснованным фактам и решительные меры будем принимать только после точного выяснения положения вещей в каждом отдельном случае... Каждое наше действие должно подчеркивать то, что мы являемся сознательной, дисциплинированной массой, которая знает, что делает, умеет отличать друга от недруга и отражает в революционных волнах лучи нашего социалистического самосознания» («Циня» № 19: «Во время войны по военному»).

Ясно, что латышские соц.-дем. не скрывали того, что они противники капиталистического государственного строя и что этот строй подлежит уничтожению при помощи мер революционного воздействия, но они, однако, признавали, что вооруженный отпор применим только в исключительных случаях массовой борьбы и что к нему приходится прибегать только в случаях защиты революционного движения. Стоит заглянуть в хронику революционных событий 1905 г., как с очевидностью обосновывается фактическое положение: до осенних месяцев партизанская борьба с полицией и казаками имеет место по преимуществу на раскаленных мостовых города (особенно Риги), ибо каждая стачка, массовое собрание или случайное скопление народа подвергалось угрозе оружия «блюстителей порядка», и рабочие явно провоцировались на вооруженную самозащиту *).

*) В городах полиция стремилась накрыть и убрать с дороги как раз самых энергичных и способных рабочих бойцов. Так, 5 июня пристав Детловский убивает из-за

В продолжение лета, в деревне крестьяне прибегают к оружию чрезвычайно редко и то с исключительной целью освободиться от отдельных насильников и неотвязных преследователей. 15 июня в приходе Праулен убивается казачий офицер Фирсов; 25 июня в Дондангене падает от пули революционера помощник окружного начальника Шмидт; 9 июля такая же участь выпадает на долю гробинского комиссара по крестьянским делам фон-Бреверн. В стычке с демонстрантами-крестьянами погибает от пули барон имения Межнек — фон-Бистрам. А между тем, в 1905 г. в летнее время юнкера бушевали во всю. В отдельных уездах не проходило дня, не отмеченного насилием, нанесением побоев и ограблением казаками и «самоохранниками» ни в чем не повинных людей, истязанием и водворением их в застенки правительственных тюрем. Так, напр., из имения Праулен казаками уводятся в лес 18 человек. Их привязывают к деревьям, срывают одежду и избивают нагайками. Бьют зверски, до крови. После экзекуции выворачивают карманы, отбирают часы *).

В особенности подвигами своей юнкерской полиции прославился Венденский уезд; здесь орудовали такие лишенные всякого человеческого облика суб'екты, как

угла в г. Митаве рабочего агитатора Рудольфа Дзилна (в процессии похорон товарища принимает участие 5.000 рабочих, и на время похорон приостанавливается работа всех фабрик и мастерских). В Либаве 8 июля казаки убивают рабочего Преднека, пытавшегося освободить арестованного товарища. Гроб убитого сопровождают около 10 000 чел. Эти подвиги палачей вызывают среди рабочих неопи-суемое возмущение.

*) „Циня“ № 18, 1905 г.

фон-Ренгартен, Иванов, Григорьев, Малуга и др., также возведенный впоследствии в кадры «почетной полиции» фон-Бриммер со своими помощниками (в Рижском уезде с ними состязались в деле избиения крестьян фон-Генинг, фон-Петерсен и Максимович). Во имя «закона» свистали нагайки, шашки и приклады винтовок обгрялись кровью: во имя «закона» переполнилась арстантами Венденская тюрьма, которая приняла вид военного госпиталя, — столько было в ней людей с искалеченными и разбитыми конечностями, с сокрушенными ребрами, взборужденными вдоль и поперек спинами и лицами» *).

Гнусность поведения юнкерской полиции, их жестокие расправы и нечеловеческие насилия не знали пределов, так что даже отдельные полицейские чиновники сочли для себя невозможным продолжать несение полицейской службы и свою приставскую шинель и шашку возвращали «благородным уездным начальникам». Это был самый *ярый период юнкерского террора*, и наши бароны отнюдь не скрывали этого: русская жандармерия и судебные власти, дескать, действовали слишком затяжно и вяло, и часто бывали случаи, когда доставленные юнкерами «зачинщики» освобождались «из-за отсутствия состава преступления»; зато юнкерская полиция и воинские отряды считали великим для себя *счастьем* встретить вооруженное сопротивление, так как в таких случаях представлялась возможность

*). Приводится из жалобы по поводу деятельности юнкерской полиции бывшего полицейского чиновника Эд. Цалитс — „Не в силах дольше молчать“, „Денас Лапа“ № 155, 1905 г.

пустить в ход свое оружие («Lettische Revolution», II, 200 стр.). И этого «счастья» легко было достичь даже в тех случаях, когда не встречалось и малейшего «вооруженного сопротивления». Нетрудно было его выдумать и надлежащим образом инсценировать.

По словам самих юнкеров, правительство летом 1905 г. предоставило в их распоряжение 4 драгунских эскадрона в Рижском и 4 казачьих сотни в Венденском и Валкском уездах; лифляндское юнкерство (Landesvertretung) добилось того, что драгуны и казаки перешли под команду помещичьей «почетной полиции» (таких «почетных» полицейских в одном только Рижском уезде насчитывалось 10). Казачьи офицеры — по показаниям баронов — оказывались в большинстве случаев совершенно «неспособными»; также и казаки легко поддавались на «всякие разбойничьи выходки», если «почетный полицейский» не сумел установить с ними дружеских отношений (т.-е. поить их и науськивать) или за приличные «чаевые» подстрекать их на избиение крестьян *).

Имена Лифляндской и Курляндской губерний обратились в настоящие разбойничьи притоны, наподобие феодальных замков времен оруженосцев. Благородные «самоохранники» братались с черкесами и казаками, кутили напропалую дни и ночи напролет, хвастали числом изувеченных ими людей, оборванных седых крестьянских бород и волос, изнасилованных женщин. и

*) Nicht selten spielte der Bakschisch eine grosse Rolle bei alledem» (нередко чаевые имели здесь крупное значение), — беззастенчиво цинично и нагло позволяют себе писать верховоды нашего дворянства. «Lettische Revolution», II 199 стр.

т. д. Они бряцали оружием, хулиганили и без счета расстреливали революционеров, но, не взирая на количество потребляемого ими алкоголя, храбрость их исчезала, и они боялись собственной своей тени. Можно сказать, что в то время наши бароны переносили болезнь, которую они когда-то приписывали своим батракам и крестьянам и называли «бешенством от революции»: им казалось, что каждый телеграфный столб делает на них покушение, и столбцы «*Düna-Zeitung*» заполнялись помещичье-бабьими сплетнями о всяких несуществующих и перехваченных в воздухе «покушениях» (все эти небылицы зачастую передавались по телеграфу петербургскому полицейскому департаменту и доводились до сведения Николаевского двора). Если, допустим, велосипедиста квалифицировали, как социалиста, это, пожалуй, понятно, но когда корреспонденты «*Düna-Zeitung*» «собственными глазами» видели революционеров, раз'езжающих в автомобилях и разбрасывающих оттуда прокламации; когда по их достоверным сведениям агитацию среди крестьян проводили разные «иностранцы» (ибо некая баронесса сама, своими ушами, слышала, что какой-то вожак отдавал команду крестьянской толпе на «чистом» французском языке!!) и т. д. — это уже свидетельствует о некоторых серьезных дефектах в органах восприятия самой «*Düna-Zeitung*».

Но по мере того, как эти сплетни раздувались, усиливалась лихорадка самих баронов. С паническим ужасом цеплялись они за хвосты казачьих коней, рубили, стреляли без всякого разбору, будь то безответные старики, или подростки — всем один конец. Склады

оружия непрерывно пополнялись, барские покои укреплялись, как в военное время *).

Ясно, что иступленные действия юнкеров, их сопровождающиеся кровопролитием нападения и неустанное вооружение подливали масла в огонь и раздували яркое пламя народного гнева и подозрения самого неблагоприятного для помещиков свойства. Таким образом, в прямом значении этого слова, помещики Прибалтийского края собственными руками закладывали

*) Юнкера вовсе не склонны скрывать, что все это время они использовали для подготовки к „войне“. Окна нижних этажей в замках закладывались кирпичем, заклепывались железом и заделывались мешками с песком; заготавливались склады аммуниции и провизии, выставлялись патрули, сторожевые посты, применялись условные сигналы и т. д. („Lettische Revolution“, II, 226 стр.). Об имени Стамернгоф корреспондент „Düna Zeitung“ сообщает следующее: „Уже с середины лета замок был обращен в крепость. Окна на сажень были заделаны кирпичем, в котором оставлены бойницы, и заложены мешками с песком; окна и ставни обшиты железом, подвальные помещения снабжены железными решетками, провизии припасено на продолжительное время, дежурил отряд в 55 человек казаков, в замке гостили знакомые барона из округи, — все вооруженные. Подобные мероприятия, казалось, сделали замок неприступным, по крайней мере, он в состоянии выдержать осаду и вести активную оборону в продолжительный промежуток времени“. И как раз результатом подобных мероприятий было то, что Стамернгофский замок не выдержал атаки революционеров в продолжение одних суток, и 2 декабря (период крестьянской войны) его обитатели вынуждены были бежать вместе с казаками, а замок был обращен в груду развалин и пепла. . .

взрывчатые вещества под каменные устои своих замков, и огонь революции взорвал эти замки на воздух.

Одним из выдающихся революционных событий летом 1905 г. была забастовка сельско-хозяйственных рабочих в окрестностях Митава. В июле забастовка сел.-хоз. рабочих вспыхнула одновременно во многих имениях (Модонском, Сиссегальском и Юргенбургском (Лифляндия), бастовали рабочие 17-ти крупных и средних имений; забастовки шли и в Тальсенском уезде (Донданген, Арлау), но эти разрозненные эпизоды борьбы нельзя сравнить с забастовкой батраков и рабочих в Добленско-Бауском уездах, число участников которой достигло 30.000 чел. Возникла эта грандиозная забастовка не случайно, она была заранее организована и проходила под непосредственным руководством соц. демократии. Несмотря на противодействие властей, забастовка проходила успешно и тянулась 2—3 недели; это не было уже просто экономическое движение, — вместе с городским пролетариатом массы полевых рабочих достигли в своем революционном развитии следующего этапа и выступили на открытую борьбу против государственной власти и ее учреждений, как равно и местного баронства.

Для более яркого освещения забастовки приведем сообщение «Циня» об им. Гогенберг. «В воскресенье 24 июля состоялась массовка (300 чел.) и собрание членов (100 чел.). Произносились речи относительно забастовки и ее осуществления. В ночь на 25 июля во всей окрестности были прерваны телефонные и телеграфные провода, повалено несколько десятков столбов и проволока скручена и унесена. Организованные груп-

пы рабочих обходили все хозяйства и всюду прекращали работу. Собранные люди были разделены на четыре полка. Один полк обходил Ауценскую волость, уничтожил казенную винную лавку и разлил спирт (пить никому не дозволялось), денег в кассе не оказалось. Другой полк обходил Панкельгофскую волость. Со здания волости были сорваны вывеска и государственный герб, бумаги сожжены и царские портреты уничтожены. При приближении шествия к им. Панкельгоф — барон фон-Бильдерлинг скрылся. Нашли семь хороших ружей и два револьвера. Третий полк, обходивший Ауэрскую волость, разрушил здание суда и сжег бумаги. Четвертый полк разрушил Гогенбергское судебное здание. Все полки (свыше 2.000 чел.) собрались в условленном месте недалеко от имения пастора. Шествие направилось на имение священника. Со стороны им. Гогенберг навстречу демонстрантам помчался отряд казаков из 12 человек *). «Подобные же лаконические сведения, словно сводки с полей сражения, сообщает «Циня» о событиях в Альт-Бергфридской, Гарозенской, Платоненской, Вирцауской, Грюнгофской волостях, в м. Жагоры и окрестностях и т. д. Всюду шествия стачечников с красными знаменами, революционными песнями и речами; казенные винные лавки уничтожаются, а деньги забираются в пользу организации; здания волостей «очищаются», а гербы, царские портреты и дела предаются огню, волостные кассы (за исключением сиротских вкладов) конфискуются и обращаются на нужды партии; в имениях забирается оружие, которым вооружаются отдельные демонстранты. Забастовка и революционные де-

*) „Циня“ № 18.

монстрации проходят без малейшего смятения, прямо в образцовом порядке, все действия осуществляются по заранее выработанному и установленному плану, так что митавский уездный начальник фон-Гротус, когда числа 25 июля к нему в канцелярию начали поступать сведения со всех имений и столбовых дорог, вынужден был воскликнуть в отчаянии: «Ведь социалисты действуют по такому же строгому плану, как японский маршал Ойяма!».

Совершенно верно, господин барон!

Эта забастовка выявила общественную силу такой мощности, что мурашки забегали по коже самых строптивых помещиков, и многие из них обещали немедленно выполнить все требования батраков и без дальних разговоров делали прибавку к летнему окладу жалованья в 5, 10 и 15 рублей. Многие из помещиков ни за что не пошли бы на уступки, но так как стояла летняя страда, бароны, скрепя сердце, были вынуждены признать требования стачечников. (NB. Общие требования сельско-хозяйственных рабочих не отличались от тех, какие были формулированы в выпущенных весной Центральным Комитетом прокламациях. Добавлены были только два пункта: «для каждого рабочего поселка, равно как и для батраков в имении выписывается по одному экземпляру газет по указанию рабочих» и, наконец, «драгуны и казаки подлежат эвакуации из имений». Отметим только тот факт, что как только забастовщики приближались к помещицкому замку, владельцы их со своими сподручными или убегали, или в отдельных случаях, выходили навстречу с покорностью ягнят. Так, напр., владелец им. Медне от-

дает свое оружие, жертвует 25 руб. на вооружение рабочих и угощает 300 чел. демонстрантов обедом и — невиданная милость! — раздает непрошеным гостям 100 сигар марки «Гаванна» *).

Но немедленно вслед за этим последовал такой ужасный вопль юнкеров, что обитатели Петергофского замка привскочили в испуге. «Revolution!» — вещал петербургскому полицейскому департаменту телеграф из Курляндии; «Revolution !!», каркала газета «Düna-Zeitung»; батраки отказываются косить рожь, «мятежники» отняли у барона Роэпенака ружье стоимостью в 200 руб. и у им. Гогенберг вступили в перестрелку с казаками! Правительство не замедлило спасти перепуганных курляндских юнкеров: 6 августа, как раз в день объявления Булыгинского проекта «Государственной Думы», — в «Правительственном Вестнике» было напечатано сообщение о введении *военного положения* в Курляндской губернии и назначении курляндским генерал-губернатором генерал-лейтенанта фон - Бекмана. Одновременно с этим было опубликовано правительственное сообщение о движении в прибалтийских губерниях, причем этот официальный документ местами кишмя кишел неправильностями и юнкерской ложью, давая, однако, в общем и целом яркое представление о си-

*) „Точно такой же тактики придерживались наши „земляки“ — арендаторы казенных имений. Известный Ново-Платоненский кулак Гауя „встречает демонстрантов с поклоном и громким возгласом: „Будьте здоровы, земляки! Вы головой выше маньчжурских воинов. Вы боретесь за свои убеждения, а те мобилизуются насильно“. Сказал также большую агитационную речь, но не в силу убеждения, а со страху“ („Циня“ № 18).

ле и мощи революционного движения. Правительство вынуждено было констатировать, что «под влиянием усиленной агитации социалистическое движение в Прибалтийских провинциях приняло открыто революционный и местами даже анархический характер и преследует своей целью уничтожение основ государственного и общественного строя», и что «революционные партии достигли того, что местами в Курляндской губернии социальная и политическая жизнь совершенно дезорганизована и нарушение государственного порядка возведено в систему». Юнкерская пресса ликовала по поводу того, что само правительство в своем сообщении якобы опровергает аграрно-экономический характер движения и причины его усматривает в «революционной агитации», и бароны впадали в *delirium tremens* от восторга по поводу распоряжения фон-Бекмана о том, что «мир и порядок будут водворены всеми возможными мерами воздействия». И в самом деле, введение военного положения в Курляндии сопровождалось усиленными репрессиями и исключительными насилиями юнкеров...

Могло показаться, что великое движение сельскохозяйственных рабочих Курляндии, кроме некоторых экономических облегчений, дало лишь военное положение и фон-Бекмана с его исступленными циркулярами и еще в большей степени исступленными деяниями баронского сословия! Или, может быть, в самом деле тактика деревенского пролетариата в этот момент была необдуманна. Не следовало ли ограничиться лишь мирной экономической забастовкой, без какого бы то ни было демолирования («очищения») волостных пра-

влений, сжигания бумаг и отбирания оружия и т. д.?— может быть в настоящее время поставлен вопрос отдельными лицами *). На это мы должны решительно ответить — «нет!». *Активно-революционная тактика*, перешедшая в открытое нападение не на отдельных представителей класса эксплуататоров, а против всего общественно-политического строя, против самодержавно-помещичьего режима в целом, была в то время *единственно правильной* тактикой. Стоит только вспомнить июль 1905 г., когда вся Россия была охвачена «пламенем революционного возмущения»: вслед за лодзинскими боями (8—11 июня) вспыхивает матросское восстание Черноморского флота — на мачтах «Князя Потемкина» развертывается красное знамя революции; про-

1) В одной из статей „Neue Zeit“ („Aus der Geschichte der lettischen Arbeiter-bewegung“) уже в то время некий Клейнберг недоуменно качает головой по поводу того, что во время стачек допущены „средства насилия“, что в результате забастовки было объявлено „военное положение“, что это было „подачей воды на мельницу противника“, вследствие чего менее сознательные рабочие „потеряли веру и отшатнулись от соц.-дем. партии“?! Тот же буквально мотив варьирует в своей статье „Взгляд на идейное направление“ („Циня“ № 100-юбилейный) т. Ск., когда говоря о забастовке с.-хоз. рабочих г. Митавы, он бросает фразу, что „здесь было бы весьма кстати бросить с высоты птичьего полета (!) острый теоретический взгляд на тактику борьбы, ибо это дало бы возможность заранее выбросить из „идей вооруженной борьбы“ те зародыши дезорганизации, которые впоследствии привели к боевизму“. Здесь приходится только пожать плечами и сказать, что те, кто „с высоты птичьего полета“ берутся судить о нашей революции, не поняли ее смысла и сущности.

исходят столкновения в Одессе, вспыхивают всеобщие забастовки в Николаеве, Екатеринославе, Харькове, которые в свою очередь имеют связь с революционным сигналом с «Князя Потемкина»; мощная экономическая забастовка рабочих Иваново-Вознесенского района венчается полным успехом; начинается брожение среди сухопутных и морских войск Российской монархии. Каждый день рвутся снаряды и раздаются револьверные выстрелы. «Колеблются устои самодержавия и падают его железные оплоты. Надвигается последний решительный момент» *).

И в городах Прибалтики грохот извергающих лаву вулканов. Спустя полгода после революционных побед происходят грандиозные празднования в честь павших 9 и 13 января товарищей; над заводскими трубами городов Риги и Либавы развеваются революционные знамена, и начатая в январе экономическая борьба возобновляется с новой силой. В одной только Риге бастует свыше 40.000 рабочих фабрик и заводов, к которым присоединяются строительные рабочие и трамвайные служащие. Борьба носила характер упорный и выдержанный: предприниматели не шли на уступки, отдельные забастовки тянулись от 6 до 8 недель (Балтийский вагонный завод), но в результате они увенчались известными достижениями.

Основным достижением этих забастовок являлись не экономические завоевания — центром тяжести был их революционно-политический характер, ибо фактически борьба шла за основные предпосылки пролетар-

*) „В огне восстания“ — прокламация Центрального Комитета, 35.000 экз., июнь 1905 г.

ского движения — свободу слова, собраний, союзов. Фабричные дворы и машинные отделения были обращены в политические аудитории и места собраний; чуть не каждый день приходилось отбивать нападения казаков и полиции, которые стремились разгонять собрания, устраиваемые под открытым небом; завоеванное «фабричное самоуправление» имело то значение, что предприниматели вынуждены были признать рабочую организацию и представителей. И вдруг появляются фантазеры, утверждающие, что, несмотря на бушующий океан революции, деревенский пролетариат мог оставаться в идиллической тени березовых рощ, что начатая полевыми рабочими забастовка должна была протекать в рамках узко-экономических требований!

Пролетарское движение в деревне само прокладывало себе путь со стихийной силой и в обязанности социал-дема. входило взять руководство движением в свои руки, не давать ему растекаться и идти бессознательным путем, а направлять его по верному и правильно определенному руслу. Положение момента требовало от пролетариата перехода от «пассивного сопротивления» к «активной борьбе», настало время дезорганизовать и уничтожить механизм старого строя и водворить на его место революционно-демократические органы власти. *Весь смысл революции заключался в ее перманентности (непрерывности) — Revolution in Permanent*, как это отмечал Каутский, говоря о важном историческом значении русской революции *).

Революционную работу нужно было начинать с основания и поэтому от движения в деревне требова-

*) „Neue Zeit“, 1905 г. Об ошибках, связанных с этим учением, см. журнал „Коммунист“ № 3—4, 1924.

лось уничтожение местных органов власти (волостные управления) с их гербами и бюрократически-полицейскими функциями, с целью расчистить место для революционных органов самоуправления. «Циня» по этому поводу писала следующее:

«Активная борьба необходима нам для того, чтобы сбросить свои цепи, уничтожить старый порядок, и еще больше необходима она для того, чтобы создать *новый государственный строй*, который не придет сам собой, но мы должны создать его собственными трудовыми руками. Чем дальше подвинемся мы в своей революционной борьбе, тем больше значения выпадет на долю активного действия. По мере возрастания наших сил с нас потребуется все больше и больше активного труда. Этого мы не должны упускать из виду: *победу укрепит не пассивное сопротивление, а активная, даже вооруженная борьба*».

Если латышская соц.-дем. рабочая партия стремилась добиться массового бойкота правительственных учреждений и чиновников, отказа масс от уплаты податей и выполнения распоряжений о мобилизации и т. д., то одним из радикальных средств осуществления этих задач было демолирование волостных правлений.

Приведем соответствующее место из той же газеты «Циня»:

«В первую голову необходимо дезорганизовать старые волостные правления, сделать их совершенно неспособными осуществлять те или иные мероприятия, — только тогда возникает необходимость и непосредственная заинтересованность в организации новых учреждений... Здесь мы не должны поступаться ни перед каки-

ми возражениями: пускай перепутываются все числа и данные о том, кто, где и когда родился, кому и когда явиться на призыв в действительную военную службу, сколько кому платить и сколько выполнять натуральных повинностей, — только таким путем мы в состоянии будем провести поголовный отказ от несения военной службы, податей и других повинностей. Мы не склонны отрицать, что, предавая пламени списки и регистрационные записи, в жертву революции будет принесен не один документ о наследственных правах и доходах отдельных представителей буржуазии, но пролетариат в своем революционном действии не может обращать внимания на подобные мелочи»...

Не будем упускать из виду, что такой же революционной тактики придерживались кавказские соц.-дем. в *Грузии*: бюрократические сельские учреждения были демонтированы и уничтожены, сельские администраторы отстранены, правительственные учреждения населением бойкотировались, местные органы самоуправления, суды и школы перешли в ведение революционных «крестьянских комитетов». Пример Грузии и «пассивное» сопротивление *финнов* всегда квалифицировались, как образец революционного действия, так объяснялись и так воспринимались крестьянами Прибалтийского края. Мобилизационные списки и списки призываемых на действительную военную службу в отдельных волостях были истреблены уже ранее (напр., в Асситенской вол., Курляндии), разгромлены были также казенные винные лавки (в им. Гробин), разбиты вдребезги и уничтожены царские портреты и гербы (м. Лубаны), но демонстрации батраков митавского уезда отличались тем, что

здесь действовали не отдельные группы революционеров, а революционные акты осуществляла масса в целом, заранее намеченный план революционной деятельности был приведен в исполнение в трехдневный срок и в 25 волостях одновременно.

Здесь говорили воля и сила массы.

«Издревле спокойное население «божьего уголка» поднялось и тысячными полчищами пошло осуществлять *свою волю!* Покорно переносившие семивековое рабство заставили трепетать своих поработителей. Из рода в род таскали их по правительственным учетным спискам, как податной объект и военный материал — и они обратили в пепел все эти списки. Наглядевшись до отвращения на царские портреты и гербы, они уничтожили и истребили это рабское барахло» *).

Однако, в стачках применялись средства насилия? — Совершенно верно, отвечаем мы, — как везде и всюду в революции. А революция — не шахматная партия, которую можно разыграть за стаканом чаю, а народная борьба за новый общественно-политический строй, к которому можно пробиться только массовым вооруженным восстанием. Мы знаем, что даже в конституционной Западной Европе забастовки часто порождают столкновения с полицией и солдатами (это происходит даже в столь дисциплинированной стране, как Германия, напр., моабитское восстание в Берлине в 1910 г.); в настоящее время, в тот самый момент, когда пишутся эти строки, в Англии объявлена всеобщая забастовка железнодорожников, и телеграф вещает, что

*) „Цигя“ № 19—, „Обзор революционных событий в Прибалтике“.

в Ливерпуле, Кардифе и др. местах забастовщики с дубинами и камнями вступали в бой с полицией и что в силу попытки саботажа железнодорожная линия охраняется солдатами и т. д. Если это происходит в Англии с ее широкими демократическими свободами и притом в период мирной экономической забастовки, то каким образом грандиозная забастовка сельско-хозяйственных рабочих в 1905 г. могла бы протекать без стычек с казаками и поджогов помещичьих зданий? В это время открыто разыгрывалась революция, «критика оружия» заменялась «оружием критики», и материальная сила подлежала уничтожению материальной же силой. Рождались и будут еще нарождаться марксисты, которые, охладев после революции 1905 г., увидят в тактике борьбы 1905 г. одни только тенденции «анархизма и боевизма». Но им необходимо посоветовать почитать самого Маркса, где он пишет о революции 1848 г. На этот раз ради примера приведу одну только цитату: «...Каннибализм контр-революции сам по себе убедит народы, что единственное средство сократить палаческие конвульсии старого и облегчить, упростить и концентрировать муки рождения нового общественного строя, это — революционный терроризм» *).

Признавать необходимость вооруженной борьбы в период открытой революции — не значит, вместе с тем, признавать террористическую деятельность боевиков и

*) „Aus dem litterär. Nachlass von Karl Marx und Fr. Engels“ Stuttgart 1902, Bd. III, 199 стр. Понятно, что под „революционным терроризмом“ Маркс понимает не сепаратное нападение отдельных „боевиков“, а вооруженное выступление народных масс.

экспроприаторов в упадочное после революции время. Тактика пролетариата должна быть приурочена к различным условиям борьбы: что являлось необходимым и пригодным в 1905 г., это, с изменением общественно-политической ситуации в 1906—1907 г. г., могло приносить лишь вред в деле организации масс. И здесь мы не должны упускать из виду глубокой разницы между массовой вооруженной борьбой в 1905 г. и действиями «боевых дружин» в 1906—1907 г. г. Там в период восходящего революционного движения проявлялся вооруженный массовый отпор самодержавию и помещичьей власти, здесь — сепаратно организованные нападения, в большинстве своем не имеющие ничего общего с революционной борьбой пролетариата; там революционные акты осуществляются действием самих масс или под их непосредственным контролем, здесь — проводятся самими боевиками на собственный страх и риск без ведома организации и притом зачастую (как, напр., «экспроприация») в личную пользу самих экспроприаторов; там вооруженный массовый отпор вносит дезорганизацию в ряды противников, здесь — террор ослабляет и разрушает нашу собственную организацию. Этим я вовсе не хочу бросить камень упрека на могилы убитых «лесных братьев» и «боевиков», ибо их поступки понятны и объяснимы в связи с наступившим периодом ужасов контр-революции. Однако, необходимо еще и еще раз подчеркнуть незывлемые уроки истории, в свете которых террористический метод борьбы, применяемый в Прибалтике в период революционного отлива, оказался вредоносным для организованной массы. — И это не секрет, что в 1905 г. проис-

ходили случаи террористических нападений, ни в коем случае не допустимые с точки зрения соц.-демократии. Но необходимо отметить, что зачинщиками этих актов являлись люди, находившиеся вне организации и использовавшие для своих корыстных целей революционную маску, и что в период революционной борьбы не представляется возможным обойтись без шероховатостей, так как частичные случаи несоразмерного действия, излишества и неожиданностей абсолютно неизбежны *).

Нашим противникам,—правду сказать,—приходилось удивляться дисциплинированности латышской соц.-дем., сумевшей грандиознейшее движение народа удерживать в определенных границах, не допуская никому ненужных бесчинств, и если, однако, имели место случаи необдуманного выстрела и ненужного поджога, то мы не должны забывать, что эти факты — капля в море по отношению к тем кровавым оргиям, какие справляли в период контр-революции царское самодержавие и помещики прибалтийских провинций...

Но, однако, введение в Курляндии военного положе-

*) Митавские товарищи, участвовавшие в событиях того времени, по всей вероятности, не забыли прокламации, выпущенной под заглавием „Телята“ (в прямом переводе — „Телята — не мужья“ *Пер.*), где в настоящем стиле „боевиков“ высказывались угрозы „взять на веревку“ и т. д. Подобные приемы борьбы не были санкционированы постановлением организации, и террористические фразы были пущены на собственный страх и риск одним из членов митавского комитета, потерявшим в революционном угаре необходимое чувство самокритики. Однако, необходимо свидетельствовать, что работники нашей организации всегда сознавали всю ответственность за свои поступки.

ния было следствием стачек сельско-хозяйственных рабочих? — могут задать вопрос. Совершенно верно, но, начав открытую борьбу с самодержавием и помещиками, мы и не думали утаивать от масс, что наши противники не пойдут на добровольные уступки и используют в борьбе с нами все имеющиеся в их распоряжении средства. И в данном случае оставалось одно из двух: или отступить самим и продолжать нести попрежнему смиренно тиранический гнет, или — наперекор угрожающей опасности, — двинуться вперед по пути борьбы не на живот, а на смерть. Пустой, беспочвенной спекуляцией является утверждение, что — не будь демонстраций и «очищения волостных правлений, — забастовщики с.-хоз. рабочие не испытали бы на своей шкуре военного положения. Висят ли портреты Николая Романова в домах волостных правлений, или демонстранты их топчут в грязь своими сапогами, — курляндским юнкерам равным счетом было безразлично: о военном положении они взывали только потому, что батраки имений в самую страду отказывались косить и выставляли свои требования. Из хроники революционных событий Лифляндской губернии видно, что она так же богата забастовками, как и Курляндия, но так как здесь не было таких широко-организованных забастовок с.-хоз. рабочих, то гроза военного положения Лифляндии не коснулась вовсе. С назначением и приездом в Митаву Бекмана начался *юнкерский террор* в Курляндии. Вновь испеченный генерал-губернатор прославился своими дикими циркулярами, которые он велел расклеивать на всех углах улиц города. В них высказывалась угроза, что генерал-губернатор «водворит поря-

док самым крутыми мерами», что «виновные» будут преданы высшему наказанию военных судов и т. д. Самыми опасными нарушителями порядка Бекман считал велосипедистов и строжайше воспретил езду без особых на то разрешений полиции. Сильнейшими устоями государства, по мнению курляндского генерал-губернатора, были телефонные столбы помещиков, и их приходилось охранять населению, как зеницу ока (каждый опрокинутый телефонный столб губернской администрацией был оценен в три тысячи рублей, и штрафы в размере этой суммы, помноженной на количество сваленных столбов, были распределены равномерно между всеми членами Гробинской, Цирауской и Сельпильской волостей); кроме того, волости приходилось охранять всех и вся: мосты и переправы, казенные винные лавки и волостные правления; в отдельных случаях для охраны наряжали от 10 до 18 человек, т.-е. значительно больше, чем это требуется для охраны порохового склада или арсенала, но так как, по мнению курляндского генерал-губернатора, охраны все еще было недостаточно, то им были организованы специальные дворничьи отряды и отряды «людей с бляхами» в городах Митаве, Либаве и Виндаве (по два человека на десять домов, которым в 10 час. вечера вменялось в обязанность закрывать все входы и выходы). Само собой разумеется, что оружие у крестьян подлежало реквизиции, не исключая и испорченных, ни на что не пригодных, охотничьих ружей и кухонных ножей *).

*) Здесь можно привести анекдотичный по своему содержанию факт из событий тогдашнего „военного положения“. На усадьбу одного из хозяев Нигранденской волости

Эти бюрократические циркуляры, несмотря на их беспощадный и грозный характер, способны были вызывать только насмешки и остроты и никоим образом не внушали уважения местного населения к властям. И, в самом деле, все ужасы «военного положения» исходили не из канцелярии генерал-губернатора, а как всегда — из кровавой юнкерской самодеятельности. Курляндские крестьяне были отданы на безграничную расправу помещикам. Отметим только имена таких негодяев и злодеев, как князь *Ливен* и брат пастора Гогенбергской церкви *Рудковский*, которые впоследствии явились организаторами карательных экспедиций. В погребах им. Букайш уже в августе 1905 г. был учрежден юнкерский «музей», где изо дня в день пойманных в окрестностях имения крестьян без всякого допроса и следствия так избивали нагайками, что все подвальное помещение было забрызгано кровью...

Бесшабашный разгул юнкерства достигал таких размеров, что этот же самый Ливен со своими драгунами осмелился среди бела дня произвести нападение на м. Жагоры (значит, в пределах совершенно другой губернии — Ковенской!), избить до крови нагайками людей, захватить пленных и уйти безнаказанно. Всплывали наружу и другие атрибуты рыцарского благородства и

произвела налет полиция и отобрала все кухонные ножи. Когда наступила осень и нечем было колоть свиней, пострадавший хозяин обратился с письменным ходатайством к курляндскому генерал-губернатору, чтобы тот выслал для убоя свиней специального чиновника. Фон-Бекман в священном гневe отдал распоряжение посадить хозяина за подобное прошение под арест на целых три месяца.

морали: в этих разбойничьих набегах особое внимание наездниками обращалось на то, чтобы захватить дорогою батрачку или пастушку и доставить их в имение, где «светлейший» князь Ливен и брат священника Рудковский поочередно с казаками их *насиловали*...

Имели место и такие скотские сцены, что тот же Рудковский и «почетный полицейский» насиловал женщин, не стесняясь присутствием полицейских чиновников *). Здесь во всем свете и величии выявляются фигуры юнкерских «культуртрегеров», гербы которых недаром изображают звериные головы и хвосты...

«Военное положение» разнуздало инстинкты не только одного Ливена. В каждом уезде находились такие же бароны, слава которых гремела на всю окрестность. Особенно пострадали крестьяне Митаво-Бауского уезда, так как использовывался случай отомстить батракам за пережитый помещиками в период общей забастовки ужас и вынужденное повышение жалованья. Насилия юнкеров и драгунов доходили до того, что крестьяне не осмеливались выходить на дорогу; деревенские революционеры обращались в объект охоты. Так, напр., был загнан в реку и драгунами расстрелян в Грюнгофской волости соц.-дем. агитатор Линдерман; усадьбы подвергались обыскам и грабежам; в Митавской тюрьме уже не хватало места для захваченных мятежников, которые, связанные и избитые нагайками доставлялись юнкерскими полицейскими и, несмотря на это, организация латышской соц.-дем. партии не могла быть уничтожена и с неослабной энергией продолжала

*) „Циня“ № 22. Неудивительно, что после подобных бесчинств замок графа Ливена был уничтожен до тла.

соц.-дем. пропаганду, в особенности среди тех, кого как раз великая забастовка сельско-хозяйственных рабочих приобщила к революционной борьбе, — и если в окрестностях Митавы массовая борьба не в состоянии была выявиться открыто, то все же огонь революции ползал по земле и, постепенно увеличиваясь, вспыхивал время от времени ярким пламенем. Так, напр., в Дондангене, несмотря на крупные драгунские и казачьи отряды, об'явленная мобилизация не была выполнена, и призванные ратники на призыв не явились. Численность и сила соц.-дем. организации во всей Курляндии безудержно возрастали и крепились.

Казалось, что «военное положение» Курляндии достигает как раз обратных своей цели результатов и раздувает революционный пламя в городах. «Как только была об'явлена мобилизация, — повествует «Циня» в своем 20 номере, — все либавские рабочие по призыву Центрального Комитета бросают работы (16 августа). Остановились трамваи, бастовали даже пожарные, и базарная площадь оставалась необработанной. В железнодорожных мастерских состоялся рабочий митинг, откуда его участники двинулись на проволочную фабрику, где было назначено собрание всех либавских рабочих. Туда как раз направлялись под красным знаменем в демонстративном шествии 2½ тысячи портовых рабочих. Над проволочным заводом развевались два красных знамени и под ними проходило собрание 10.000 рабочих... В среду, после обеда, здание проволочного завода заняли солдаты. Несмотря на это, в четверг утром (около 6 ч.) рабочие ворвались в завод и вынудили солдат покинуть здание. После речей, про-

изнесенных на латышском и русском языках, вся трехтысячная толпа с криками — «долой самодержавие!», «долой мобилизацию!» — вышла на улицу. Такое несоблюдение «военного положения» заставило офицера с полуротой солдат лишь разводиться руками и хлопаться ушами.

При явке на призыв ратники ополчения вступают в столкновение с казаками. Казачий офицер дает команду рассыпаться лавой, но ему в голову попадает камень. Казаки пускают в работу обнаженные шашки, покуда не раздастся из окна первый револьверный выстрел. По домам рабочих открывается винтовочный огонь. На улицах идет избиение стариков, женщин и детей штыками и шашками. Результат столкновения — 10 павших и 60 раненых. Потери казаков не указаны.

Объявленная в августе мобилизация в Прибалтике рассматривалась, как предстоящая генеральная схватка с силами правительства, но весть о перемирии в день мобилизации ослабила напряжение протеста. Вести о перемирии приглушили огонь революционного энтузиазма масс и в г. Риге, где была объявлена всеобщая забастовка.

«Перемирие с Японией заключено, — гласит воззвание Рижского комитета. — Если за ним последует мир, то это заслуга революционного пролетариата. Проведение мобилизации продолжается, ибо не закончена еще война с врагом внутренним. Мы, рабочие, не станем заключать ни мира, ни перемирия. Мы будем готовиться к борьбе, к последнему бою».

Царское правительство закончило свою неудачную борьбу в степях Маньчжурии с большими для себя поте-

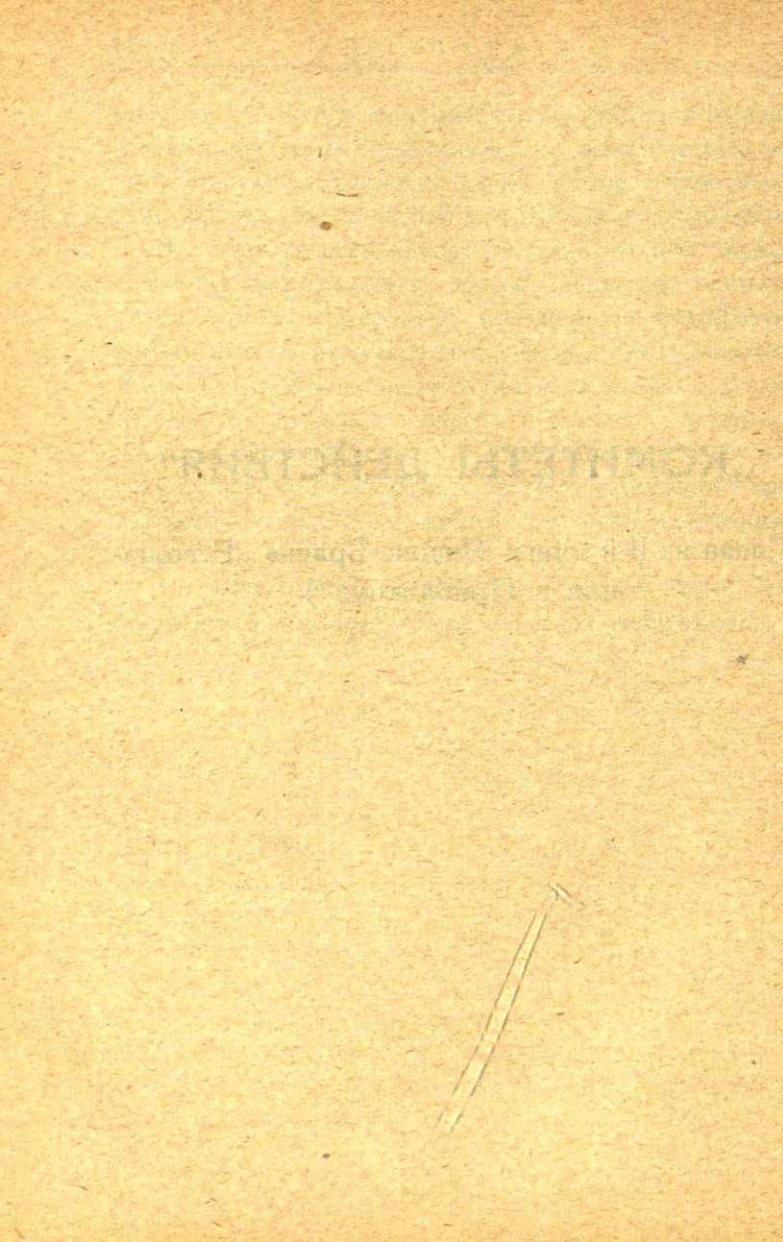
рями, но это ничуть не помешало ему начать в городах России, фабричных поселках, на железнодорожных узлах такую же тяжелую борьбу, которая в октябрьские дни привела к *полной катастрофе правительства.*

И в этом революционном действии русского народа одним из застрельщиков явился *латышский сельский и городской пролетариат.* В исторические октябрьские дни он стоял в первых рядах бойцов с самодержавием. Железным революционным молотом он разбивал в щепки замки балтийских юнкеров и показал невиданную до сих пор солидарность, сознательность и боевую спайку, почему впоследствии на долю латышского пролетариата выпала самая жестокая расправа контр-революции.

Но могилы павших являются залогом того, что *достигнутая народом победа не будет уничтожена.*

„КОМИТЕТЫ ДЕЙСТВИЯ“

(Глава из II-й книги Янсона-Брауна „Революция в Прибалтике“).

От переводчика.

Летом 1914 года латышской социал-демократией была отпечатана и подготавливалась к выпуску в г. Брюсселе (Бельгия) 2-я часть книги Янсона-Брауна «Революция в Прибалтике». По своему объему 2-я часть книги была вдвое больше 1-й части, дававшей очерк этапа революционного движения за период до заключения русско-японского мира (23 авг. 1905 г.). События, последовавшие за заключением мира, ознаменовавшиеся попытками царского правительства удушить революционное движение и новой вспышкой его, закончившейся кровавыми «октябрьскими днями» и небывалым еще потрясением основ самодержавия, изложены во 2-й части книги.

В этом своем труде, помимо изложения фактической стороны событий, автор, согласно его письма в редакцию газеты «Страднекс», выходившей в Америке, давал также «изложение, анализ и критическую оценку тактики нашей партии в период революционной борьбы».

Стремясь охарактеризовать революцию 1905 года с возможной полнотой, во 2-й части своей книги Янсон-Браун приводил много исторических документов, фактов и дат, которые, согласно автору, должны

были дать читателю не только ясное представление о трактуемых событиях, но предоставить полную возможность ему самому, руководствуясь фактическим материалом, выявлять и проверять свои взгляды на историю великой борьбы 1905 года.

Империалистическая война поставила непреодолимые препятствия к выпуску 2-й части книги Янсона, и она продолжала оставаться в неброшюрованном виде в брюссельской типографии, где, по имеющимся у нас сведениям, погибла в дни германского наступления на Бельгию.

Архиву латсекции Коминтерна до сих пор не удалось отыскать ни рукописи, ни оттисков этой книги. Они, весьма вероятно, погибли вместе с автором, возвращавшимся из эмиграции в Россию весной 1917 года на английском корабле, потопленном германской подводной лодкой.

В силу вышеизложенного мы в состоянии привести здесь лишь небольшую выдержку из 2-й части книги безвременно погибшего революционера-бойца и идеолога латышской социал-демократии, помещенную в приложениях к двум номерам газеты «Страднекс» от 29 мая и 16 июня 1914 года.

Эта выдержка будет иметь, по нашему мнению, интерес для русского читателя, так как она касается одного из кардинальнейших вопросов революции — создания новых органов власти, так называемых, «комитетов действия» (зародыши советов рабочих и крестьянских депутатов) и их роли «в революционном самоуправлении».

В этой же выдержке тов. Янсон-Браун вскрывает политические интриги местных помещиков и администрации, обострившие, в свою очередь, «непредотвратимый конфликт» и приведшие к крестьянской войне и кровавой расправе с помещиками.

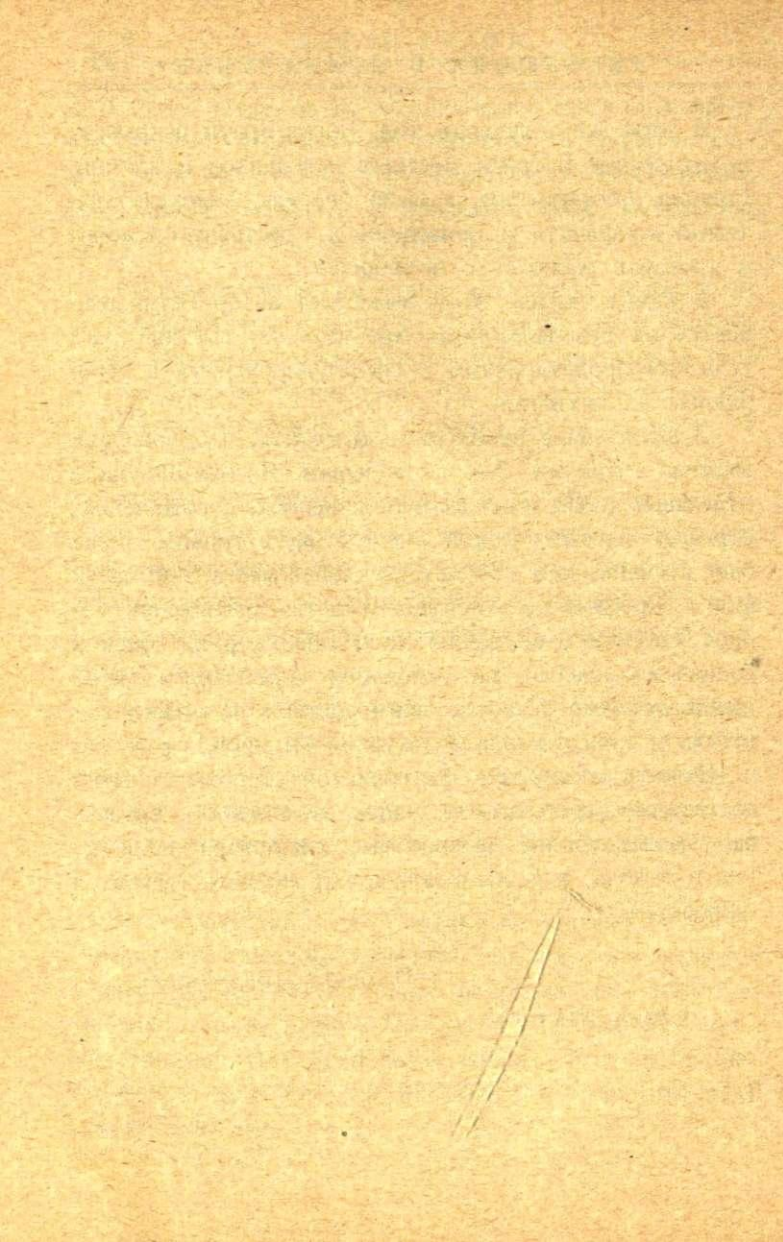
В самом начале этой выдержки автор останавливается на революционных требованиях, выставленных сельским пролетариатом и сформулированных в резолюциях на митингах.

В заключение необходимо отметить, что нижеприводимая глава из 2-й части книги Янсона-Брауна в отдельных своих выводах и положениях, к сожалению, страдает идеологической шаткостью в гораздо большей степени, чем соответствующие места 1-й части книги (пресловутая «перманентность» революции, вопрос тактики вооружения масс, оценка роли русской социал-демократии, на основании «показаний» меньшевистствующего Парвуса—впоследствии злостного ренегата и прислужника буржуазии—и проч.).

Однако, изложение фактической стороны событий достаточно верно, чтобы «дать возможность читателю» делать вполне независимые от автора заключения и выводы, в особенности в тех случаях, где автор ошибается.

П. Свирис (Блумфельд).

1 июля 1924 года.

...Казалось, настало время, когда народ похоронит свое рабское прошлое навеки. Казалось, что настал день великого воскресенья — навстречу свободе, счастливому, заманчивому будущему.

Отпали рабская трусость и застенчивость, сокрылись своекорыстие и подхалимство.

Восторженным геройством и уверенностью в победе искрились глаза, самоотверженностью борца бились сердца народных масс. Великая богиня свободы с факелом в высокоподнятой руке проходила страну. Сила ее освободительного света убивала призраки прошлого. Перед ее светом убегали тени недавнего рабства и насилия...

Тяжесть, давившая доселе грудь народа, была отброшена, все обиды и горечь, накопившиеся в ряде веков — открыто выявлены, обжалованы.

На народном собрании в старом Гробинском дворце вспомнили, что в этом же помещении двести лет тому назад Курляндский ландтаг вынес постановление, по которому крепостному за попытку бегства в третий раз «отрубается нога», после чего он по воскресным дням выводится к церкви, напоказ, дабы никому из «мужиков» не повадно было («Денас Лапа», № 247). Невольно все это воскресло в памяти. Не были забыты

ни кнут хищника-помещика, ни юнкерская нагайка времен позднейших. Однако, в первые дни свободы никто не помышлял о мести и расплате. Как всегда, в дни побед и революционного восторга, народ отличался благородством по отношению к своим врагам, не желая омрачать свою победу насилием. Уже в первые дни митингового движения в деревне «Денас Лапа» писала:

«Никакого насилия, никаких поджогов и погромов! Мы должны быть благородными и покончить все старые счета. Мы сами должны заботиться о том, чтобы в осенние ночи уже не вспыхивали пожары и не раздавались револьверные выстрелы. Это мы должны соблюдать, хотя бы даже с той целью, чтобы выбить из рук врага возможность повторять, что управиться с латышским крестьянином иначе не представляется возможным, как только при помощи казаков и урядников, ибо в противном случае он подвергает опасности жизнь немцев и их имущество. Теперь мы добьемся своих прав при помощи открытой борьбы, а не нападений из-за угла».

И—в самом деле—начиная со дня манифеста 17 октября вплоть до середины ноября в деревне совершенно приостанавливается партизанская борьба. Прекращаются не только нападения на помещиков, но народные массы крепятся в своем «воздержании» настолько, что не отвечают даже оружием на налеты драгун и самоохранников. Все были глубоко убеждены в том, что почетные юнкерские полицейские будут промышлять недолго и что народ вынудит помещиков выполнить пред'явлен-

ные им требования иными средствами—орудием массового воздействия: бойкотом и стачкой.

Наступление революции широким развернутым фронтом давало лучшие надежды на благоприятный исход ее, народные силы казались неисчерпаемыми, и бесчинства отдельных юнкеров по сравнению с ними походили на беззубое твяканье озлобленных шавок, на которых и внимания обращать не приходится. Общее настроение деревенских народных масс вполне отражено в резолюции, принятой на митинге в Ледебурге:

«Мы рассматриваем свободу не как насилие и не намерены прибегать к самочинству ни в отношении отдельных лиц, ни их собственности, но не потерпим, однако, никакого насилия и по отношению к нам («Денас Лапа», № 244).

Первые дни обретенной свободы являли собой момент, когда балтийские юнкера имели полную возможность войти в соглашение с народом и, выполнив его требования и отказавшись от своих привилегий, оставаться в качестве обыкновенных смертных и обладателей своих обширных мызных владений. Правда, многое пришлось бы им терять, но зато они спасли бы свою собственность и жизнь, обеспечили бы свое личное благополучие и—в будущем—интересы своих семей. Конечно, из соображений великодушия ни один из правящих классов на протяжении всей истории не отказывался от преимуществ, даваемых властью (в великую французскую революцию феодальная аристократия пожертвовала своими привилегиями только тогда, когда в ночь на 5 августа огненная стихия на-

чала поглощать их дворцы). К тому же на великодушные юнкеров никто не рассчитывал; разве только на некоторую долю политической прозорливости и практического соображения: для балтийских юнкеров настала пора, наконец, понять, что для них нет иного спасения, кроме уступок перед требованиями народных масс, что их замки не удержатся в волнах свирепой революционной стихии, захлестывающей их со всех сторон.

Война, или мир? — последний раз поставила перед ними история непредотвратимый вопрос и предоставляла время на размышление и спасение, но *балтийские помещики в своей реакционной близорукости остановили свой выбор на войне.*

После манифеста 17 октября административные власти в Прибалтике на время потеряли совершенно голову и начали, наконец, придерживаться более или менее конкретно истинного смысла законов. Лифляндский губернатор не ставил никаких препятствий к устройству митингов, а затем — грандиознейших народных собраний; курляндский губернатор фон-Бекман был весьма озабочен, чтобы не происходило срыва митингов и собраний, чтобы не мешали на них выступать агитаторам и ораторам социал-демократической партии. Точно также действовали нисшие административные чиновники. Так, например, начальник Рижского округа Жилинский отдает распоряжение всем волостным правлениям о немедленном ознакомлении всего населения с содержанием манифеста. И если кто плевал на «Высочайший манифест» и «непреклонную волю» (слова манифеста) царя Николая, то это

были лояльные и верноподданнейшие слуги правительства — балтийские помещики. Собrania и митинги были разрешены и согласно смысла манифеста 17 октября, и согласно об'явлений местной губернской администрации. Однако, срывать собрания и разгонять их при помощи вооруженной силы считали своим священным долгом юнкерские «почетные полицейские» при содействии драгун и казаков. Сами юнкера считали своей величайшей заслугой то, что они немедленно после опубликования манифеста начали «неутомимую борьбу»: не зная отдыха, днем и ночью разгоняли они собрания, на которых в «пламенных речах» агитаторы проповедывали народу, что «настало время свободы». Это — само собой ясно, — бароны рассматривали, как величайшее преступление. Военачальники — русские офицеры отошли на второй план *) и командовать и дрессировать солдат начали разъяренные балтийские самоохранники. Власть местной полиции была совершенно парализо-

*) Некто Альбовский, русский офицер, принимавший участие в подавлении революции в Прибалтике, передает свои впечатления и наблюдения в журнале „Русская старина“. Он пишет: „После опубликования манифеста 17 октября в Курляндии воцарился полный хаос. Всюду происходили манифестации и митинги. Из Митавы начали поступать распоряжения о постепенном ограничении и сдержании народной волны. Полиция и военачальники в буквальном смысле слова — оторопели и не отдавали себе никакого отчета, когда „разгонять“, когда пускать в дело оружие и когда „уничтожать без предупреждения“. Местная полиция совершенно потеряла свой авторитет тем более, что бароны, ее возглавлявшие, никогда не пользовались доверием местного населения“. (Цитировано по газете „Дзимтенес Вестнесис“, № 176—1912г.).

вана, волостные должностные лица перестали оказывать ей какое бы то ни было содействие, ибо сами были подхвачены революционной волной — и опешившие юнкера воистину не знали за что ухватиться и на чем держаться. Высланные патрули драгун обыкновенно спокойно и равнодушно созерцали собрания и митинги и пускали в дело оружие лишь только тогда, когда ими командовал кое-кто из «почетной полиции». 4 ноября в Ново-Пебальге было назначено народное собрание, на которое неожиданно явился «бывший» уездный начальник Иванов в сопровождении вооруженных черкесов и совместно со своим помощником Витолом и казаками начал демонстрировать «свободу собраний» и «неприкосновенность личности». В воздухе сверкали шашки и свистели нагайки. Люди бросились бежать. Казаки преследовали бегущих («Денас Лапа», № 248). В следующем (249) номере газеты «Денас Лапа» читаем сообщение из Альт-Ауцена: 6 ноября на митинг прибывает офицер в сопровождении 22 вооруженных солдат и отдает распоряжение — разойтись. Народ расходится, но полоумному офицеру хочется показать свою власть, и он отдает распоряжение стрелять. От залпов пострадали 12 человек, часть их — тяжело ранены. При этом необходимо отметить, что собрание это было заблаговременно афишировано и на него имелось письменное разрешение полиции («Денас Лапа», № 249).

В 250-м номере той же «Денас Лапа» помещено сообщение о том, что Айзупенский почетный полицейский Бредерих отдает распоряжение драгунам арестовать в Цюрау делегата «Объединенного комитета соц.-демократии Либавы», но, по настоянию народа, вынуж-

ден его освободить. В тот же день (6 ноября) в Кокенгузене один из местных помещиков (фон-Петерсен) грозит расстрелом в случае, если организаторы митинга не отдадут ему своих красных знамен («Денас Лапа», № 250). Такие и тому подобные сообщения начинают поступать отовсюду.

Официальный юнкерский орган «Düna-Zeitung» не дает даже намек своим охранникам о том, что их действия архинезаконны и самочинны и могут привести к опасным столкновениям. Наоборот, немедленно после 17 октября он начинает неистовым карканьем призывать балтийцев к вооружению. Мало уже одной самоохраны. Наряду с этой организацией трусов, в Риге создается еще одна самоохрана под названием «соседская помощь» (Nachbarhilfe), которая основана и освящена в помещении большой гильдии 29 октября*).

*) Оказался и один „белый воробей“ среди рижских немцев, который осмелился высказать мнение в „Rigasche Rundschau“, что вся эта „соседская помощь“ весьма и весьма ненадежное предприятие. „Если этим преследуется цель выступить против „террора“, то почему ни слова не было обронено среди рижских немецких бюргеров, когда замечались попытки организовать еврейский погром в Московском форштадте Риги. Если-же имеется ввиду социал-демократический „террор“, то не следует, однако, забывать, что в период генеральной забастовки не было ни одного грабежа и ни одного убийства. Эта создаваемая бюргерская гвардия может разве только вызвать злобное порицание или— в недобрый час— братское кровопролитие. Этого не следует упускать из виду. Точно также не следует забывать того, что благодаря только социал-демократам мы добились гражданской свободы“ (Цитировано по газете „Денас Лапа“, № 245—1905 года).

И в самом деле, эта «соседская помощь», со своими пистолетами, свистками и колотушками пригодна была разве только для увеличения паники среди рижских немецких бюргеров и неоднократно, гонимая вечным страхом, приводила в трепет и ужас рыцарских немецких франтов (как, например, во дни второй всеобщей забастовки 25—29 ноября). Несмотря на это, газета «Düna-Zeitung» в каждом своем номере неистово вопила о необходимости вооруженной бюргерской гвардии, войска и оружия. Все это могло только привести к сильному возбуждению людей и раздуть безграничные толки о вооруженной армии немецких телохранителей — «черной сотни». Сами бароны совершенно лишились рассудка и творили все, что могло только воспламенить народный гнев и злобу. Освобожденные по амнистии из Виндавской тюрьмы несколько человек крестьян были немедленно снова арестованы в Дондангене за то, что они, проезжая имение, выкинули красное знамя и крикнули: «Да здравствует свобода!» («Денас Лапа», № 237). Но в царстве барона Остен-Сакена этого было недостаточно: содержащиеся им драгуны еще после 17 октября производили обыски, вторгались в крестьянские усадьбы, забирали сено, клевер и овес, причем в один из таких налетов избили до полусмерти 70-ти летнюю старуху («Денас Лапа», № 252). Всюду еще царит безграничное кулацкое право юнкерства, и «благородные» хулиганы твердо уверены в том, что с крестьянской свободой и жизнью можно расправляться по прихоти. Несдерживаемое возбуждение в этот критический момент вызвала хулиганская выходка Альт-Шваненбургского

барона Манфреда фон-Вольф *), который 29 октября, лично вызвав к себе в замок крестьян для переговоров об условиях продажи хуторов, почему-то вдруг, в безумном испуге выбежал навстречу народу и без всякого предупреждения открыл стрельбу в собравшихся, ранив двух батраков, причем одного тяжело. Это вызвало такое возбуждение крестьян, что барон-убийца чуть было не попал под суд Линча: только под защитой казаков удалось ему бежать от расправы в имение Стамернсгоф **).

Еще не улеглось возбуждение по поводу кровавой расправы барона Вольфа, как газеты принесли сообщение о событиях в Рингмундсгофе. 4 ноября сюда является рижский уездный начальник в сопровождении драгун и начинает по усадьбам охоту на людей, причем захватывает 3 членов «комитета действия» и местного учителя. Весть об арестах разносится с молниеносной быстротой по окрестностям Рингмундсгофа и вскоре

*) Этот Манфред фон-Вольф — всем известный „Дикельнский волк“, столь прославивший свое имя впоследствии, в период карательных экспедиций. О нем еще будет речь впереди.

**) См. „Momentbilder aus den Tagen der sozialdemokratischen lettischen Republik“, „Düna Zeitung“, № 12 — 1906 г. Фон-Вольф сейчас же после своей палаческой выходки, даже не вымыв окровавленные руки, написал в свой орган — „Düna Zeitung“ корреспонденцию, в которой ложно утверждает, что один из „мужиков“ треснул его в ухо и что он стрелял не в крестьян, а в двух замеченных им в толпе безземельных батраков, из которых один привлекался в свое время к ответственности за „конокрадство“. Стало быть, стрелять в безземельных барон считает своим неотъемлемым и вполне законным правом...

имение переполняется народной толпой, являющейся на защиту своих выборных. Многие на всякий случай захватили кое-какое оружие, были вооружены вилами. Требования об освобождении арестованных раздаются все громче и громче, толпа ждет уже свыше 5 часов. Вдруг с верхнего этажа дворца раздается два сигнальных выстрела, данных бароном Раутенфельдом, и солдаты открывают огонь. К счастью, в толпе пострадавших не оказалось, но людей охватила такая злость, что «господа» самым неприкрытым образом струсили и освободили арестованных.

Так в своем сумасбродстве юнкера разбрасывают горящие головни, от которых загораются их же роскошные дворцы (в том числе и Рингмундсгоф).

Балтийские бароны не желали идти путем какого бы то ни было взаимного соглашения с крестьянскими массами. Наоборот, они нарочно вызывали столкновения, с целью ускорить катастрофу, надеясь в таком случае на введение *военного положения*, на вольную расправу с непокорными и на сохранение своего положения и привилегий в неприкосновенности. Отдельные почетные полицейские (напр., Бредерих, фон - Петерсен, Брюммер и др.), действовали явно провокационным образом в надежде на новые кровопускания у населения. Только социал-демократия всюду удерживала массы от опрометчивых шагов, и газета «Düna-Zeitung» впадала в отчаяние, что в отдел «революционной хроники» не поступает сообщений о партизанских налетах и поджогах *).

*) С этими поджогами творились загадочные вещи. Во многих местах население было уверено в том, что поджоги

Газете «Düna-Zeitung» приходилось относить в рубрику «террористических актов» такие «преступления», как расстрел собаки венденского уездного начальника Румеля! Однако, если террора не было, его приходилось выдумать, ибо нормальное течение жизни в русле манифеста 17 октября было для балтийцев делом нетерпимым. Была изобретена отвратительная интрига — одна из тех интриг, в которых балтийское рыцарство не знало конкурентов, — началось шептание между юнкерскими верховодами и местными губернаторами, и сам маршал лифляндских помещиков фон-Мейендорф отправился в Петергоф. Использованы были не только личные связи наших юнкеров при царском дворе, но в качестве правозащитника был привлечен, между прочим, и немецкий Вильгельм. Так, например, в берлинской «Nationalzeitung» появилась статья из «достоверных источников», что руководители революционной партии *Польши* вошли в соглашение с вождями революционного движения в *Латвии* и поставили своей задачей «выделение из состава русского государства польской, литовской и балтийской провинций»!! И газета «Düna-Zeitung» многозначительно намекала своим читателям, что «в немецких правительственных сферах помимо польского вопроса уделяется не менее серьезное внимание вопросу *революционного движения в Прибалтике*»...

Газета «Денас Лапа» немедленно вскрыла всю ложь происходили не без ведома помещиков, из за страхово́й премии... На многих митингах (напр. в Лоддигере) выносились резолюции о необходимости тщательного расследования этих подозрительных поджогов.

этих политических сплетен. Она еще раз подчеркивала, что в требованиях латышской социал-демократической партии нет ни звука об отделении балтийских провинций от России.

«Мы подобное требование считаем нежелательным и непрактичным, находим его лишенным всякой критической оценки, политической фантазией, иначе незачем было нам выступать совместно с русскими прогрессивными элементами с требованием созыва «учредительного собрания», которому надлежит выработать основные законы для всей России...

Что касается балтийского вопроса в отдельности, то мы требуем только широкого *местного самоуправления* вместо существующего и ни на что непригодного помещичьего ландтага... Мы могли бы с полным правом проходить молча мимо политической сказки «*Düna-Zeitung*», но, к сожалению, эта глупая басня имеет свой смысл — в ней скрыта самая сумасбродная провокация, и она имеет своей целью введение в Прибалтийских губерниях такого же *военного положения*, какое осуществляется в настоящее время в Польше»...

Эта интрига, само собой ясно, подготавливалась без ведома местных властей. 3 ноября лифляндский губернатор созвал в своем дворце с'езд волостных представителей рижского уезда. В повестке дня стоял вопрос о текущем моменте, и губернатор Звегинцев и комиссар князь Кропоткин обратились к собранию с вопросом, чтобы оно «указало средства, коими можно достичь успокоения возбужденных умов». Представители волостей устроили отдельное собрание и в самый непродолжительный срок наметили те требования, кото-

рые выносились всюду на массовых собраниях: демократическое волостное самоуправление, прогрессивный подоходный налог, свободная школа, отмена патроната и повинностей в пользу церкви, отмена мызной полиции, закрытие винной торговли и трактиров, балтийское губернское самоуправление (автономия), созыв учредительного собрания. Среди других, включенных в список требований, одно из них гласило буквально следующее: «отменить военное положение и усиленную охрану и отозвать войска».

В ответ на поданное представителями волостей заявление губернатор пояснил, что некоторые из пунктов заявления «могут быть исполнены немедленно»^{*)}, но другие подлежат утверждению в законодательном порядке. Если все общество настаит на этих требованиях, то правительство их «удовлетворит», но это будет возможно только тогда, когда соберется «Государственная Дума». Пусть передадут ему все эти требования, он перешлет их в Петербург. На это участники совещания указали, что прошения подавались не раз, не раз посы-

^{*)} Так передает Кродер, на долю которого выпала основная работа в собрании волостных представителей. Он отмечает, что были среди этих представителей такие лакеи и прислужники помещиков—8 волостных старшин и писарей, которые „требовали введения военного положения сейчас же после того, как только было принято решение совершенно противное. На это требование все остальные 72 представителя ответили порицанием“. (См. „Ка савилкас макони“. (О том, как надвинулись тучи), стр. 56). Очень жаль, что Кродер не назвал фамилии этих 8-ми холопских душ и не довел их, таким образом, до общего сведения.

лались «петиции», но они оставались без внимания. Распуская собрание, Звегинцев, по словам корреспондента «Денас Лапа», — наказал всем разойтись по домам и принять меры к успокоению жителей. Если все пойдет как сейчас — будет введено военное положение и у власти будет уж не он, а военный губернатор. Стало быть, у лифляндского губернатора план о «военном положении» был уже подготовлен, и он, несмотря на то, все же считал своим долгом либерально побеседовать с представителями волостей и обещал хлопотать о выполнении требований народа. Никому из собравшихся не могла и в голову притти мысль, что этот ловкий администратор только разузнает взгляды волостных представителей и в кармане уже хранит петлю военного положения. Бывший кокенгузенский волостной писарь Кродер (впоследствии приговоренный к смертной казни и «помилованный» на вечную каторгу) пишет, что равно как губернатор, так и комиссар остались довольны работами совещания. И волостные представители покидали Ригу в уверенности, что в самом деле удастся предотвратить столкновения и добиться взаимного соглашения между народными массами, с одной, и помещиками, с другой стороны.

Однако, то, что лифляндский губернатор телеграфировал в Петербург были не требования народа, а продиктованное ему помещиками *приказание*. Никаких, ровным счетом, сведений об истинном положении вещей в Лифляндской губернии! Наоборот, самая грубая ложь, которую высидели алчущие военного положения немецкие бароны. Никаких уступок в самых мелочных вопросах, никакого успокоения народных масс, наобо-

рот, провокаторская подготовка столкновения с целью потопить в крови народное движение!

На второй день после совещания волостных представителей в Риге была перехвачена зашифрованная телеграмма лифляндского губернатора министру внутренних дел:

« В Риге временное внешнее затишье. Революционной партией деятельность перенесена в уезды. Во многих волостях Рижского уезда происходили митинги с участием революционных агентов, где были вынесены постановления не признавать существующих правительственных учреждений, равно как административного, так и судебного порядка. Решено отменить все местные органы самоуправления и должностных лиц, что насильно (?) и приведено в исполнение. Создаются особые комитеты местного самоуправления. Подобные факты отмечены в Венденском уезде, где, кроме того, продолжаются убийства и грабежи (?!). В Вольмарском, Валкском и Юрьевском уездах разрастается аналогичное движение. Так как революционная партия считает своей целью учреждение *независимой местной власти* (!!), то приходится ожидать открытого *вооруженного восстания* (!). Латышские и эстонские газеты делают ссылки на завоевания, достигнутые *Финляндией и Польшей*. Я считаю положение крайне опасным, особенно ввиду отсутствия гарнизона, который, не взирая на мои просьбы, не усиливается. Насущно необходимо: незамедлительно усилить гарнизон на два полка, объявить Лифляндскую губернию на *военном положении* и назначить временным генерал-губернатором Поппена, начальника 45 дивизии, умного и энергичного человека. Кроме то-

го, необходимо иметь в Рижском порту дежурное военное судно, где поместить капиталы государственного и частного банков, достигающие нескольких миллионов рублей. Войско Лифляндской губернии подчинено Петербургскому и Виленскому округу; здесь необходимо отметить о целесообразности передачи его исключительно в распоряжение генерал-губернатора. Я со своей стороны принимаю все зависящие от меня меры и в смысле увещевания и угроз, но не уверен, удастся ли мне убедить и вразумить население. Единственная уступка (!), могущая быть дозволена, это — издавая указ о военном положении — поручить мне об'явить его в самый критический момент. Губернатор Звегинцев».

Федеративный комитет расшифровал эту телеграмму и опубликовал в понедельник, 7 ноября, в газетах: «Денас Лапа» и «Балтияс Вестнесис» со следующим примечанием:

«Мы твердо убеждены в том, что лифляндский губернатор прекрасно понимает то, что военное положение обуславливает собой столкновение и вызовет приостановку работ на всех фабриках и производственных учреждениях, что в свою очередь чревато серьезными последствиями для местной общественной жизни и рижской промышленности и торговли в особенности. Точно также мы твердо убеждены в том, что лифляндский губернатор сам не верит тому сообщению, которое он передает в телеграмме, или его нужно считать за человека, совершенно незнакомого с условиями местной жизни; в противном случае он не мог бы утверждать, что в задачу латышских революционных партий входит выделение Прибалтики из российского государства

и организация «независимой местной власти» путем вооруженного восстания.

Однако, смысл этой телеграммы нам становится ясным, когда мы ставим ее в связь с поездкой 30 октября в Петербург лифляндского помещичьего маршала Мейендорфа и с клеветнической статьей в газете «Düna-Zeitung» об «об'единении польской и латышской революционных партий». Как везде и всюду, наши балтийские привилегированные классы считают последним средством защитить свою гибнущую власть *потоплением в крови народного движения за свободу* и для подобного ответственного, с их точки зрения, дела не могли найти более подходящего лица, чем генерал-губернатор фон-Поппен, который должен был служить слепым орудием в их руках. Что уже принимаются меры к тому, чтобы вызвать столкновение, которое, в свою очередь, послужит причиной введения военного положения, — об этом свидетельствует приказ лифляндского губернатора юрьевскому (и, по всей вероятности, и другим) уездным начальникам. В приказе этом предлагается «воспретить народные собрания в деревне» и «арестовывать ораторов», что безусловно будет сопряжено со столкновениями. *Нас не страшит военное положение, ибо революционное движение не может остановить никакой гнет, никакое оружие насилия, но мы, однако, считаем своей обязанностью обратить внимание жителей Прибалтики, и гор. Риги в особенности о надвигающейся опасности, почему и предаем суду гласности эти факты.*

Латышская Социал-демократическая Рабочая партия и Рижский федеративный Комитет „Бунда“.

„Рига, 7 ноября 1905 года.“

Оба эти документа говорят сами за себя, к ним не требуется комментарий. Они сорвали маски, открыли заговор помещиков и высшей администрации и тайно заложенные заговорщиками мины под народное движение. Документы эти выявляли с бесспорной очевидностью, какой кровавый потоп тайно уготовляли народу его проклятые враги. Своим открытым письмом федеративный комитет в этот момент выбил у палачей их оружие. Административные круги охватило глубокое замешательство: лифляндский губернатор растерялся совершенно и не нашелся ничего ответить, когда печать и народные собрания начали клеймить его отвратительную двуличность, а газета «Düna-Zeitung» только истерично взвизгивала о «неблагонадежности чиновников», которые погубили столь конспиративно и удачно скомбинированный план. Народную среду, зато, охватила неопишуемая ярость. На первых порах были даны спешные телеграммы на имя председателя совета министров, в которых указывалось, что лифляндский губернатор позволил себе сообщить наглую ложь об организации «независимой власти», что о введении военного положения он просил из раболепства перед реакционным балтийским юнкерством; что латышские народные массы добиваются только широкого местного самоуправления, а отнюдь не отделения от России. Подобного содержания депеши были направлены в Петербург от имени Рижского бюро учителей и родителей, Рижского «союза» демократических обществ, от имени отдельных волостей (Кокенгузенской и др.). Латышский учительский конгресс в полном своем составе (около 1.000 человек) апеллировал к русской прогрес-

сивной печати, чтобы осветить истинное положение вещей в Прибалтийских провинциях. Надежды на то, что открытое слово латвийских волостей и обществ возымеет в сферах правительства такое же значение, как маршальское слово балтийских помещиков вкупе с тайными нажимами придворных фрейлин, конечно, не было никакой, но, однако, и такое быстрое средство, как телеграммы, было использовано в целях предотвращения *грозной опасности* *).

Теперь для латышской социал-демократии было очевидно, что на соглашение и мирное улажение конфликта с правительственными сферами в Прибалтике рассчитывать не приходится, что рано или поздно, предстоит столкновение в открытой борьбе. Вместо мира балтийское юнкерство остановило свой выбор на войне, и латышскому народу оставалось одно: *организоваться и готовиться* (вооружаться) к борьбе, к борьбе — непредотвратимой. Уже до этого, на митингах в деревне (в особенности в Курляндии), подчеркивалось требование об отмене военного положения и отзыве войска; теперь со всей силой непоколебимой воли выносятся

*) Поскольку явствует из позднейших признаний юнкерства, то в начале ноября месяца правительство при лучшем желании не в силах было удовлетворить требования балтийцев. Автор „Lettische Revolution“ повествует, что „латышские союзы и общества могли с полным успехом“ сэкономить „расходы на отправку в Петербург телеграмм. Очевидно, Витте и в голову не приходило в то время сделать переброску войск на Ригу“ (стр. 221). Оно и понятно в то время графу Витте едва хватило вооруженной силы для охраны царской резиденции, ибо восстание начало охватывать и армию, и флот (Кронштадт).

решения, что «против «черной сотни» (балтийской самозащиты) можно бороться только с оружием в руках, почему необходимо всеобщее вооружение». (Резолюция на митинге в Зегевольде, «Денас Лапа», № 247). Или еще: «право народа можно считать обеспеченным лишь только тогда, когда народ в силах отразить всякое насилие — почему мы считаем неотложным запастись оружием и обучаться обращению с ним». (Резолюция в им. Крон-Берзегоф, «Денас Лапа», № 247). С этого момента во многих местах начинают создаваться отряды народной милиции (напр., Руен, Ремерсгоф и т. д.). Требования оружия раздаются повсеместно. Сельское население обращается к партийным организациям: эти последние, в свою очередь, насаждают на городские комитеты. Однако, эти требования или не удается выполнить вовсе, или в крайне незначительном объеме. Латышская социал-демократия не располагала оружием, которым можно было бы вооружить народную милицию; однако, она прилагала все усилия, чтобы раздобыть оружие, по крайней мере, в таком количестве, которое было бы достаточно для отпора полиции и вооруженным налетам самоохранников—в нужный момент. *Латышская социал-демократия не отвергала в 1905 году неизбежности вооруженной борьбы, она учитывала всю необходимость партизанщины *)*, однако, расчеты на

*) См. резолюции 2-го Конгресса о „вооруженном восстании“: „ Конгресс латышской социал-демократической рабочей партии считает основной задачей социал-демократии и впредь пробуждать классовое самосознание пролетариата, организовать и направлять силы пролетариата на дружную борьбу; но, принимая во внимание, что классовая борьба

победу народа она строила не на десятке — другом маузерских дул, а на непреложной воле масс, на их организованном и дружном нажиме и выступлении *).

Не к чему ждать и оттягивать, необходимо обрести свое право собственной рукой. Разрушить до основания старый строй, немедленно осуществить не на словах, а на деле революционно-демократические требования, обратить эти достижения в достояние всего народа и закрепить новый демократический строй в низах, организовать весь народ на защиту своих завоеваний — вот основная задача революционного движения того времени. Для осуществления этой задачи необходимы были новые органы общественной власти, и они были созданы. Это были исторические «комитеты действия».

Прежде всего, необходимо отбросить ложное мнение о том, что будто бы «комитеты действия» послужили причиной кровавого террора карательных экспедиций. А именно в таком свете пытается представить дело балтийская печать, которая вынуждена скрывать, в данном случае, ужасную правду, а именно, — что кровавый поток захлестнул Прибалтику не благодаря отмене волостных учреждений, а благодаря преданию огню помещичьих гнезд и разгону самих помещиков.

под гнетом самодержавия не может протекать без стеснений, конгресс рекомендует неуклонно подготавливать пролетариат к открытому вооруженному восстанию; давая отпор каждому акту насилия самодержавия и превращая стычки со слугами царской власти в неумолчную партизанскую борьбу“.

*) См. Н. Ленин (В. Ульянов) Полное собрание сочинений: „Должны ли мы организовать революцию“. Стр. 8—96, том VI, 1922 г. — Переводчик.

С победой контр-революции в России, само собой ясно, было бы уничтожено освободительное движение в Прибалтике, было бы уничтожено новое демократическое управление, но эта реакция все же не потребовала бы столько жертв, не была бы столь ожесточенной и свирепой, если бы правительство нарочно не предоставило Прибалтику на расправу кровожадного юнкерства.

Не из-за того стремительно примчались из Петербурга гвардейские полки, что в волостных правлениях были свергнуты орлы самодержца и выбраны демократические органы самоуправления. Нет, дело в том, что были преданы пламени «священные» дворцы балтийского баронства с их привилегированным величием прадедов, и мятежные латышские и эстонские крестьяне отказались уплачивать арендную плату, закрыли корчмы и взяли леса под общественное попечение волостей. За эти преступления требовалось покарать их «до седьмого колена», и военные суды вынуждены были палачествовать пять лет подряд. Подобные латышским революционные самоуправления были созданы также в Грузии; старые волостные правления (гмины) были подвергнуты бойкоту и выбраны новые также в отдельных округах Польши; та же картина наблюдалась и в Литве, но там это далеко не послужило причиной свирепого урагана карательных экспедиций в то время, как в Латвии их деятельность была в полном разгаре. В Польше и Литве новоизбранные члены местного самоуправления не подвергались расстрелу и повешению. Что свержение старых волостных правлений и выборы «комитетов действия», сравнительно, не тяжкое преступление против существующих законов государства российского, это

было признано еще в 1905 г. официальными представителями власти *), и то же самое сотни раз подтверждалось сессиями царских судов, сплошь да рядом или при-суждавшими бывшим членам «комитетов действия» аресты сроком на несколько недель, или оправдывавшими их совершенно в то время, как в период ужасов революции это «преступление» стоило жизни. «Комитеты действия», фактически, лишь послужили выгодным для истребления крестьян Прибалтики предлогом. Ссылаясь

*) Примера ради приводим здесь отзыв Кродера, который 28 октября имел официальную беседу с комиссаром князем Кропоткиным и начальником рижского уезда Жилинским. „Когда у меня потребовали сведений о собраниях и других работах в Кокенгузене, я не постеснялся дать подробное освещение положения вещей, в особенности князю Кропоткину, который выслушивал меня с большим вниманием и интересом. Он признал эти действия и все направление работы правильным и на-ходил, что они сводятся к сохранению порядка и спокойствия, почему дал свое согласие на продолжение работы во взятом направлении“. (См. Я. Кродер—„Ка савилкас мақони“ (О том, как надвинулись тучи), стр. 51). Или еще корреспонденция из Митавы: в высших сферах правительственных чиновников идет два противоположных течения уездный начальник Гротус находит, что все новоизбранные волостные старшины и писаря подлежат аресту и отправке в северные губернии; прокурор же ссылается на манифест 17 октября, равно как и на тот факт, что перевыборы происходят под непосредственным давлением народных масс — и отказывается от поддержки обвинения. Генерал-губернатор, как и всегда, не знает, что предпринять и в конце-концов сзывает к себе волостных старшин и писарей и просит их „растолковать“ ему положение („Денас Лапа“, № 258).

на «комитеты», балтийские юнкера рассчитывали умыть в невинности руки, делая вид, что это не ради них потоками льется кровь... Отсюда ясно, что «комитеты действия» не на много могли увеличить бремя греховное: в момент, когда народные массы выступили на открытую борьбу против помещиков, — как для русского царизма, так и для баронства было равным счетом безразлично, остаются ли старые волостные правления на своих местах, или нет; распевают ли в школьных зданиях «Вставай, подымайся», или «Боже, царя храни». Бесспорно то, что как только революционную Прибалтику начали утаптывать карательные экспедиции, юнкерской кровожадности необходимо было найти свои жертвы: не будь «комитетов действия», — истребили бы попросту членов волостных правлений или отобрали бы от каждой сотни населения пяток или десятков и подставили под дуло (это было и на практике). Ужасы контр-революции начались после ноябрьских и декабрьских событий (предание пламени дворцов, захват и разгон помещиков), почему вопрос приходится ставить в такой плоскости: было ли возможно в тот революционный момент увернуться от открытой вооруженной борьбы с помещиками и их архангелами, или нет. И каждый, кто лично пережил это время, ответит, что это было непредотвратимо и неизбежно и что эта борьба была исторической необходимостью.

Латышские социал-демократы прекрасно понимали, что, выбирая «комитеты действия», они разрушают основы старых законоположений и становятся на «противозаконный», революционный путь. Но об исполнении законов царского самодержавия могли и могут забо-

таться только защитники и оберегатели старого строя, а, конечно, не революционные массы, которые не считались с количеством жертв, приносимых для низложения правопорядка буржуазии и завоевания гарантий своего правового положения. И, невзирая на это, можно задавать вопрос, где и в чем выразался «закон» в то время. Чуть ли не каждый день приносил перемены: что сегодня, допустим, считалось за основные законы государства, установленные провидением, как, например, «неограниченное самодержавие», — то было отменено 17 октября и место его заступили «незыблемые основы гражданской свободы *).

Стало быть, старых «законоположений» уже не существовало и создать новые законы и правовые нормы было прямой задачей народного движения. Мы, даже при лучшем желании, не в силах были придерживаться каких-либо правовых норм в нашей работе, должны были прилагать мерилу совершенно иного порядка, а именно: диктуется ли это задачами нашей борьбы и сходится ли это с интересами пролетарских масс? И в

1) Что не существует уже не только старого, но и никакого вообще определенного правопорядка в России, это в октябре довел до всеобщего сведения граф Витте:—„Россия превзошла формы существующего государственного строя. Она стремится к учредительному правопорядку, основываясь на требованиях гражданской свободы“. См. также об'явление Витте, выпущенное одновременно с манифестом 17 октября, с надписью на этом об'явлении монарха „сие надлежит принять во внимание“ („Денас Лапа“ № 230).

такой постановке мы можем отвечать на вопрос: почему нами избирались «комитеты действия» *).

До октябрьских событий латышской социал-демократической рабочей партией проводилась повсеместно решительная агитация в том направлении, что старые волостные правления подлежат полному уничтожению и поэтому выборы волостных правлений надлежит *бойкотировать*. «Пусть никто из нас не участвует в выборах и не избирает никаких должностных лиц по волостям, старым мы предложим сложить свои полномочия», — вот пароль Центрального Комитета. Он вдруг исполнился самым неожиданным образом: старые волостные правления рухнули сами собой. Свои полномочия сложили добровольно или вынуждены были их сложить не только отдельные должностные лица порознь, но даже целые уезды одновременно. Так, напр., собрание волостных старшин и писарей Добленского уезда единогласно постановило 14 ноября — «с сегодняшнего дня сложить полномочия, о чем довести до сведения курляндского генерал-губернатора и губернатора, равно и волостных обществ» («Денас Лапа», № 258). Старый строй волостного правления был окончательно сломлен и сейчас же встал вопрос: а что же дальше? Ответа требовали от латышской социал-демократии, так как она руководила движением, направляла борьбу, давала

*) В „Циня“, № 27 (марта 1906 года) помещена статья — „Почему мы избирали „комитеты действия“; но статья эта недостаточно ясно объясняет нашу революционную тактику того времени.

лозунги и от ее имени выступали сотни докладчиков и ораторов на митинговых собраниях в провинции *).

И без замедления и оттяжки был дан, вернее, напрашивался сам собою — ответ: *выбирать «комитеты действия»* на основе общего, равного, прямого и тайного голосования. На это, в первую голову, толкали неотложные *практические запросы* жизни волостей: старых волостных правлений не существовало, но продолжало существовать волостное хозяйство, которое нельзя было бросить на произвол судьбы без какого-либо присмотра и контроля. Нельзя было предоставить самим себе—без пищи и питья—волостные богадельни, необходимо было снабжать волостные школы, волостные фонды и имущество нельзя было пустить по ветру. Разрешение всех этих задач требовало выборов «пользующихся доверием лиц», чтобы не пострадали интересы волостного населения, — в особенности интересы демократической его части. Связь с комиссарами, полицейскими, представителями администрации была порвана, но это не означало, что вся местная жизнь должна превращаться в *анархию*. Если революционное движение желало победы, то оно немедленно должно было покончить со всеми проявлениями анархии и дезорганизации в собственных рядах; жизнь и свободу деревенского населения необходимо было защищать от различного пошиба «суб'ектов», мошенников и хулиганов, которые то и дело под социал-демократической маской (при помощи

*) Социал-демократические ораторы затребовались отовсюду. В октябрьские дни из Фрауэнбурга, между прочим была отправлена официальная телеграмма в Ригу на имя Центрального Комитета и была доставлена по назначению.

«подлинных» печатей и без них) стремились захватить в отдельных местах командные высоты и руководить, практикуя «конфискации» и вымогательства (Роненбург). Против таких элементов, — а им нет числа в периоды великих смут, — могли успешно бороться лишь органы, избираемые и контролируемые самими массами. Однако, управа над хулиганами и ворами и поддержание порядка отнюдь не являлись основными задачами в то время. Кардинальным являлся вопрос, как осуществить на деле требования народа, чем руководиться в дальнейшем поступательном шествии революции, как организовать защиту от налетов юнкеров и драгун. Для этого в каждой волости необходим был некий выборный центр, которому надлежало проводить в жизнь постановления народных собраний, держать связь с центрами других волостей и партийных организаций, и который, в критический момент, мог бы поднять на ноги все население волости, организовать и направить его для осуществления тех или других задач, диктуемых обстановкой.

Мы должны засвидетельствовать здесь еще только одно: «комитеты действия» блестяще выполнили свою историческую роль. Уже при выборах сельское население выявило свою сознательность и политическую зрелость, подавая свои голоса лишь за таких представителей, которые не на словах, а на деле были готовы действовать и бороться за осуществление народных требований и интересов революции.

К своим обязанностям «комитеты действия» относились самым серьезным образом, на ответственных постах их члены оставались до конца, только весьма и

весьма часто, к сожалению, венчая свою деятельность геройской смертью — под налетами карательных экспедиций. Балтийская юнкерская печать всячески поносила борцов и надругалась над памятью жертв революции, но ей не удалось привести фактов, когда «комитеты действия» не оправдали бы до конца доверие народа.

Старые волостные правления надлежало свергнуть для того, чтобы лишить всякой опоры самодержавно-бюрократический строй. Старые волостные правления являлись низовыми учреждениями административной власти, которые действовали на основании «закона», которые распоряжения и приказы сверху переносили на народные массы и которые могли держать в «ежовых рукавицах» все население волости. И если народ в революционном порядке отменил старые волостные управления — этим был сломлен и парализован весь местный административно-бюрократический аппарат, ибо из общего механизма выпадал исполнительный орган, который проводил в жизнь распоряжения губернаторов, уездных начальников, комиссаров и других правительственных чинов и заставлял население повиноваться существующей правительственной власти. Было похоже, что у бюрократической брочки вдруг разлетелись все колеса и двинуться с места не представляется возможным. Сваленный революционерами телефонный столб можно было легко водворить на место и снова наладить связь, причем волостным правлениям можно было приказать поставить новые столбы в 24 часа и уплатить, вдобавок, контрибуцию. Теперь же исчезли не только охрана мостов и «казенок», но также волост-

ные курьеры, писаря и все должностные лица, — и грозный кулак администрации упирался в пустое пространство; даже получить более или менее точные сведения о событиях в охваченных движением округах, не представлялось возможным всеильным бюрократам, сидевшим на прежних местах в своих канцеляриях. Администрация и полиция очутились в таком «военном положении», что, будучи изолированы от народных масс, они были в состоянии действовать лишь шашками наотмашь, а никак не направлять и регулировать местную жизнь.

В период революции первой основной задачей является дезорганизовать старую государственную власть, парализовать ее силу и уничтожить ее органы правления. Вместе с «отменой волостных правлений в Прибалтике выкорчевывалась с корнями полицейско-самодержавная власть и наносился тяжелый удар старому режиму царской России *).

*) Хочу здесь обратить внимание читателя на брошюру Параграфа „Политическая свобода“ (написана до революции) где автор, останавливаясь на мероприятиях в р е м е н н о й р е в о л ю ц и о н н о й в л а с т и, как первоочередную задачу (после роспуска постоянного войска и народного вооружения) выдвигает организацию местного с а м о у п р а в л е н и я на самых демократических основаниях.—„Этот шаг является самым существенным, ибо низовым органам самоуправления принадлежит не только фактическая власть, но на них опирается, держится вся политическая надстройка“. Далее, им приводится цитата из Маркса, что „основной фундамент рабского здания—низовые политические и социальные силы, с которыми непосредственно вынужден иметь дело живой человек в его личной жизни“, что недостаточ-

В Прибалтике, однако, революция достигла такой высоты, что она была в состоянии не только дезорганизовать разваливающуюся на все стороны государственную власть, но также приняться за дело организации новых общественных сил, не только ломать и разрушать, но также создавать и строить. Орудием действия в революции 1905 года в Прибалтике было организованное массовое движение, сознававшее свою силу и бывшее в состоянии заранее наметить план революционного действия и осуществлять его. Латышская социал-демократия в период революции не на словах, а на деле руководила и направляла движение масс, а не двигалось и управлялось массами, как это имело, к сожалению, место у наших русских товарищей. «Мы являлись лишь струнами арфы, которую настраивала буря революции. Мы являлись лишь стрелками революции и двигались вперед по тому пути, на который толкала тяжелая поступь масс», — такой отзыв дает Парвус о русской социал-демократической рабочей партии. Русские товарищи в это время часто употребляли фразу о «творческом хаосе» и возлагали свои надежды на то, что русский царизм, благодаря внутренним и внешним потрясениям (проигранная война с Японией, непрекраща-

но в революции сделать „смену только политических верхушек и оставить в неприкосновенности носителей верхушек—корни *)“. См. „Политиска бриввиба“ (Политическая свобода), стр. 78.

*) Ср. Н. Ленин (В. Ульянов). Полное собрание сочинений: „О временном революционном правительстве (Только снизу, или снизу и сверху)“ том VI. стр. 227, 233, изд. 1922 г.—Переводчик.

щающиеся забастовки, неорганизованные крестьянские восстания, революционные вспышки в войсках и т. д.) распадется сам собою *)).

Мы также боролись за победу, но мы заранее намечали путь своей борьбе, мы прилагали все усилия к тому, чтобы предотвратить всякие хаотические проявления и пытались *сознательно делать свою историю*. Как раз все наши усилия были направлены к тому, чтобы выбраться из хаоса, организовать народные массы и, низвергая старый строй, заложить основу новому, демократическому порядку с новыми общественными органами власти. С этой целью мы избирали «комитеты действия».

Ничто не дает такого яркого свидетельства о политической зрелости пролетариата и руководящей роли его авангарда — Латышской социал-демократии, как

*) Ясно, что, руководствуясь заявлениями Парвуса и строя на них свои выводы, т. Янсон ошибочно оценил деятельность русской социал-демократии в 1905 году. Что касается тактической линии русского *большевизма*, то она и в этот ответственный момент была достаточно ясна и определена. Здесь т. Янсон делает ту ошибку, что роль оппортунистических течений в русской социал-демократии распространяет на всю социал-демократическую Рабочую партию, в том числе и на большевистскую ее часть. Весь вопрос заключается в том, что революция 1905 года в России, достигая высокого напряжения в крупных городах и промышленных центрах (Советы Рабочих Депутатов в Ленинграде и в Москве, вооруженное восстание в Москве) не захватила широких крестьянских масс, почему русский промышленный пролетариат, дававший царизму бои в фабричных городах и центрах, оказался изолированным и проиграл сражение.—Переводчик.

именно выборы «комитетов действия». Нужно только ясно представить себе значение такого фактора, как ниспровержение по всей Латвии — от Валка до Полангена — старых волостных правлений и введение новых революционных учреждений самоуправления. На этом сотни тысяч сельских жителей стали под революционное знамя, объединились в борьбе за общие требования и общие задачи, повинувшись общим тактическим лозунгам. Народная воля была воплощена в жизнь, народ сам завоевал свое право, отменил феодальные преимущества, присвоенные помещиками, создал свою свободную народную школу и заложил основу демократическому строю. Как уже нами отмечалось выше, мы признавали вооружение (главным образом, в целях защиты) насущной необходимостью, однако, центр тяжести мы переносили не на «дружины народной милиции», а на самосознание *) самих масс, которые (мы были убеждены в том) сумеют всеми средствами защитить завоевания революции. Мы прекрасно понимали, что далеко не так гладко пойдет дело революции в самой России, а также и то, что борьба, современем, может быть подвержена переменным успехам, и старые общественные силы могут на время одержать верх, но мы рассчитывали, что и в худшем случае — уничтожить все революционные завоевания — будет невозможно. Что старая государственная власть и в случае победы контр-революции не сможет быть настолько целостной и монолитной,

*) Ср. Н. Ленин (В. Ульянов). Полное собрание сочинений: „Должны ли мы организовать революцию“, том. VI, стр. 92, изд. 1922 г. — Переводчик.

как прежде, что она не в силах будет вернуть свое абсолютное начало, — свидетелями этого мы являемся и при теперешней, незаконченной в России, революции 1905 года: хотя царизм вновь вступил в свои права, но он вынужден был сдать ряд своих позиций (напр., государственная дума, «свобода печати», обезображенные начатки «свободы собраний», т. е. все, что и до сих пор не ликвидировала реакция Романовых и Пуришкевичей). Мы в то время питали надежду, что революция пойдет вперед, во всяком случае, — удержится более продолжительный промежуток времени и что за этот период времени пустят свои корни и окрепнут новые органы самоуправления настолько, что их не в состоянии будет смести последующая реакция, и, стало быть, вынуждена будет попросту их санкционировать (как, напр., осуществлены перемены в Финляндии). Приведу здесь одно из воззваний Центрального комитета (в начале ноября 1905 года), которое ясно свидетельствует о том, как Латышская социал-демократическая рабочая партия рассматривала в то время значение «комитетов действия».

«Спасовать в настоящую минуту перед правительством было бы равносильно самоубийству, ждать от правительства чего либо — безумием. Как раз в настоящий момент великой революции, когда ломаются все правительственные устои, когда его прислужники окончательно теряют голову, — настало время нанести самодержавию последний удар и заложить здание нового народного самоуправления. *Каждое вновь созданное учреждение будет завоеванием, которое никакая сила не сможет погубить.* Яркий пример того, какие завое-

вания достижимы для народа, дает Грузия на далеком Кавказе *). Грузины отказались признавать правительственных чиновников, преобразовали свое самоуправление, за что Грузия была об'явлена на военном положении. Но к величайшему удивлению, спустя пару недель военное положение было отменено. Спрашивается, почему? Просто потому, что грузинский народ оказался сильнее военного положения... Это свидетельствует лишь об одном: те местности, где введено военное положение для преодоления мятежа, должны удесятерить свой мятежный напор, и этим они обратят военное положение в ничто. *Необходимо организовываться, вооружаться и преобразовать согласно требованию народных масс всю местную жизнь, разрывая все звенья связи со старым правительством».*

Органы местного демократического самоуправления являлись лишь первым организующим началом революции. Борьба народных масс должна была усиливаться и шириться вплоть до созыва «учредительного собрания», окончательного свержения самодержавия и создания Российской Демократической Республики. Латыш-

1) В агитации того времени, мы сплошь и рядом ставили пример достижений Финляндии и Грузии. События в Грузии описывались в русских газетах особо яркими и сочными красками и, конечно, не без преувеличения местных революционных сил, ибо, несмотря на всю свою революционную солидарность, грузинские крестьяне не в состоянии были отразить наносимые контр-революцией тяжелые удары.

ский пролетариат твердо стал на революционный путь и с непреклонной волей и отвагой шел на решительный бой. Это свершилось:

«Жребий брошен! —
На смертный бой!».

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие к русскому изданию.	3
Предисловие к латышскому изданию.	9
 ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	
Глава I.	13
Глава II.	67
Глава III.	115
 ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	
От переводчика.	195
Комитеты действия.	200

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОМЕТЕЙ“

Москва, Никольская, 1/3. Магазины: Моховая, 26.

Телефон 3-74-60.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Стучка П.—Конституция СССР и РСФСР в вопросах и ответах. Третье изд. Ц. 45 коп.

Ландауэр Г.—Письма о французской революции. Т. I. Перевод с нем.

Из предисловия: „... Благодаря этой коллекции писем, мы имеем возможность смотреть в душу революционеров различных взаимно-враждующих направлений. В совокупности своей письма эти должны составить своего рода действие в драме; из них мы можем узнать, как правоту, так и ошибки всех действующих лиц... Великая трагедия — французская революция — находит свое отображение во многих малых трагедиях, и проходит таким образом несколько раз перед читателем...“

Лондон Джен.—Юконские рассказы. Ц. 60 коп.

Штернгейм. К.—Джимми Ферфакс. Рассказ. Ц. 35 коп.

Злободневная сатира на современного американского миллиардера-спекулянта, ищущего развлечений в Европе.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Стучка П.—Конституция СССР и РСФСР, в вопросах и ответах. Четвертое исправленное и дополненное издание.

Павлович М.—Советская Россия и капиталистическая Англия.

- Ландауэр Г.**—Письма о французской революции. Т. II.
Революционный Гейне. Избранные произведения.
Салтыков-Щедрин—Сатирик. Избранные произведения.
Мемуарная литература времен революции.
Словарь политических и иностранных слов.
Лонге Ж. и Зильбер Г.—Провокация и Революция.
С пред. Ж. Жореса.

Книга дает яркое и живое описание деятельности „великих“ провокаторов, и, в частности, детально рисует жизнь и „работу“ Евно Азефа. Много места уделяется также **Борию Савинкову**, в прежней деятельности своей, когда он еще был революционером-террористом, тесно связанным как с Азефом, так и вообще с эс-эрами.

- Фрелих П.**—Десять лет войны и гражданской войны.
Перев. с нем. Т. I: Война.

Ярко и отчетливо раскрываются здесь экономические и политические двигательные силы чудовищного мирового преступления, капиталистическая жажда наживы, милитаристское ослепление и политический диллетантизм, Коммунистам нечего скрывать и утаивать. Книга представляет собой основательнейшее сведение счетов со всеми преступлениями мировой войны.

- Проф. Евг. Браудо.**—Происхождение и развитие рабочей песни.

- Проф. Евг. Браудо.**—Русская музыка после Октября.

- Ромен Ролан.**—Путешествие в страну прошлого. Роман.
Перев. с франц.

- Фабр Л.**—Рабевель. Роман. Перев. с франц.

Бытовая картина современного французского капиталистического общества, на фоне которого рельефно выделяется личность героя романа, достигающего путем темных махинаций славы, богатства и, наконец, министерского портфеля во время империалистической войны.

Замеченные опечатки.

Напечатано:	Следует читать:
<i>стр.</i> 22 4 строка снизу (прим.)—Чтобы вы сказали...	Что бы вы сказали..
35 1 строка снизу(прим.) - см.стр.10.	См. стр. 16.
49 2 „ сверху—руссификация	русификация
54 2 „ „ —«замковые судьи	«замковые» судьи
55 3 „ снизу—Если среди них, паче ожидания, попадались желающие	Если среди них, паче ожидания, попадались лица, желающие
59 4 строка снизу—Александр I од- но время находился под яв- лением	Александр I одно вре- мя находился под влиянием
60 6 строка сверху —ни о каком разрешении «балтийского воп- роса» против помещиков	—ни о каком разреше- нии «балтийского воп- роса» против интере- сов помещиков
83 8 строка сверху—притекать в карман	притекать в карманы
113 15 строка сверху—подденных,	поденных,
133 7 строка сверху—приходится	приходится
137 7-8 строка сверху—(право поль- зоваться общици	(право пользоваться общими
151 1 строка снизу (прим.)—... см. журнал „Коммунист“	см. журнал „Больше- вик“

